

Сергей Танцура

Чаша Одина

Сергей Танцура

Чаша Одина

«Издательские решения»

Танцура С.

Чаша Одина / С. Танцура — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853524-6

Когда Сумерки Богов уже стоят на пороге, лишь один человек способен остановить гибель этого мира. Гейр Ингард, викинг и сын викинга, встанет на пути тёмных сил, и выстоять в этой битве ему поможет Одрёрир — чаша Одина. В сборник также вошли романы-фэнтези «Иезуит» и «Остров быка».

ISBN 978-5-44-853524-6

© Танцура С.
© Издательские решения

Содержание

Чаша Одина	6
1. Поход викингов	7
2. Сражение в Рогаланде	12
3. Дружинник херсира	18
4. Пелен	22
5. Набег	27
6. Поездка в Финнмарк	31
7. Форсети34	36
8. Хель	42
9. Рикнесс46	49
10. Мотсогнир	54
11. Синдри	58
12. Побратимы	62
13. День мечей	67
14. Ночь магии	73
15. Погоня	78
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Чаша Одина

Сергей Танцура

Иллюстратор Сергей Александрович Танцура

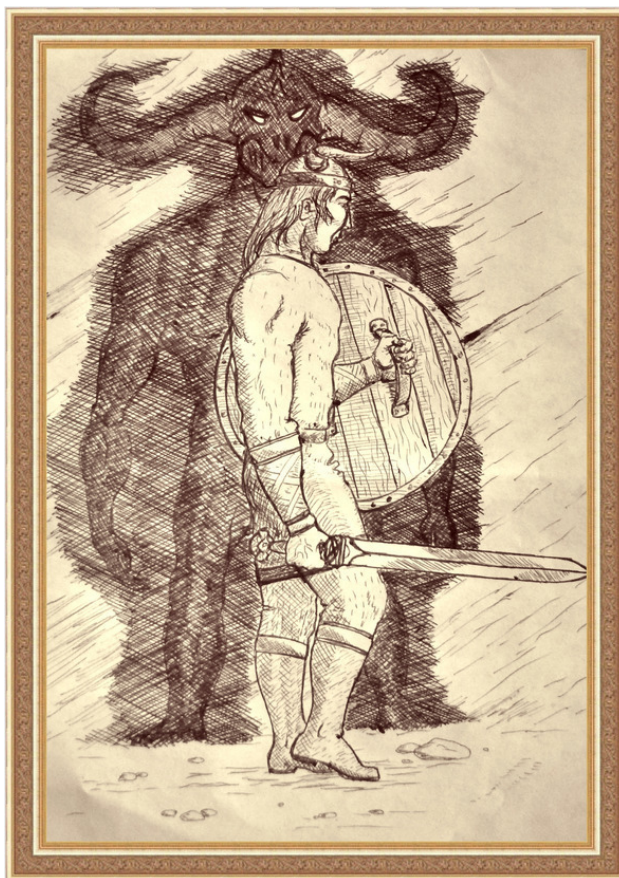
© Сергей Танцура, 2017

© Сергей Александрович Танцура, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-3524-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Чаша Одина

1. Поход викингов

...Они пришли ночью – чёрные, как демоны Нифльхейма, и столь же одержимые жадной убийства. Их драккары вошли во фьорд, беззвучно вспоров его свинцовые, сонные воды, и с тихим шелестом, похожим на зловещее бормотание ночных призраков, уткнулись в покрытый галькой берег. Но ещё раньше, чем ладьи успели остановиться, прибывшие на них схватили тарчи – круглые щиты, висевшие вдоль бортов, – и попрыгали в воду. И предрассветную тишину разорвал боевой клич морских викингов, шедших на приступ Мёри.

Хирдманы¹ конунга² Вемунда были отважными людьми, но после его отъезда в Фирдир их было слишком мало, чтобы оказать достойное сопротивление. Нападавшие смели их единым порывом и ворвались в селение, сея смерть и разрушение. Прибрежные камни фьорда окрасились алым, и не только восход был тому виной.

...Сигрид, жена конунга, спавшая на втором этаже их скали³, открыла глаза и резко села, вслушиваясь в шум близкой битвы, похожий на грохот прибоя. Сердце её на миг застыло, а затем застучало так, что едва не пробило грудную клетку.

– Всеблагая Сюн⁴, смилуйся над нами, – побелевшими губами выдохнула она, хотя и знала, что это бесполезно. Боги никогда не вмешивались в дела людей, ведя свою, недоступную простым смертным игру, повлиять на которую было невозможно ни молитвами, ни проклятиями. Но и просто смиряться Сигрид не хотела; было, по крайней мере, одно, что она была в силах изменить. И, как была – простоволосая, в просторной ночной рубашке, – она бросилась туда, где находилось самое дорогое для неё существо.

– Гейр! – задыхаясь, выкрикнула она, ворвавшись в каморку сына. Мальчик, съёжившийся на постели из шкур, посмотрел на неё широко раскрытыми от страха глазами.

– Что происходит, мама? – спросил он, стараясь, чтобы голос его не дрожал.

– Некогда объяснять, – нетерпеливо тряхнула гривой соломенных волос Сигрид, опускаясь рядом с ним на колени. – Гейр, ты помнишь тот подкоп под частоколом, что прорыли наши собаки?

– Помню, мама.

– Сейчас мы поиграем с тобой в игру, – торопливо зашептала Сигрид, растянув губы в улыбке, больше похожей на оскал. – Ты выскочишь из дома, быстро-быстро добежишь до подкопа, пролезешь через него и спрячешься в шхерах. Понял?

– Понял, – кивнул Гейр, дрожа всем телом. – А что будешь делать ты?

– Я? Я останусь здесь, чтобы ты успел спрятаться, а потом пойду тебя искать. Ну, будь хорошим мальчиком, сделай это ради меня.

– Хорошо, мама. Я сделаю, только не плачь, пожалуйста.

Только сейчас Сигрид заметила, что её лицо мокро от слёз. Неловко утерев их рукавом рубахи, она притянула сына к себе и горячо его поцеловала.

– Вот и умница. А плакать я не буду. Обещаю.

Подхватив Гейра на руки, Сигрид испуганной птицей слетела в общую залу и устремилась к дверям. Но не успела. Скрежет мечей и крики умирающих, слышавшиеся уже совсем близко, внезапно стихли, и дверь содрогнулась от могучего удара. Сигрид едва хватило времени на то, чтобы спрятать сына под лестницей, когда дверь распахнулась, и в скали вошел,

¹ Хирдманы – дружинники; хирд – боевая дружина

² Конунг – князь, племенной и военный вождь

³ Скали – главный дом на норвежском дворе

⁴ Сюн – богиня-хранительница

небрежно сжимая в руке окровавленный топор, огромный воин, облачённый в чёрную шкуру медведя, перехваченную широким поясом. Пламя занимающегося за его спиной пожара отразилось в золотых браслетах на его запястьях, весёлыми бликами расплескавшись по залу. Увидев перед собой застывшую женщину, викинг криво усмехнулся.

– Встречаешь победителя? Мудро, Сигрид.

– Рагнавальд?! – воскликнула та, не веря своим глазам. – Ты сошёл с ума! Вемунд скормит тебя воронам за это, когда вернётся.

– Вемунд? – переспросил викинг, захохотав во всё горло. – И не надейся на это. Я выследил его в Фирдире, в селении Наустдаль, где он пировал со своей дружиной, и сжёг в доме, как шелудивого пса.

Сигрид покачнулась, словно её ударили в самое сердце.

– За что, Рагнавальд? Ведь Вемунд называл тебя своим другом.

– Верно. Но Харальд больше платит: и за Вемунда... и за тебя. Так что скоро ты присоединишься к своему муженьку, Сигрид. Но сперва...

Рагнавальд криво ухмыльнулся и шагнул вперёд. Поняв, что её ждёт, Сигрид побледнела, как полотно, но не сдвинулась с места.

– Ну, что же ты? – спросил викинг, нависая над своей жертвой. – Плачь, Сигрид, моли о пощаде!

– Я обещала не плакать, – гордо вскинув голову и без страха смотря в глаза своего врага, заявила Сигрид. – А пощада... Тебе, мне кажется, она нужнее.

В её руке невесть откуда возник тонкий стилет – подарок мужа, привезённый им из похода на юг. Рагнавальд удивлённо вскинул брови.

– Ты хочешь убить меня этой игрушкой?

– Я бы перегрызла тебе горло зубами, если бы смогла, – прошипела Сигрид. – Но я знаю, что это не в моих силах. Зато я могу кое-что другое.

– И что же? – саркастически хмыкнул Рагнавальд.

– Не достаться тебе!

И, повернув кисть, она решительно вонзила стилет себе в грудь. Брезгливо пнув уже бездыханное тело, викинг плюнул и вышел из скали во двор.

– Поджигай! – приказал он своим людям и, не оглядываясь, зашагал к берегу, на гружённый ворованным добром драккар...

* * *

...Ингард открыл глаза, но ещё какое-то время оставался недвижим. Этот сон, пробудивший воспоминания двенадцатилетней давности, вывел его из равновесия, всколыхнув что-то в, казалось, навек загрубевшей душе.

Он и сам не знал, как ему удалось выбраться из охваченного пламенем скали. Таким – обожжённым, полузадохнувшимся от дыма, – его и нашёл Кьятви, двоюродный брат Сигрид. Состояние Гейра было столь ужасным, что Кьятви даже не был уверен, выживет ли он, и всё же отвёз племянника в Хардаланд, в свое поместье Утстейн, где отдал его на попечение старой ведуньи Астрид. Целый месяц Ингард прометался в горячке, находясь на грани между жизнью и смертью, и всё время Астрид не отходила от него, меняя лечебные компрессы и отпаивая травяными отварами. Она была упорна, эта женщина, посвятившая свою жизнь богине Эйр⁵ и заплатившая за свое умение врачевать огромную цену, ни разу не выйдя замуж. И Гейр благодаря её усилиям удержался на границе между Мидгардом⁶ и призрачным царством Хель⁷ и пошёл на поправку. Но, даже когда телесные его раны затянулись, душа его так и не вернулась

⁵ Эйр – богиня врачевания

⁶ Мидгард – «Срединный двор», мир людей

⁷ Хель – дочь Локи, бога хитрости и коварства, ставшая правительницей Нифльхейма, мира мёртвых

к жизни, оставшись в Мёри, на пепелище родного дома. И хотя Къятви относился к нему как к родному сыну, Ингард рос замкнутым, молчаливым ребёнком, в глазах которого всё время клубилась чёрная мгла, пугавшая окружающих и заставлявшая их постоянно быть настороже.

Однако за двенадцать лет, минувших со дня смерти его родителей, мгла постепенно покинула его взор, хотя и продолжала таиться в недостижимой для посторонних глубине, готовая в любой момент вернуться обратно.

И вот, кажется, такой день настал.

Ингард поёжился от ночной прохлады, пробравшейся ему под плащ, и сел. Костёр, возле которого он спал, давно погас. Небо на востоке только-только начало светлеть, и звёзды ещё сохраняли свой блеск. Вокруг, словно на поле брани, вповалку лежали воины, и только громогласный храп, разносившийся над ночным берегом, отличал их от мёртвых.

Ингард встал и начал спускаться к воде, стараясь не шуметь. Вчера у них был тяжёлый день, из-за встречного ветра пришлось всё время идти на вёслах, и Гейр не хотел кого-нибудь разбудить. Но всё-таки ему это не удалось.

– Не спится?

Остановившись, Гейр повернулся на голос. Позади него стоял Къятви, благодушно ухмылявшийся в бороду.

– Нет.

– Сегодня хороший рассвет, – сказал Къятви и повернулся лицом к налетевшему ветерку. – Погода нам благоволит.

Неожиданно он тяжело вздохнул. Ингард посмотрел на него с тревогой.

– Тебя что-то беспокоит?

– Не нравится мне наша затея. Я думаю, что у Харальда немалый груз счастья, а у нашего конунга нет даже полной горсти его.

Гейр вспомнил тот день, когда в Утстейн прибыл посланник Торира с ратной стрелой⁸. Къятви принял его как дорогого гостя, и очень скоро объявил о своем решении выступить на стороне конунга со своей дружиной. Гейр не присутствовал на переговорах, да ему это было и не нужно. Для себя он всё решил уже давно, и теперь не желал упускать удобного случая. Он отправился бы с конунгом в любом случае, и никакие отговоры не смогли бы переубедить его в этом. Рагнавальд, убийца его родителей, был ярлом⁹ Харальда Косматого¹⁰, а где его можно было встретить, как не подле своего господина? Гейр только надеялся, что норны¹¹ будут к нему благосклонны и позволят ему сойтись с Рагнавальдом лицом к лицу.

Однако откровения Къятви заставили его задуматься. Он любил своего дядю, заменившего ему отца, и не желал его смерти. А Къятви говорил сейчас так, словно его смерть была делом уже решённым. И, боясь услышать этому подтверждение, Гейр осторожно спросил:

– Тогда почему ты явился на его зов?

Къятви в задумчивости погладил свою бороду, прежде чем ответить.

– Харальд Косматый великий конунг, но дни его правления – чёрные дни для всей Норвегии. Когда под его власть подпали многие фюльки¹², он стал зорко следить за херсисами¹³ и влиятельными хёльдами¹⁴ и всеми теми, кого он подозревал в недовольстве. Он заставил

⁸ Ратная стрела – специально изготовленная стрела, которую посылали по стране в знак начала войны и призыва к сбору ополчения

⁹ Ярл – правитель или военачальник, назначаемый конунгом

¹⁰ Харальд Косматый – ок. 933 г., первый король Норвегии, после восшествия на престол получивший прозвище Прекрасноволосый

¹¹ Норны – богини судьбы

¹² Фюльк – племя

¹³ Херсир – племенной вождь

¹⁴ Хёльд – наследственный землевладелец

каждого выбрать одно из двух: пойти к нему на службу или покинуть страну, а в противном случае он сурово наказывал непокорных или лишал их жизни. Конунг Харальд присвоил в каждом фюльке наследственные владения, распоряжаясь ими по своему усмотрению. Многие бонды¹⁵ стали зависимыми от него держателями земли. От этого гнёта многие бежали из страны, но многие и подчинились. Торир Агдирский хочет вернуть бондам их свободу, завещанную предками, и поэтому я с ним. Но я не верю, что у него хоть что-то получится.

Гейр бросил встревоженный взгляд назад, туда, где посреди лагеря высился шатёр конунга, и тихо произнёс:

– С такими высказываниями надо быть поосторожнее.

Къятви невесело усмехнулся.

– Я думаю, конунг считает также. Но у него есть долг перед своей страной, и он сделает всё от него зависящее, чтобы его исполнить. Как и я, чтобы исполнить мой.

Устало ссутулив плечи, словно на них обрушился весь вес прожитых лет, Къятви повернулся к морю спиной и побрёл туда, где спали его люди. Проводив его долгим взглядом, Ингард вздохнул и снова посмотрел на море, чёрным полотном простёршееся перед ним.

– У всех нас есть свой долг, – пробормотал он, обращаясь к плескавшимся у его ног волнам. – Слышишь, Рангвальд? Я иду, чтобы потребовать с тебя твой. И ничто меня не остановит.

И, войдя по колено в воду, он погрузил свое разгорячённое лицо в солёные волны, скрепляя ими, как кровью, свою волчью клятву...

... Через час, когда с неба исчезли последние звёзды, а тени на земле утратили свою монолитность, лагерь викингов начал постепенно просыпаться. По берегу застлались дымы костров, сносимые свежим ветром, запахло жареным мясом. Над побережьем повис гомон голосов, послышался звон оружия, смех, тут и там возникали дружеские потасовки.

Гейр, вернувшийся на свое место, угрюмо точил меч, подобрав с земли подходящий булыжник. Его напарник, скальд¹⁶ Мард, которого любили все воины за его веселость и незлобивый характер, присел рядом и сказал:

– Гейр, не отложишь ли ты своё дело?

– Зачем? – буркнул Ингард, но камень отложил. Мард улыбнулся.

– Я хочу, чтобы ты высказал своё мнение о моей новой виси¹⁷.

– Давай, – вздохнул Гейр и приготовился слушать. Мард устроился поудобнее и запел:

Родитель битв нас всех на пир позвал.
На пир кровавый – воронам потеха.
И мир вокруг стал бесконечно мал,
И Хель не удержала злого смеха.
Валькирии кружат над головой,
Высматривая храбрых среди храбрых.
Из Нифльхейма слышен волчий вой;
Лишь мертвецам достанутся все лавры¹⁸.

Во время его пения возле их костра останавливались проходящие мимо воины, чтобы послушать, и когда Мард замолчал, они выразили своё одобрение громкими криками. Но скальд всё же обратился к Ингарду:

– Что скажешь?

¹⁵ Бонд – свободный общинник

¹⁶ Скальд – древнескандинавский поэт-певец

¹⁷ Виса – жанр скальдической поэзии

¹⁸ Здесь и далее стихи автора

Гейр, пожалуй, впервые за это утро улыбнулся и хлопнул Марда по плечу.
– Великолепно, дружище! Просто великолепно!

Мард расцвёл. Он был младше Ингарда всего на полгода, но относился к нему с почтением, и очень ценил его дружбу. Они сошлись в поместье Къятви. Мард был сыном лендрмана от наложницы, и с детских лет поражал окружающих своим стихотворным талантом. Гейр проводил с ним большую часть своего времени, и они стали неразлучны, как братья. И в этот поход Мард увязался только из-за участия в нем Ингарда.

В это время до них долетели приветственные крики, усиливавшиеся и разраставшиеся вширь, как лавина, пока не затопили весь лагерь. Гейр и Мард поднялись и посмотрели в ту сторону, откуда они начались. Там, на пригорке, у входа в большой шатёр, окружённый двенадцатью берсерками¹⁹, стоял конунг Торир. Ингард вспомнил свой ночной разговор с Къятви и от приветственных возгласов воздержался. Мард, стоявший рядом с ним, бросил на него недоумённый взгляд, но сделал вид, что ничего не заметил. Гейр уселся на своё место и, взяв висевший над костром ломоть мяса, начал рвать его зубами, запивая каждый кусок добрым глотком эля. Мард сел напротив и, подумав, последовал его примеру. Было видно, что его буквально распирает желание что-то спросить, но он сдержался, за что Ингард был ему очень признателен. А вскоре последовал приказ грузиться на корабли, и стало не до разговоров.

Вёсла одновременно упали в воду, подняв мириады брызг, сверкавших в лучах только появившегося солнца, словно бриллианты, и пятнадцать драккаров отошли от берега, вспенивая гладь бухты. Выйдя за шхеры, корабли развернулись по курсу, и над ними выросли квадратные крылья-паруса. Поймав ветер, они выгнулись дугой, и ладьи викингов двинулись вдоль берега, постепенно набирая скорость. Флот Торира тронулся к Хаврсфьорду в Рогаланде, месту встречи войск под предводительством херсиров, недовольных правлением конунга Харальда.

Спустя неделю ладьи Торира входили во фьорд, выискивая безопасный проход между большими и маленькими островами. Гейр, стоявший на носу драккара Къятви, не поверил своим глазам, когда увидел не менее пяти десятков кораблей, поставленных здесь на прикол. Ингард произвёл быстрый подсчет и решил, что их войско составляет теперь около двухсот дюжин. Увидев эту армаду, Гейр впервые усомнился в справедливости слов своего названного отца, и его вновь охватил боевой азарт.

Их появление встретили громкими криками. Викинги с обеих сторон подняли ужасный шум, ударяя оружием по своим щитам. Пристав к берегу, вновь прибывшие сошли на землю и присоединились к пиру, который был в самом разгаре. Ингард снял свой шлем и поставил его под бочонок эля. Пока он пил, его не раз хлопали по спине и звали присоединиться к тому или иному костру. И, выбросив прочь все свои тревоги, Гейр с головой окунулся в это бесшабашное веселье, подумав, что это самый замечательный день в его жизни. Тогда он и сам не ведал, насколько пророческой окажется эта мысль.

¹⁹ Берсерк – буквально «медвежья шкура» или «медвежья рубашка». Так называли могучего воина, способного во время битвы приходить в исступление, когда сила его увеличивалась многократно и он не замечал боли.

2. Сражение в Рогаланде

Рагнавальд открыл глаза и сладко потянулся, с наслаждением чувствуя, как напряглись его мускулы, полные силы и такие же упругие, какими были двенадцать лет назад. Да и сам он за эти годы почти не изменился, разве что в рыжей бороде стали пробиваться серебряные пряди, словно в жгучий перец щедрой рукой добавили соли. Но это не сделало его ни медлительным, ни слабым, как это случилось со многими его ровесниками; руки Рагнавальда всё ещё крепко держали меч и весло, и он не раз доказывал это, отправляясь в викинг в Британию или в набег на соседние поселения таких же норвежцев, как и он сам, которым не повезло вызвать его неприязнь или просто зависть. К тому же, Рагнавальд мог себе это позволить, не опасаясь гнева новоявленного короля Норвегии – в своё время он оказал Харальду немало услуг весьма деликатного свойства, чтобы Косматый закрывал глаза на все выходки своего не в меру ретивого вассала. Одной из таких услуг было устранение двенадцать лет назад конунга Вемунда, оказавшегося – на свою беду – слишком несговорчивым и достаточно влиятельным, чтобы представлять реальную угрозу планам Харальда.

Вспомнив о Вемунде, Рагнавальд блаженно улыбнулся. Это было его первое дело подобного рода – и самое весомое, ставшее отправной точкой на пути к богатству и славе. После него Рагнавальд получил в лен весь Тронхейм и стал самым приближённым ярлом Харальда Косматого – и самым доверенным из них. Это была великая честь, но, к сожалению, и великая ответственность. И вчера Рагнавальд в очередной раз убедился в этом, получив ратную стрелу от своего господина.

Сбросив медвежью шкуру, служившую одеялом, Рагнавальд пружинисто встал с лежанки и принялся одеваться. Со двора уже доносился шум собиравшегося в поход хирда – гомон множества луженых глоток, хохот и звон оружия, перемежающиеся взвизгами рабынь, получавших увесистые шлепки по заду всякий раз, когда хозяйственные нужды вынуждали их пройти сквозь эту разгоряченную толпу, – и слушая эти давно уже ставшие привычными звуки, Рагнавальд хищно скалился в бороду, предвкушая радость ждавшего его впереди боя.

– Всё-таки едешь? – тихо, как-то обреченно поинтересовалась женщина, до этого безмолвно наблюдавшая за его сборами с лежанки. С головой укрытая лохматой шкурой, так что наружу выглядывали только её подозрительно блестящие глаза, она походила на зверька, обложенного стаей собак в его норе.

– Мы это вчера уже обсуждали, Вигдис, – стараясь держать себя в руках, прорычал сквозь стиснутые зубы Рагнавальд, чувствуя, как под её напряжённым взглядом испаряется весь его запал.

– Да, – согласно кивнула женщина. – Потому что из этого похода ты уже не вернёшься.

– Я могу не вернуться из любого похода, – фыркнул Рагнавальд, легкомысленно пожав плечами.

– Ты не понимаешь! – с мукой в голосе воскликнула Вигдис. – На этот раз он доберется до тебя, и никто – ни я, ни даже норны – не остановят его!

– Кто – «он»? – непонимающе уставился на жену Рагнавальд.

– Вемунд! – содрогаясь от еле сдерживаемого ужаса, выдохнула она. Рагнавальд вздрогнул, услышав имя человека, о котором сам вспоминал только пять минут назад и о котором – он был уверен в этом – Вигдис просто не могла ничего знать.

– Вемунд мертв! – пытаясь скрыть свое смятение, закричал викинг. – И уже ни до кого не сможет добраться!

– А ему никто и не нужен, – тяжело дыша, словно несла неподъёмный груз, ответила Вигдис. – Только ты.

– Ты сошла с ума, – холодно глядя на жену, отчеканил Рагнавальд и, повернувшись к ней спиной, решительно вышел прочь из скали. Вдохнув полной грудью холодный утренний воздух, чтобы успокоиться, он повернулся к притихшим при его появлении хирдманам и решительно скомандовал:

– Отправляемся!

Восторженный рёв был ему ответом, и, слушая его, Рагнавальд ощутил, как затихает буря в его душе, рождённая разговором с женой. Однако уже через секунду он вновь напрягся, увидев направлявшегося в его сторону юношу, чьё лицо было мрачнее грозовой тучи, и понял, что не все его волнения позади.

– Сумарлиди... – почти простонал викинг, опуская руки.

– Отец! – коротко кивнул юноша, приблизившись, и его глаза холодно блеснули от клоковатой в них ярости – и разочарования. – Ты же обещал взять меня с собой в очередной викинг, а теперь оставляешь дома, как какого-нибудь маменькиного сынка, никогда не державшего в руках меча!

– Но это не очередной викинг, – мягко произнёс Рагнавальд, увещевая. – Здесь не будет добычи, а только кровь и смерть. А ты ещё не готов к настоящему сражению, чтобы бросаться очертя голову в самое пекло.

– Но, если я не брошусь сейчас, то никогда не буду к нему готов, – горячо возразил Сумарлиди, сложив ладони перед грудью. И, глядя в его глаза, полные мольбы и надежды, Рагнавальд почти сдался, когда вдруг вспомнил слова Вигдис: «Из этого похода ты уже не вернёшься», и это подействовало на него, как ледяные воды Тронхеймсфьорда на горького пьяницу.

– Нет, – решительно тряхнув головой, отрезал он. – Я не хочу рисковать будущим нашего рода, ведь, если со мной что-то случится, его продолжателем останешься только ты. К тому же кто-то должен присматривать за хозяйством, пока меня не будет, а на твою мать у меня надежды мало.

Хлопнув понурившегося сына по плечу, Рагнавальд широким шагом двинулся догонять свою дружину, успевшую покрыть половину расстояния до пристани. Уже в воротах поместья он на секунду задержался, и, обернувшись, крикнул:

– Не переживай, сынок! На твой век сражений ещё хватит!

И, взмахнув на прощание рукой, скрылся из глаз, оставив раздосадованного Сумарлиди один-на-один с его горем, столь свойственным всем юнцам.

* * *

Утром Гейра разбудил поток ледяной воды, обрушившийся ему на голову без малейшего предупреждения. Прорывав проклятие, он открыл глаза, но тут же зажмурился от слепящих лучей солнца, вскарабкавшегося уже достаточно высоко. Повернувшись на бок, Ингард повторил попытку, на этот раз гораздо удачнее. Над ним стоял, скаля свои белоснежные зубы в довольной усмешке, Мард с влажным шлемом в руках. Тщательно примерившись, Гейр отвесил ему мощный пинок и сел. Потирая ушибленное место, Мард осторожно подошел поближе.

– За что?

Ингард тряхнул тяжелой с похмелья головой и смерил его сумрачным взглядом с ног до головы. Вид у Марда был обиженный и недоумённый одновременно, и Гейр, не выдержав, рассмеялся. Через некоторое время к нему присоединился и скальд, не умевший долго сердиться на кого бы то ни было, особенно – на своего названного брата.

Утирая выступившие слезы, Гейр поднялся на ноги и, положив руку на плечо Марда, проникновенно сказал:

– Ты замечательный скальд, дружище. Но вот шуточки у тебя...

Ингард покачал головой. Мард виновато потупился, и его глаза наполнились готовыми вот-вот пролиться слезами раскаяния.

– Ладно! – сжалился над ним Гейр, любивший скальда не меньше, чем тот любил его самого. – На первый раз я тебя прощаю. А теперь давай-ка наперегонки до острова и обратно. Ну, готов?

– Готов! – не скрывая радости и облегчения, кивнул Мард. И, стаскивая на ходу штаны, они бросились в студёные воды Хаврсфьорда...

Дозорные, выставленные на окрестных скалах, доложили о подходе войска Харальда Косматого после полудня. Викинги, долго ждавшие этого часа, изнывая от безделья и неизвестности, споро вооружились и бегом устремились на корабли, радуясь предстоящему сражению, как дети – празднику. Заняв места у вёсел, они дружно сняли ладьи с прибрежного песка и повели их к выходу из фьорда на большую воду, чтобы в битве иметь свободу маневра. Здесь, перегородив проход между двумя островами, отряд восставших принялся ждать.

Ожидание давило на нервы физически ощутимым грузом. Казалось, воздух застыл, а море стало похоже на густой вересковый мед, столь лениво брели по его поверхности золотые волны. Высоко в небе парили белоснежные кресты чаек, поймавших раскинутыми в стороны крыльями восходящие потоки воздуха. И над всей этой картиной разливалась абсолютная, всепоглощающая тишина, в которой без следа растворились и крики птиц, и гул ветра в оснастке парусов, и звериный вой впавших в исступление берсерков Торира, чей корабль стоял по левому борту от драккара Къятви.

Внезапно, когда напряжение достигло своего предела, слух Ингарда уловил какой-то посторонний звук, постепенно становившийся все громче и отчетливее, и ладонь норвежца сама нашла гарду меча, огладив ребристую рукоять. Ибо это был звук множества весел, мерно вспарывавших морскую гладь. В ту же секунду, когда это стало ясно, кажется, всем, в Хаврсфьорд, обогнув большой, поросший лесом остров, вошёл флот Косматого.

Гейр попытался было сосчитать противостоящие им корабли, но быстро отказался от этой затеи. Полоса воды между островом и материком просто скрылась под бороздившими ее драккарами, надвигавшимися неотвратно, как молот Тора.

– Один и Фригг! – выдохнул стоявший слева и чуть позади Ингарда Мард. – Их тьма!

Гейр молча кивнул, соглашаясь с этой оценкой. Только сейчас он осознал всю правоту Къятви, но изменить что-либо было уже поздно. Оставалось только выполнять свой долг, и Гейр не шелохнулся, мрачно глядя на двигавшееся прямо на их драккар вражеское судно и готовясь к схватке, которая могла оказаться для него последней.

Стоя на носу ладьи, Ингард ждал...

Корабли столкнулись с гулким грохотом. Стоя на носу ладьи подле оскаленной пасти дракона, Ингард ждал этого момента. И, влекомый инерцией, тут же взмыл в воздух, словно подхваченный крылатыми валькириями эйнхерий²⁰. На краткий миг все замерло, и Гейр с потрясающей отчётливостью увидел под собой искажённые яростью лица врагов, над которыми колыхалось разнообразное оружие, чьи лезвия и жала были устремлены прямо на него. А затем миг кончился, время возобновило свой стремительный бег – и Гейр, взревев раненым туром, обрушился вниз, смяв собственным весом и опрокинув сразу четырех противников, а пятого рассека мечом от плеча до паха. Не останавливая движения, он ушёл в перекат, сбив с ног ещё двоих, и, выпрямляясь, вонзил уже обагрённый кровью меч в глотку третьего, не дав ему времени даже сообразить, что именно стало причиной его смерти. А за его спиной на освобождённый плацдарм – крохотный пяточок палубы вражеского драккара – уже прыгали хирдманы Къятви, закрепляя первый успех – и стремительно развивая его, тесня дружинников Харальда все дальше и дальше от борта.

Закипела битва. Ингард рубился как одержимый, и столь же одержимыми были его соратники. Их мечи и топоры вздымались и падали с невероятной скоростью, круша все на своем пути. Палуба была залита кровью, и Гейр несколько раз споткнулся о практически расчленённые трупы, с такой силой наносились удары. Войска смешались, и со стороны не было уже никакой возможности понять, кто кого поражает. Трупы сыпались как колосья под серпом умелого бонда, окрашивая все вокруг в несвойственный ему пурпур.

Но в тот миг, когда их поражение казалось уже неизбежным, к дружинникам Харальда пришла подмога. Не замеченный в пылу боя, к их кораблям приблизился ещё один драккар, и на залитую кровью палубу хлынула ревушая волна воинов, мгновенно зажав хирдманов Къятви в тиски, из которых уже не было выхода.

²⁰ Эйнхерии – павшие в битвах воины, живущие в Валльгалле

– Рагнавальд! – радостно завопили воспрянувшие духом дружинники Харальда, словно плетью хлестнув этим именем по натянутым нервам Гейра. Забыв обо всем, молодой викинг даже опустил меч, высматривая в гуще атакующих своего заклятого врага, и едва не заплатил жизнью за эту беспечность.

Заметив эту краткую заминку, один из новоприбывших, чья одежда была куда богаче, чем у остальных, а рыжая борода, выбивавшаяся из-под шлема, была изрядно тронута сединной, одним прыжком покрыл разделявшее их расстояние и взмахнул топором, метя в образовавшуюся брешь. Опомнившись, Ингард неловко рванулся навстречу, стремясь извернуться, проскользнуть под летящей к нему смертью. Но, уже разворачиваясь и начиная свой маневр, он понял, что не успевает, опаздывает на какую-то жалкую долю секунды. «Один, я иду к тебе», – мысленно воззвал Гейр, будто наяву слыша треск ломаемых тяжёлым лезвием рёбер и уже практически смиряясь с неизбежным.

Однако вместо него успел Мард. Не имея времени придумать что-нибудь получше, он подставил под топор единственное, что было в его распоряжении в этот момент – собственное тело. И рухнул, содрогаясь в конвульсиях и захлёбываясь кровью, хлынувшей у него изо рта.

– Безбородый ублюдок! – глядя на заметно растерявшегося убийцу, прокричал побелевший от ярости Ингард ругательство, из-за которого, бывало, целые роды вырезали друг друга под корень, ища отмщения. – Да будешь ты добычей троллей!

Дружинник Харальда зарычал в ответ, оскалив гнилые зубы, и его глаза в прорезях шлема зло сощурились. Гейр выдержал этот взгляд – и вдруг вздрогнул, пронзённый внезапным узнаванием, как будто пелена спала с его памяти. Перед глазами Ингарда всплыло лицо матери, искажённое известием о гибели мужа, и стоявший напротив неё убийца, насмехавшийся над горем своей жертвы.

– Ты – Рагнавальд?! – выдохнул он, поражённый.

– Ты знаешь меня? – удивился дружинник.

– Ты убил моего отца, а потом и мою мать!

– И кого же из убитых мной ты называешь своим отцом? – издеваясь, с кривой ухмылкой поинтересовался Рагнавальд. – Их ведь было так много, что я давно уже потерял им счёт.

– Но, может, ты всё же вспомнишь конунга Вемунда из Мёри, которого ты сжёг заживо, побоявшись дать ему честный бой? – сузив глаза от переполнявшего его гнева, выдохнул Гейр. Рагнавальд задумчиво прищурился, пройдясь по фигуре своего противника цепким, оценивающим взглядом.

– Так ты сын Вемунда. А я всё ломал голову, кого ты мне так напоминаешь. Я-то был уверен, что выкорчевал всю его породу под корень, когда разделался с твоей матерью. Сигрид, кажется? Если бы ты знал, как она умоляла оставить ей её жалкую жизнь и что предлагала мне за это... – Рагнавальд мечтательно зажмурился и громко причмокнул.

– Ты лжёшь! – выкрикнул потрясённый этим циничным утверждением Ингард. Он чувствовал себя как человек, на спине которого вырезали кровавого орла; его зрение затуманилось, а пальцы задрожали, готовые выпустить забытый меч. Рагнавальд же, ждавший именно этого, стремительно покрыл разделявшее их расстояние и нанёс свой коронный удар, от кисти, без замаха.

Пойманный врасплох, Гейр отпрянул, и это спасло ему жизнь. Топор викинга полоснул по его кожаной куртке, лишь самым кончиком поцарапав бок Ингарда.

Гейр закричал, но не от боли, а от ярости. Забыв на секунду про оружие, он отвёл левое плечо назад и с выдохом припечатал свой пудовый кулак к уху Рагнавальда. Это напоминало удар кувалдой, и Рагнавальд, не устояв на ногах, рухнул наземь.

– За мою семью! – заревел, как раненый бык, Гейр и взмахнул мечом. Рагнавальд поднял над головой свой топор, стремясь отвести удар, но это ему не удалось. Ярость, казалось, удесятерила силы Ингарда, и все их Гейр передал своему клинку. Со свистом рассека воздух,

меч разрубил топорище и, не снижая скорости, вонзился в горло поверженного врага. Струя горячей крови оросила лицо Ингарда, и по палубе, подпрыгивая, покатила мёртвая голова, на лице которой навечно застыло выражение непомерного изумления. Выпрямившись, Гейр провёл ладонью по лбу и приблизил её к глазам.

Рука не дрожала.

– И за Марда, – добавил он и плюнул на тело у своих ног.

Однако времени терять было нельзя. Взбешённые поражением своего соратника, дружинники Харальда бросились в ответную атаку, чуть было на задавив уцелевших хирдманов Къятви одной лишь своей массой.

– Пора уходить, Гейр! – прокричал один из хирдманов, оказавшийся в этой свалке рядом с Ингардом. Тот устало кивнул.

– Отступаем! – коротко скомандовал он.

Хирдманы Къятви сдвинулись ещё плотнее и двинулись обратно к борту драккара, отводя буквально каждый шаг. Их путь отмечала река крови, хлеставшая из ран убитых и тяжело раненых. Гейр ещё раз взмахнул мечом, освобождая проход, и, разбежавшись, прыгнул. Другие викинги, оставшиеся в живых – их было пятеро, – последовали за ним. Тут же часть гребцов, остававшихся на корабле и удерживавших его возле вражеского драккара, бросили вёсла и встали с оружием у борта, не давая дружинникам Харальда последовать за отступающими, и стояли там до тех пор, пока остальные гребцы не отвели их корабль подальше в сторону. Только после этого Гейр позволил себе немного расслабиться и опустил, наконец, меч.

– Мы проиграли, – устало произнёс подошедший к нему Къятви и печально покачал головой. – Большая часть наших кораблей захвачена, остальные пущены на дно. Конунг Торир погиб. Уцелевшие спасаются бегством или сдаются на милость победителя, надеясь, что Харальд Косматый примет их вассальную клятву.

Ингард спокойно, словно и не ждал ничего другого, кивнул.

– Все вышло так, как ты и говорил. Теперь у нас только один путь – прочь из страны.

– Не мы первые, не мы последние, – сказал, вздохнув, лендрман. Гейр не ответил. Его взор безразлично скользил по водам Хаврсфьорда, над которыми стлался чёрный дым от горевших кораблей, и такой же чёрный мрак вздымался из глубины его души, затапливая её, подобно весеннему половодью. И во мраке этом не было места свету.

3. Дружинник херсира

Траурная процессия, оглашаемая причитаниями плакальщиц, медленно двигалась к берегу Тронхеймсфьорда, где уже было приготовлено место для кургана. Обливаясь потом, тридцать рабов тащили на своих плечах драккар, полный всевозможных даров, среди которых на высоком помосте, укрытом шкурами, возлежал Рагнавальд.

Когда ритуал похорон подошёл к концу, все собравшиеся направились обратно в Хладир, родовое поместье Рагнавальда, на поминальную тризну. Только Сумарлиди, сын покойного, не двинулся с места, и даже Вигдис, его мать, не осмелилась окликнуть его. В полном одиночестве стоял он у подножия свеженасыпанного кургана, в бессильной ярости сжав кулаки так, что ногти до крови вспороли его ладони. Он хотел бы заплакать, но гнев высушил слёзы, и его глаза оставались сухими, сверкая лихорадочным блеском в свете поднявшейся луны.

Не вынеся этой пытки, Сумарлиди запрокинул голову и завыл, вложив в этот вой всю боль и ненависть, что разрывали его на части. Лемминг, высунувшийся из своей норы, вздрогнул всем тельцем, услышав эти пронзительные, берущие за сердце звуки, и испуганно прынул ушами.

Сумарлиди, не ведавший об этом случайном наблюдателе, издал последний звериный рык и затих, стиснув виски ладонями. А когда отнял их, в его глазах плескался, набирая ширину и мощь, огонь безумия, от которого отпрянула, обжегшись, сама ночь.

– Да, – тихо произнёс Сумарлиди, и это слово в его устах больше походило на шипение рассерженной змеи, чем на человеческую речь. – Да, отец, ты будешь отомщён.

Внезапно он громко расхохотался, и этот смех жутко прозвучал в ночной тиши. В ту же секунду над прибрежной полосой взвыл лютый ветер, рванув одежды норвежца и швырнув ему в лицо снежную крупу. Но Сумарлиди даже не заметил этого, сотрясаясь от неудержимого, выворачивающего наизнанку смеха. А лемминг, в котором страх наконец-то взял верх над любопытством, поспешил укрыться в своей норке, ибо ощутил запах, заставлявший трепетать всё живое: запах древнего Зла...

* * *

Оставшуюся часть весны и почти всё лето Ингард провёл в Утстейне, поместье Къятви. Он стал мрачен и нелюдим. Гейр по-прежнему участвовал в тренировочных боях хирда лендрмана, вернее того, что от него осталось после битвы в Хаврсфьорде, наравне со всеми распивал вино и эль на ставших теперь редких пирах, но отдалился от всего этого, стал как бы сторонним наблюдателем. Его часто замечали на берегу фьорда смотрящим куда-то вдаль, и Къятви со всё возрастающей тревогой наблюдал за ним, но пока молчал, не зная, как его вывести из этого состояния.

Гейр и сам чувствовал, что с ним стало твориться что-то неладное, но у него не было ни сил, ни желания противиться этому. Мрачнее тучи он бродил по двору Къятви, где всё напоминало ему о проведённых вместе с Мардом детских годах, и даже встречи с Астрид, заменившей ему мать, не могли развеять его тоски. Ингард чувствовал свою вину за гибель Марда, и даже мысль о свершившейся мести не могла помешать этой вине глодать его день и ночь, не давая покоя.

Между тем близился час отплытия из Норвегии, который Къятви запланировал на начало осени, и лендрман, испытывавший всё большее беспокойство за своего племянника, решил всё-таки с ним поговорить. Выбрав момент, когда мрачность Гейра была не столь всеподавляющей, как обычно, Къятви удалился в свои покои и призвал его к себе.

– Ты звал меня? – остановившись у дверей, бесцветным голосом спросил Ингард, не поднимая глаз. Къятви окинул его внимательным взглядом. Гейр похудел, кожа на скулах натянута, под глазами пролегли тени.

– Да. Знаешь, в последнее время мне совсем не нравится твое настроение. Ты стал похож на тень, сбежавшую из мрака Нифльхейма, но забывшую, для чего. Поделись со мной, может, тебе станет легче.

– Мард... – с видимым трудом, словно ворочая неподъёмные камни, произнёс Ингард. – Он погиб, спасая меня, и мне кажется, что вина за его смерть лежит на мне, что я сделал не всё, что мог, для его спасения.

– Но это не так! – воскликнул Кьятви. – Он сам увязался в этот поход. Мард вышел из детского возраста, и я не мог запретить ему этого. Но при чём здесь ты? Что ты мог поделать?.. До или во время сражения?

– Не знаю, – покачал головой Гейр. Кьятви недовольно поморщился.

– Возьми себя в руки, будь мужчиной. Я знаю, что вы с Мардом сдружились, но это не повод губить собственную судьбу. Тебе надо отвлечься, и думаю, долгое путешествие в Исландию выдует эту дурь из твоей головы.

– Нет, – неожиданно для самого себя произнёс Гейр, но тут же осознал, что это решение подспудно зрело в нём всё время, прошедшее после их возвращения из Рогаланда, и продолжил куда более уверенно: – Прости, дядя, но в Исландию я с тобой не поеду.

Кьятви взглянул в посуровевшее, словно обратившееся вдруг в камень лицо племянника и понял, что спорить бесполезно.

– И что же ты намерен делать? – спросил он, смиряясь с неизбежным. Гейр пожал плечами.

– Поступлю в дружину какого-нибудь херсира.

– Ну, что ж... Да пребудет с тобой Тюр²¹, – вздохнул лендрман, умевший достойно признавать поражения...

Жил в Согне, в Аурланде, могущественный херсир²² по имени Брюньольв, сын Бьярна. Слава о его силе и справедливости разошлась далеко за пределами Согна, и Ингард по зрелому размышлению выбрал для своей затеи именно его фюльк²³. Поэтому, не мешкая, он собрался в дорогу и, оседлав мерина по кличке Свадильфари, распрощался с Кьятви и Астрид, став фардренжиром – юношей, лишённым надежд и путешествующим в поисках богатства и славы, рассчитывая только лишь на свои силы и удачу.

Аурланд, несмотря на свою известность, оказался совсем небольшим городком. Настолько небольшим, что Ингарду даже не понадобилось спрашивать дорогу на двор херсира – мощный частокол, огораживающий его, был виден, наверное, из любого места Аурланда. И, провожаемый любопытными взглядами, Гейр направил Свадильфари именно туда.

Ещё на подъезде он услышал звуки многолюдного пира и, не раздумывая, спешился, привязав коня к кольцу в воротах. В скали, самом большом сооружении на дворе, его буквально оглушил рёв нескольких десятков викингов, оравших какую-то развесёлую песню. Было заметно, что и гости, и хозяева были уже изрядно пьяны, и Гейр решил отложить разговор с херсиром до лучших времен. Но уйти просто так ему не дали. Какой-то воин, с некоторым трудом привставший с соседней лавки, положил тяжёлую ладонь, больше похожую на медвежью лапу, ему на плечо и заставил сесть за стол рядом с собой.

– Выпей! – заплетающимся языком произнёс викинг, подавая Гейру наполненный до краёв рог. Ингард рискнул спросить:

– В честь кого пир?

²¹ Тюр – бог победы

²² Херсир – вождь племени

²³ Фюльк – племя

– Ты не знаешь? – изумлённо воззрился на него воин. – Из Фирдира вернулся Бьярн, сын Брюньольва. Он сватался за Тору, сестру херсира Торира, сына Хроальда.

– Удачно? – спросил Гейр, поднимая рог.

– Не совсем, – мотнул головой викинг. – Но Бьярн собирается снова попытать счастья осенью.

– Да сопутствуют ему в этом норны, – заявил Ингард и одним духом выпил вино. Викинг восторженно хлопнул его по спине.

– Я Торкель Чёрный, сын Хравна.

Гейр кивнул и тоже представился.

– Ты крепкий парень, – деловым тоном заговорил Торкель. – Почему бы тебе не пойти в дружину херсира?

– Ты умеешь читать в головах людей, – усмехнулся Ингард, взяв со стола кусок жареной лосося, от аромата которой его рот наполнился слюной, а в животе заурчало так, словно он последний раз ел не меньше чем неделю назад, и яростно впился в нее зубами, заливая капающим жиром бороду и грудь. Потом с набитым ртом добавил:

– Это и входило в мои намерения.

– Отлично, дружище! – взревел викинг, снова наполняя рог Гейра...

...Проснувшись утром, Ингард потратил некоторое время, вспоминая о цели своего приезда в Аурланд. А вспомнив, кое-как принял вертикальное положение и отправился искать Брюньольва.

Херсир спал, сидя за столом и положив под щеку свой пудовый кулак, и выдавал такой храп, что Ингард уже решил отложить разговор до завтра. Но потревоженный, видимо, его взглядом, Брюньольв открыл глаза.

– Что надо? – осипшим голосом спросил он, не меняя позы. Ингард подтянулся и расправил плечи.

– Я Гейр Ингард, сын конунга Вемунда из Мёри. Я слышал о твоей силе и справедливости, поэтому хочу стать твоим дружинником.

Херсир мотнул головой, пытаясь сосредоточиться, и сказал:

– Я возьму тебя к себе на службу и буду платить одну марку золота, если пройдёшь испытание.

Ингард, знакомый с подобной практикой отбора хирдманов, носившей название пелен, согласно кивнул и спросил только одно:

– Когда?

– На закате, – с трудом выдавил из себя Брюньольв и, устало смежив веки, уронил голову обратно на стол. Поняв, что разговор закончен, Ингард изобразил вялое подобие поклона и тихонько выскользнул за дверь, мудро решив довольствоваться достигнутым.

Аурланд располагался на берегу ответвления от Согнефьорда – самого большого морского залива в Фенноскандии, имеющего длину около двухсот двадцати километров. Городок затерялся в складках окружающих гор, изрезанных многочисленными озерами, речками и ручейками. Домишки, составляющие его, были разбросаны так, как вздумалось их строителям и хозяевам: одни стояли лицом к бухте, другие боком, третьи даже наискось. Вокруг каждого дома расположились амбары, сарайчики, навесы для скота, вешалы для юколы²⁴. В Аурланде было полное отсутствие чего-либо, похожего на улицы. Чтобы попасть из одного места в другое, между которыми по прямой было не более двадцати шагов, приходилось делать большой крюк, обходя чей-нибудь двор. Но, несмотря на замысловатые зигзаги, которые приходилось постоянно делать между домами и их пристройками, весь город можно было обойти

²⁴ Юкола – вяленая рыба

меньше чем за полчаса. Одним словом, это был обычный викингский поселок, ничем не отличающийся от других таких же.

Быстро убедившись в этом, Ингард вернулся на двор Брюньольва и принялся ждать назначенного для пелена срока.

Время тянулось как патока с ложки, и Гейр, почувствовав, что начинает расслабляться и погружаться в истому, вышел на воздух и отправился искать Торкеля Чёрного.

Его он нашел на оружейном дворе, где Торкель подбирал себе боевой топор. Когда Гейр появился, кузнец как раз предлагал Черному нечто, украденное им, наверное, у какого-нибудь не в меру рассеянного йотуна. Но, несмотря на устрашающие размеры этого оружия и не менее устрашающий его вес, викинг легко схватил его одной рукой и завращал им с такой скоростью, что топор превратился в темно-синий круг.

Ингард захолопал в ладоши.

Услышав эти звуки, Торкель повернулся в его сторону и, узнав, усмехнулся сквозь широкую, чёрную как смоль бороду.

– Ты где пропадал? – громогласным голосом спросил викинг. Ингард пожал плечами.

– Бродил по городу... У меня к тебе есть разговор.

Торкель, посерьёзнев, сделал ему знак подождать и, повернувшись к кузнецу, заплатил тому за топор четыре эйрира серебра. Намётанным взглядом воина определив уровень заточки топора, а вернее, полное отсутствие таковой, Гейр удивлённо вскинул брови.

– Зачем тебе этот тупой кусок железа, да ещё за такие деньги?

– Скоро узнаешь, – загадочно ухмыльнулся викинг и подмигнул кузнецу, ухмыльнувшемуся ему в ответ, как будто это была их коронная шутка. Затем взглянул на окончательно сбитого с толку Ингарда и уже совсем другим тоном добавил:

– Ну, пойдём. Поговорим...

– Знаю, ты хочешь спросить об испытании, – утвердительно заявил Торкель, когда они вышли на берег фьорда, где их никто не мог услышать, и, не дожидаясь ответа Ингарда, продолжил:

– Брюньольв очень сильный человек, и подбирает в свой хирд людей тоже не слабых. Пелен²⁵ состоит из трёх частей. В первой ты должен пронести камень весом в тысячу марок²⁶ на двадцать шагов...

– Не вижу здесь ничего сложного, – самодовольно заявил Гейр. Торкель нетерпеливо мотнул головой.

– Во второй тебе предстоит бой без оружия с диким быком, и в третьей, если, конечно, сумеешь пройти первые два, ты покажешь свое боевое мастерство в схватке на тупом оружии против трёх хирдманов херсира. В этом туре победа не важна, главное, чтобы ты смог остаться на ногах до тех пор, пока не высыплется весь песок из продырявленного мешка. Однако я хочу тебя предупредить ещё кое о чем, дружище.

– О чём же? – посерьёзнёв, посмотрел на него Гейр.

– О том, что одним из хирдманов буду я, – глядя ему прямо в глаза, также без тени шутки сказал Торкель. – И хотя мы с тобой и друзья, бить я буду в полную силу.

– Я тоже, – спокойно выдержав его взгляд, ответил Ингард. Торкель внезапно захохотал и хлопнул его по плечу.

– Отлично, дружище! Я рад, что не ошибся в тебе!

И Гейр понял, что только что прошел ещё одно испытание, не менее, если не более, важное, чем то, что предстояло ему этим вечером...

²⁵ Пелен – турнир, соревнование

²⁶ Марка – мера веса, примерно 250 граммов

4. Пелен

Сигнал к началу соревнований был дан большим медным горном, подвешенным за цепи на двух столбах, врытых у частокола. Кроме Ингарда в пелене участвовали ещё пять юношей, претендующих на то же звание, что и он. Все они, по пояс обнажённые, выстроились в ряд в начале площадки, которую окружали живым заслоном зрители.

Появился херсир.

Брюньольв величественно взошёл на бревенчатое возвышение, на котором было установлено сидение с высокой резной спинкой, и собравшиеся восторженно взревели, приветствуя его. Брюньольв успокаивающе повёл рукой, и толпа затихла. Довольно кивнув, херсир заговорил:

– Мы собрались здесь решить, достойны ли эти шесть юношей войти в число моих дружинников. Испытание будет тяжёлым, но справедливым. Его может пройти до конца лишь очень мужественный и умелый человек. Только такого человека я могу принять в ряды моих воинов. Так пусть победит достойный!

Когда крики, следовавшие за его обращением, стихли, херсир сделал знак начинать.

Претенденты, которых по традиции называли хайлендерами, вышли на исходную позицию. Ингард исподтишка наблюдал за своими соперниками, оценивая их шансы. Все они были сильными, отлично сложенными мужчинами, их тяжёлые мышцы рельефно перекатывались под кожей, при малейшем движении вспухая огромными шарами. Но всё же Ингард находил в них тот или иной недостаток, и вскоре пришёл к выводу, что двое из них должны выбыть в самом начале.

Раскатистый звук горна прервал его рассуждения, и Гейр начал действовать даже прежде, чем его мозг успел осознать, что от него требовалось. Ноги Ингарда словно сами собой пришли в движение, и тело устремилось к снаряду – булыжнику больших размеров, лежавшему метрах в шести перед ним. Охватив его руками, Ингард краем глаза уловил, как, едва начав отрывать свой осколок скалы от земли, натужно закричал и сейчас же выпустил его из рук один из юношей – как раз тот, чьё поражение Гейр и предсказывал. Но на восприятие этого факта не было ни времени, ни, что главное, сил. Всё свое внимание Ингард сосредоточил на камне, на процессе поднятия его с земли.

Напряглись, как чугунные шары, мышцы на руках, мускулы на спине вдруг распухли, словно их накачали воздухом, кожа натянулась, готовая лопнуть, и, крикнув, Гейр взвалил обломок себе на грудь.

Но это было ещё не всё. И Ингард, ни на секунду не забывавший об этом, перенёс вес тела вперед и сделал первый шаг. Затем второй, третий... седьмой, десятый... Его ноги, казалось, толкали саму землю, чтобы сделать очередной шаг. Пятнадцатый, семнадцатый... Сердце бухало где-то у самого горла, виски сдавило, будто стальным обручем. Неожиданно Ингард с ужасом понял, что перестал чувствовать руки, и в его мозгу запульсировала одна-единственная мысль: «Только не уронить, только не уронить». Девятнадцатый... Гейр широко открытым ртом сделал вдох, и не смог выдохнуть. Его кадык поднялся – и замер, забыв о своем обычном месте. В глазах на мгновение потемнело. Ингард остановился на секунду, показавшуюся ему вечностью, и сделал судорожное глотательное движение. Кадык рухнул на свое законное место, будто весил несколько пудов, и в лёгкие Ингарда хлынул живительный воздух. Стиснув зубы, Гейр сделал последний шаг... и заставил себя не швырнуть ненавистный булыжник сразу, а, подержав его ещё немного, осторожно опустить на землю.

Не выпрямляясь, Ингард украдкой вытер пот и только после этого принял вертикальное положение. Переводя дыхание, Гейр огляделся. Все хайлендеры были измождены, их тела в лучах заходящего солнца блестели от пота. До финиша дошли только четверо. Второй,

за исключением того, что выбыл в самом начале, сдался на пятнадцатом шаге. На удивление Ингарда, это был парень, которого он считал своим главным противником. Тот же, кого Гейр «забраковал», пришёл вторым после него. Ингард подумал, что не стоит судить о людях по их внешним данным, и отказался от идеи предсказать исход второй части пелена.

На лице Брюньольва не проявилось ни одной эмоции, и не было понятно, доволен ли он финалом состязания. Выждав несколько минут, давая юношам время если не отдохнуть, то хотя бы прийти в себя, херсир сделал знак, чтобы начали следующий этап.

Площадку в центре двора расчистили и обнесли крепкими щитами в рост человека, подготовленными, как видно, заранее. Зрители разошлись по всему двору, выискивая место для наблюдения получше, но и побезопасней.

Бросили жребий, и первым выходить на арену выпало Гейру. Добровольные помощники тут же надели на него железный нагрудник и отодвинули один из щитов, открывая проход. Войдя, Ингард остановился в самом центре площадки и повернулся лицом к херсиру. Тот довольно кивнул и дал условный сигнал. На противоположном конце арены, где щиты примыкали к крепкому сараю, засуетились слуги, и ворота сарая распахнулись, выпустив противника Гейра в этом состязании – дикого быка.

Такое чудовище Ингард видел впервые в жизни. В холке бык достигал двух метров, был угольно-чёрной масти, и на его тяжёлой башке сверкали, словно рубины, налитые кровью глаза.

Выйдя на арену, бык остановился, ощущая неудобство из-за бьющих в глаза лучей вечернего солнца. Угнув голову, он повёл ею из стороны в сторону, привыкая к свету. При этом воздух, с силой вырывавшийся из его ноздрей, сквозь которые было пропущено кольцо, ритмично поднимал облачка пыли. Его взгляд скользнул по деревянным щитам, не останавливаясь, однако зрители под ним умолкали, ощутив в полной мере первобытную мощь зверя.

Заметив своего противника, бык начал рыть копытом землю, и над двором поплыл низкий натужный рёв животного, принявшего брошенный ему вызов. В ту же секунду бык сорвался с места, как выпущенная из лука стрела, сразу развил бешеную скорость.

Гейр, отдавшись на волю рефлексов – если бы он стал сейчас думать, это стоило бы ему жизни, – быстро присел и раскинул руки в стороны, будто собираясь принять быка в объятия. И лишь когда до столкновения оставался какой-то миг, он швырнул свое тело вправо, сгруппировавшись в полёте, и, перекувырнувшись, тут же встал на ноги. Бык, потерявший свою цель и не способный сразу остановиться, промчался мимо и со всего маху врезался лбом в один из щитов, разнеся его в щепы. Слуги с копьями наперевес сейчас же устремились к этому месту и, загнав зверя обратно на арену, восстановили ограждение.

Обиженно замычав, бык развернулся и уставил свой тяжёлый взгляд в Гейра. Ещё раз взревев, он снова бросился в атаку.

Ингард принял выпад всем телом...

На этот раз Ингард принял выпад всем телом. Схватившись за острые, как клинки, рога, он оторвал ноги от земли и повис, заставив зверя ткнуться мордой в пыль. Разбрызгивая слюну, бык замотал головой, пытаясь скинуть с нее неожиданно появившийся груз, и начал медленно, но верно поднимать её вверх. Гейр несколько раз дёрнулся, пытаясь вернуть её в исходное положение, но из этого не вышло ничего путного, разве что он поранил себе бок рогом.

Бык наконец задрал шею вверх, так что ноги Ингарда теперь болтались на высоте более метра, и замычал. Гейр понял, что если не предпримет что-нибудь в ближайшие несколько секунд, зверь сомнёт его и растопчет. Поэтому он, оттолкнувшись руками, прыгнул вниз и, не теряя времени, схватил опешившего быка за кольцо в его ноздрях. Бык рванул головой, но добился лишь того, что на землю хлынула его кровь.

Зрители, с замиранием сердца следившие за поединком, впервые за всё время подали голос, и от восторженных криков едва не заложило уши.

Однако Ингарду, сосредоточенному на главной для него задаче – выжить, – было сейчас не до одобрения толпы. Крепко держась за кольцо, Гейр притянул голову животного к себе и нанёс мощный удар кулаком, целясь в точку, находящуюся на один-два дюйма выше пересечения линий, соединяющих ухо животного с его противоположным глазом.

Гейр был готов поклясться, что на глаза быка навернулись слёзы, однако в этот момент было не до сантиментов... Примерившись, Ингард ударил ещё раз, вложив в удар всю свою силу, волю и злость, и зверь, издав жалобное мычание, полное нескрываемой муки, зашатался и рухнул на землю.

Двор взорвался одобрительными криками, слышными, наверное, на другом берегу фьорда. Брюньольв чуть склонил голову, и на его губах появилась едва заметная улыбка. Когда шум стих, херсир поднялся и зычно, на весь двор, крикнул:

– Второй этап засчитан.

Гейр был до того измотан, что уже не обращал внимания ни на поздравления, ни на дружеские хлопки по спине. В конце концов, его оставили в покое, и Ингард, воспользовавшись этим, направился к Согнефьорду, чтобы отдохнуть и освежиться. Для этого было вполне достаточно времени, так как из трёх оставшихся претендентов к испытанию приступил только первый.

Однако отдыхать ему дали всего полчаса. Снова проревел горн, и Гейр вернулся на площадку. Здесь его уже ждали круглый щит и специально затупленный меч. Ингард несколько раз взмахнул им, чтобы рука свыклась с чужим оружием, и принял боевую стойку.

В этом испытании он должен был продержаться против троих вооруженных противников хотя бы три минуты – именно столько времени было нужно, чтобы высыпался песок из небольшого мешка, привязанного к перекладине возле сигнального горна. Но Ингард решил доказать Брюньольву – и себе самому, – что он способен на большее, и настроился не просто выстоять, но и победить.

Вокруг него не было никого – этот тур пелена проводился для каждого хайлендера в отдельности, как и сражение с быком, и Ингард порадовался этому обстоятельству, так как теперь имел свободу маневра. Но это чувство тут же поблекло, уступая место другому. Гейра охватило необычайное спокойствие, при этом он с удивительной чёткостью фиксировал всё происходящее. Его ум был сконцентрирован до предела, выдавая единственно правильное решение в доли секунды.

На арене появились трое. Все они были одеты в кожаные панцири и шлемы с коваными масками, закрывавшими их лица, но, чтобы дать шанс новичку, не имели щитов. Один из них был вооружен секирой на длинной ручке, другой – мечом, а третий – топором. По этому топору, да ещё по буйной чёрной бороде, Гейр узнал Торкеля, однако не испытал от этого открытия особого восторга. Он знал, что ему нечего рассчитывать на снисхождение, и приготовился показать всё, на что он был только способен.

Едва был проколот мешок с песком, как хирдманы, не теряя времени, приступили к делу. Они в доли секунды покрыли разделявшее их с Гейром расстояние и стремительно обрушились на него, словно снежная лавина. Один из хирдманов, едва позволила дистанция, нанёс Ингарду удар секирой и попал в щит. Гейр не глядя взмахнул мечом и перебил древко. Заметив движение справа, Ингард быстро повернулся в ту сторону и успел поднять меч, чтобы отразить топор Торкеля. Жалобно звякнув, меч разлетелся на куски, а рука Гейра онемела, словно парализованная. Но Торкель и не подумал дать ему хоть секундную передышку, вновь занёс топор для удара, который вполне мог оказаться последним.

Гейр сделал единственное, что ему оставалось в таких обстоятельствах: шагнул прямо под топор и «рыбкой» нырнул между ногами Торкеля. Откатившись как можно дальше от вошедшего в боевой раж гиганта, Ингард выиграл несколько драгоценных мгновений, чтобы прийти в себя. И, как только к его пальцам вернулась чувствительность, выдернул из своего щита обломок секиры.

В этот момент на него налетел, словно ястреб, третий воин. Его меч, даже специально затупленный, с такой силой ударил по щиту, что рассёк его почти до половины, едва не дойдя до руки Гейра. Закричав от злости, Ингард резко рванул щит на себя и в сторону, и викинг, не ожидавший этого, выпустил свой меч. Не отдавая себе отчета, полностью захваченный азартом боя, Гейр что было сил взмахнул секирой, всерьёз готовый раскроить голову стоявшему перед ним человеку. Но он совсем упустил из вида викинга, которого он лишил оружия первым. Подкравшись сзади, тот улучил момент и, схватив обломок секиры, вырвал его из рук Ингарда. Однако Гейр словно ждал этого; не замедляя начатого движения, он наклонился и, схватив стоявшего у него за спиной воина за лодыжку, резко рванул ее вверх. Нелепо взмахнув руками, викинг грохнулся наземь, и Гейр, не теряя ни мгновения, что было сил выкрутил ему стопу, не без наслаждения услышав слабый, но явственный хруст. Воин громко взвыл от прон-

жившей его ногу нестерпимой боли, но Ингард уже отпустил его – и выбросил его из головы, занявшись куда более насущными – для него – проблемами. И проблемами этими были Торкель со своим смертоносным топором и третий воин, безоружный, но всё ещё опасный.

Мельком оглядев щит и убедившись, что он теперь никуда не годится, Ингард вырвал застрявший в нем меч и отбросил щит в сторону. И, расставив ноги пошире, сжал рукоять меча двумя руками, приготовившись к решительной схватке.

На секунду всё застыло, как бывает перед грозой, а затем грянул гром.

Не дожидаясь атаки, Гейр сам ринулся на врагов. Взвившись в невероятном прыжке, он буквально впечатал ногу в живот обезоруженного противника, а когда тот согнулся, не в силах вдохнуть, одарил его сильным ударом фухтеля в шею. И тут же прыгнул снова, уходя из-под сокрушительных ударов, которые на него обрушил подоспевший Торкель.

Разорвав дистанцию, Ингард стремительно развернулся лицом к своему вчерашнему сотоварищу. Теперь, оставшись с ним один на один, он не собирался больше убежать, и поняв это, Торкель довольно осклабился. Он небрежно крутанул топор, со свистом рассека воздух, и шагнул вперёд, намереваясь закончить всё одним ударом. Гейр бестрепетно встретил его яростный взгляд, легко и задорно улыбнувшись в ответ – и внезапно низко, до земли, поклонился, словно признавая своё поражение. Зрители, не ожидавшие ничего подобного, дружно выдохнули, однако это был ещё не конец, и лишь самые искушённые бойцы поняли это. Упервшись руками в землю, Ингард просто перекувырнулся навстречу опешившему не меньше зрителей Торкелю – и рубанул его мечом по бедру чуть выше колена. Торкель изумленно взглянул на него сверху вниз, не веря произошедшему, и рухнул, ибо нога, на которую он только что опирался, утратила вдруг всякую способность поддерживать его. Боль пришла позже, но викинг всё же нашел в себе силы сказать:

– Ты самый лучший воин, какого я только встречал. Но опасайся схватки с херсиром – его умению позавидовал бы и Тор.

Гейр благодарно кивнул, принимая как похвалу, так и совет, и неторопливо встал, купаясь в приветственных криках, летевших к нему со всех сторон обширного двора. К трём поверженным викингам уже спешили слуги, чтобы оказать им необходимую помощь, и вытерев дрожащей рукой бисеринки пота, украсившие его лоб, Ингард нетвердой походкой направился к помосту.

Брюньольв встал со своего сидения и спустился ему навстречу. В его руках появился длинный тонкий меч с витой рукояткой, обтянутой акульей кожей. Протянув клинок Ингарду, херсир произнёс, возвысив голос так, чтобы его было слышно даже в задних рядах собравшихся:

– Ты прошёл испытание. Я принимаю тебя на службу и в честь моего к тебе расположения дарю этот меч, называемый Хрунтингом. Он служил верой и правдой лучшим моим воинам, пусть теперь служит тебе.

– Это великая честь для меня, – отозвался Гейр, бережно принимая дорогой подарок. И, приложив клинок ко лбу, а затем поцеловав его, добавил:

– И я сделаю всё, чтобы не посрамить ее...

5. Набег

Сумарлиди метался по залу, как зверь по клетке, не находя себе места. Сын Рагнавальда время от времени зло пинал встававшую у него на пути стену либо обрушивал свой кулак на ни в чём не повинный стол. Однако это давало ему лишь мимолетное облегчение, после которого огонь нетерпения набрасывался на него с новой силой. И каждый час ожидания превращался для него в невыносимую пытку, которая давно бы свела его с ума... если бы только он уже не был сумасшедшим.

Сразу же после похорон по всей Норвегии разъехались люди Сумарлиди, имевшие только одну цель: узнать хоть что-нибудь о викинге, убившем Рагнавальда. Но за прошедшие с тех пор три месяца никто из них так и не прислал утешительных вестей, и Сумарлиди выл от ярости, искавшей – и не находившей выхода.

Когда дверь скали со скрипом отворилась, Сумарлиди находился в другом конце зала. Но не успел пришедший переступить порог, как сын Рагнавальда оказался подле него, с надеждой вглядываясь в его лицо. И тут же отступил, разочарованно протянув:

– Это ты...

– Не слишком же ты мне рад, как я погляжу, – усмехнулся, входя, его дядя, Торд по прозвищу Змеиный Язык. И, сняв свой меч и повесив его на столб, как бы между прочим добавил: – И совершенно напрасно, должен заметить. Ведь я нашел человека, который тебе так нужен.

– Где он? – мигом напрягшись, выдохнул Сумарлиди.

– Его зовут Гейр Ингард, он племянник Къятви, бывшего лендрмана конунга Торира. Опасаясь мести Харальда, этот Къятви, как и многие до него, отправился в Исландию и теперь, если Эгир был к нему благосклонен, наверное, уже достиг ее берегов.

– Я найду их и в Нифльхейме, если это потребуется, – процедил сквозь зубы Сумарлиди. Торд махнул ему рукой.

– Так далеко идти не придется. В Исландию отправился, как я сказал, Къятви; Ингард же остался в Норвегии, пополнив ряды фардренжиров. И сейчас он состоит на службе в хирде Брюньольва, сына Бьярна, что правит в Аурланде на берегу Согнефьорда.

Дядя с племянником переглянулись – и одновременно кивнули, словно прочтя мысли друг друга...

Сборы были недолгими. Следующим же утром Сумарлиди вместе с двумя десятками своих хирдманов взошел на борт драккара, где его уже ждал Торд. Небольшая задержка случилась лишь перед самыми сходами, когда наперерез Сумарлиди рванулась Вигдис и, прильнув к его широкой груди, беззвучно зарыдала. Подняв к нему влажное от слёз лицо, женщина зашевелила губами, словно пыталась сказать что-то очень важное, но сумела выдать из себя всего два слова:

– Береги себя.

Сумарлиди бросил на мать взгляд, в котором вдруг шевельнулась тень человеческого чувства. Но её тут же смыла волна одержимости, и, отодвинув Вигдис в сторону, как неодушевленный предмет, Сумарлиди продолжил свой путь. А уже через минуту драккар отчалил от берега, и над просторами фьорда далеко разнеслась дружная песня гребцов:

Воин придёт могучий,

В битве много воинов

Наземь он повергнет,

Все увидят это.

Слышу, чёрные копьа

Громко зазвенели.

Кровь росой покроет
Ноги воинов в сече...

Вигдис, без сил опустившейся прямо на землю, эта виса показалась пророческой, и, больше не сдерживаясь, она заголосила в голос, размазывая слёзы по вмиг постаревшему лицу...

* * *

Минуло лето, и в Норвегию пришли затяжные, бьющие по нервам дожди. Ингард ходил хмурый, подстать погоде – он изнывал от безделья, раньше он представлял себе службу в хирде совсем иначе. Единственным проблеском в этой серости дней, похожих друг на друга, как близняшки, были его разговоры с Торкелем. Несмотря на рану, полученную им от Гейра, Торкель не озлобился и не затаил обиды, и их дружба вызывала восхищение своей крепостью.

Херсир тоже благоволил Ингарду. Он выделял его повсюду, и на пирах Гейр сидел напротив Брюньольва, на втором почетном сидении. Ингарда уважали многие викинги, но и слава может надоест, что и произошло с Гейром. Ему приелась праздная жизнь, и он всей душой жаждал настоящего дела.

– Я чувствую, что ещё чуть-чуть, и я обленюсь вконец, – пожаловался он однажды Торкелю, не в силах больше держать свои мысли при себе.

– Да, ты прав, – вздохнул Торкель. – Жизнь хирдманов теперь скучна и безмятежна, и лишь редкие походы в викинг нарушают эту рутину. Но раньше всё было совсем не так, в Аурланде пиры перемежались с битвами. Но конунг Харальд подчинил себе все фюльки, и нынешние ярлы боятся начинать войны без его ведома. Ты знаешь, Косматый – теперь он стал называть себя Прекрасноволосым, – заставил непокорных умыться кровью, и желающих последовать их примеру больше нет.

– Да, знаю, – угрюмо сказал Гейр, подумав о своем дяде. В этот момент мимо них, о чем-то задумавшись и вряд ли обратив на них хоть какое-то внимание, прошел Бьярн, старший сын Брюньольва. Это был крепко сбитый молодой человек, лет на пять старше Ингарда, в богатом, даже изящном кюртеле. Однако его лицо, хмурое и болезненно-бледное, совсем не соответствовало его физической силе и знатному положению. Проводив его сочувственным взглядом, Торкель сказал, понизив голос до шепота:

– Похоже, эта девчонка, сестра Торира, отняла разум у Бьярна.

– Почему? – тоже шёпотом спросил Ингард, знавший теперь эту историю с неудачным сватовством. Бьярн много плавал по морям, иногда как викинг, а иногда занимаясь торговлей. Летом, как раз накануне приезда в Аурланд Ингарда, Бьярну случилось быть на многолюдном пиру в Фирдире. Там он увидел красивую девушку, которая ему очень понравилась. Бьярн узнал, что это сестра херсира Торира, сына Хроальда, и что ее зовут Тора. Бьярн посватался за неё, но Торир отказал ему, и на этом они расстались.

Но девушка не шла из головы викинга, и это видели все, включая Брюньольва. Однако херсир по какой-то вedomой лишь ему одному причине не вмешивался в происходящее, и Бьярн с каждым днем становился всё мрачнее и мрачнее, нагоняя на всё подворье тоску не меньшую, чем дрянная погода.

– Сдаётся мне, что Бьярн уже созрел, чтобы совершить какой-нибудь необдуманный поступок, – ответил Торкель, покачав головой. – Всё было бы ничего, но херсир Торир и наш были раньше долгие годы друзьями. И Брюньольв будет очень недоволен, если Бьярн предпримет что-нибудь против Торира.

– Это проблемы Бьярна, – пожал плечами Гейр.

– Да, надеюсь, что не наши, – прогудел Торкель, отходя.

Уже через три дня стало ясно, что слова Торкеля оказались пророческими. Похоже, к этому времени страсть Бьярна достигла своего предела, и он, не думая о последствиях, собрал

дружину, взял хорошо снаряжённый корабль и поехал на север, в Фирдир. Гейр и Торкель очутились в числе его людей.

Гаулар, где находилось поместье Торира, располагался на противоположной Аурланду стороне Согнефьорда, и был гораздо ближе к открытому морю. Корабль Бьярна, отправившись из Аурланда ранним утром, ещё до света, должен был прибыть в порт назначения через пять часов.

Ветер был слабый, но попутный, и гребцы, сидевшие на веслах, особенно не напрягались. Ингард стоял на носу драккара и задумчиво созерцал водную гладь фьорда. Если бы не тёмная полоска земли, тянувшаяся слева по борту, можно было подумать, что ладья уже находится в океане.

Сзади слышались чьи-то шаги и, повернувшись, Гейр встретился глазами с внимательно смотревшим на него Торкелем.

– Ну, что я говорил? – прогудел тот. – Помяни мое слово, этот викинг нам всем выйдет боком.

– Что сделано, то сделано, – равнодушно пожал плечами Гейр. – А что до меня, так уж лучше такой викинг, чем вообще никакого.

Торкель, забывшись, в сердцах плюнул за борт, нанеся тем самым ничем не заслуженное оскорбление Эгиру – богу океана, и вернулся к своим обязанностям, решив больше никогда и ни за что не связываться с этими безумцами.

Примерно через час после этого драккар изменил курс, начав забирать правее, и ещё три четверти часа спустя впереди показался правый берег Согнефьорда. Ладья Бьярна подошла поближе и вскоре вошла в широкую бухту. Здесь ничего не было видно, кроме бурунов, разбивающихся о подводные скалы, и побережья без пляжей. Углубившись в бухту, викинги, наконец, нашли устье глубокой реки. К этому времени ветер стих, и гребцам пришлось налечь на весла в полную силу, чтобы повести драккар вверх по течению.

Вскоре показался Гаулар. Влетев на мелководье, ладья зашуршала дном по песку, и викинги высадились на берег. Двор херсира Торира находился на вершине пологого холма и мало чем отличался от двора Брюньольва: те же несколько примыкающих друг к другу построек, каждая из которых имела свою крышу. Бьярн, шедший впереди, сделал знак пошевеливаться.

На счастье, херсира Торира с дружиной не оказалось в Гауларе, и обошлось без кровопролития. Придя на двор, викинги стали врываться в дома и забирать все добро, которое могли унести с собой. Найдя Тору, Бьярн приказал возвращаться на корабль. Все были в прекрасном расположении духа, и лишь Торкель выглядел мрачнее тучи. Как выяснилось вскоре после их возвращения в Аурланд, он действительно знал, о чем говорил...

... – Ты себе позволил слишком много! – заревел Брюньольв, когда Бьярн рассказал ему о происшедшем, и что было сил ударил кулаком по столу, едва не разнеся его в щепки. Лицо херсира потемнело от гнева, а глаза метали молнии. Ингард, оказавшийся невольным свидетелем этого разговора, сидел неподвижно, опасаясь попасть под горячую руку.

– Ты не надейся, Бьярн, отпраздновать здесь, у меня, свадьбу с Торой, без разрешения Торира, ее брата! – продолжал бушевать херсир. – Завтра же... Нет, сегодня же ты отвезёшь ее обратно в Гаулар и будешь умолять херсира принять виру за нанесённое тобой ему оскорбление!

– Нет, отец, – твёрдо ответил Бьярн, не отведя взгляда. – Я люблю Тору, и она будет моей женой, хотите вы того с Ториром или нет.

– Ты хочешь развязать войну? – вспыхнул Брюньольв, вскочив на ноги.

– Если это единственный выход, то да.

– Но я не хочу этого! – рявкнул потерявший последние крохи терпения херсир. – И до тех пор, пока я хозяин Аурланда, ты будешь делать то, что хочу я, а не ты. Ты понял это?

– Я понял, – играя желваками, выдавил Бьярн. – Но Тору я не верну.

Взгляды отца и сына скрестились, как два обнажённых меча, и Гейр даже удивился, не увидев высеченных ими искр. В скали повисло тяжёлое молчание, и все присутствующие затаили дыхание, ожидая реакции херсира на это открытое неповиновение.

– Хорошо, – процедил, наконец, Брюньольв, и было заметно, каких усилий ему это стоило. – Через несколько дней я отправляюсь в Финнмарк²⁷ за данью, а потом мы поедем на Гулатинг²⁸, и там я постараюсь уладить это недоразумение. Тора останется в Аурланде, но до решения Гулатинга здесь на неё будут смотреть так, как если бы она была моей дочерью и твоей сестрой. Тебе это ясно?

Поняв, что это действительно последнее слово и большего он уже не добьётся, если не хочет окончательного разрыва с отцом, Бьярн согласно кивнул.

– А теперь оставь меня. Мне надо о многом подумать, – устало сказал Брюньольв и без сил опустился обратно на лавку, обхватив голову руками и закрыв глаза.

Бьярн, чуть помедлив, вышел. Следом за ним потянулись и хирдманы, старавшиеся не встречаться друг с другом глазами. Они испытывали неловкость от только что разыгравшейся в их присутствии сцены и чувствовали свою вину за неё, поскольку являлись непосредственными участниками вызвавшего ссору события. Всё оставшееся до отправления Брюньольва время они были удивительно тихими, и лишь когда обоз – около девяти десятков человек – выехал, наконец, из Аурланда и по первому снегу поехал в горы за данью с лопарей, все вздохнули с облегчением: впереди было несколько недель полюдья, в течение которых Брюньольв должен был хоть немного успокоиться и сменить гнев на милость...

²⁷ Финнмарк – норвежское название Финляндии

²⁸ Тинг – правительственное собрание, состоящее из свободных мужчин страны или области. Гулатинг – тинг, объединявший местные фольки вокруг Согнефьорда и происходивший на острове Гула

6. Поездка в Финнмарк

Путь в Согнефьорд оказался куда тяжелее, чем предполагали Сумарлиди с Тордом. Хотя поначалу казалось, что сами эзирьы благоволят им, стремясь как можно быстрее пригнать их драккар к цели, и он действительно летел вперёд, как на крыльях. Аустри, восточный ветер, дул удивительно ровно и сильно, так что парус корабля ни на секунду не обвисал без дела, гудя, как туго натянутый барабан, и не требовался хюсас-норта²⁹, чтобы знать, что они движутся в нужном направлении. А на пятый день пути на них обрушился шторм, страшнее которого Сумарлиди не видел ещё в своей жизни.

Драккар швыряло из стороны в сторону с небывалым остервенением, словно все духи зла решили разом разделаться с ним. Он то взлетал высоко в небо на гребне волны, то, зависнув на долгие доли секунды на самой вершине, стремительно обрушивался вниз, и падение это длилось долго, так долго, что начинало казаться, будто воды под драккаром расступились, и он сейчас разобьётся об океанское дно. Потоки воды низвергались на палубу судна со всех сторон, и нельзя было найти ни одного мало-мальски сухого места.

В этот страшный шторм они потеряли троих. Двоих из них смыло за борт, а третий был попросту раздавлен, когда верёвка из моржовой шкуры, пропущенная через дыру в вершине мачты, не выдержала, и громоздкий холстяной парус, который ещё более утяжеляли полосы из тюленьей кожи, нашитые на него для придания формы, обрушился вниз, на снующих под ним людей.

Лишь на третьи сутки море успокоилось, но ещё два дня шёл дождь, и набрякшие влагой тяжелые тучи лениво ползли столь низко, что едва не задевали верхушку мачты. Все вокруг окутывал такой густой туман, что вытянув руку, нельзя было разглядеть кончиков собственных пальцев. Этот промозглый туман, казавшийся хуже, чем проливной ливень, проникал всюду, сквозь самую ничтожную щель, и воздух становился влажным и затхлым. И когда ветер, пришедший с севера, разорвал, наконец, пелену облаков над головой и разогнал душившую мглу тумана вокруг, Сумарлиди почувствовал себя буквально заново рождённым, забыв на время о гложущих его тягостных думах о будущем. Он просто наслаждался тем, что имел прямо сейчас: жизнью.

А затем наступил вечер, и вымотавшиеся за несколько дней борьбы со стихией люди принялись укладываться спать. Сумарлиди, работавший наравне со всеми и уставший не меньше них, застыл на носу драккара, и со стороны казался каким-то странным дополнением к фигуре на форштевне. Он смотрел вперёд, и на его губах играла слабая улыбка, похожая на летящего в ночном лесу светлячка, то ярко вспыхивающего, то гаснущего, когда его заслоняли деревья. Мышцы норвежца приятно ныли, а мысли его были легки и бестелесны, словно шторм вымел из его головы всё лишнее и суетное, что лишало Сумарлиди покоя в последнее время. Его взгляд упал на блестящую в свете только что поднявшейся луны поверхность моря. Гладь Великой Реки Океан сверкала, как расплавленное серебро, и в ней отражались звёзды, вспыхнувшие в небесах. Сумарлиди посмотрел вверх и нашёл Дорогу Валькирий³⁰, крылатых дев, уносящих по ней души павших в боях воинов в чертоги Одина. Звёздная дорога причудливо извивалась по куполу небес, то сужаясь, то снова разливаясь в широкое полотно, от нее отходили рукава и тоненькие ручейки, похожие на невесомые волокна пуха. «Надеюсь, и мне доведётся пройти по ней, когда придёт моё время,» – подумал Сумарлиди, чьё приподнятое настроение внезапно испарилось, как незадолго до этого испарился туман под лучами солнца. И, понурившись, он наконец-то улёгся, поплотнее завернувшись в так и не успевший просох-

²⁹ Хюсас-норта – кусок магнитного железняка, использовавшийся викингами в качестве компаса

³⁰ Дорога Валькирий – Млечный Путь

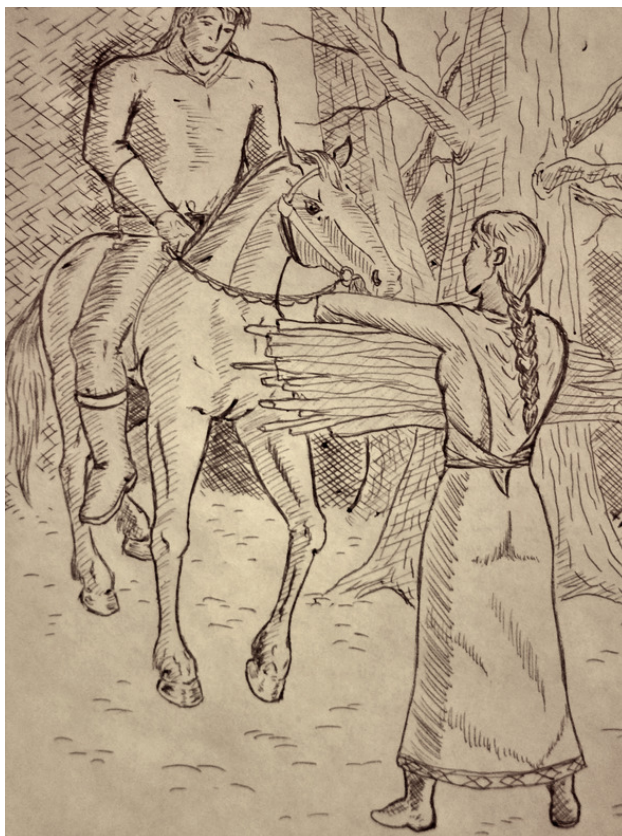
нуть плащ. В то же мгновение необоримый сон сковал его веки, и на его крыльях Сумарлиди умчался в даль, недоступную простым смертным.

На утро его разбудил скрипучий крик чайки, вольно парящей над мачтой драккара. Эта пернатая предвестница земли привела их к острову Атлей, расположенному у входа в Согне-фьорд. Здесь им, несмотря на близость цели, пришлось задержаться: драккар требовал основательного ремонта, да и людям, измотанным жестоким штормом, был необходим отдых. Поэтому лишь через неделю Сумарлиди увидел, наконец, долгожданный Аурланд. И первый же встреченный им мальчишка сообщил, что он на каких-то три дня разминулся с нужным ему человеком, отправившимся вместе с херсиром в Финнмарк.

– От меня не уйдёт, – сквозь стиснутые до боли зубы процедил Сумарлиди, и уже через час конный отряд викингов галопом двинулся прочь от фьорда, придерживаясь полустёршихся следов опережавшего их обоза...

... Чёрный лес, будто углем нарисованный на белом фоне свежеснеженного снега, не придавал жизнерадостности. Тропинка, ещё не схваченная морозом, разбрюзгла, и грязь, неприятно чавкая, расползалась под копытами лошадей. Отряд викингов ехал молча, бросая изредка взгляды по сторонам. Но лес проглядывался далеко, да и об их походе ещё не знал никто, чтобы устраивать засаду, поэтому двигались спокойно, озираясь только в силу вьёвшейся в кровь привычки.

Херсир, ехавший впереди, склонил голову на грудь, и Ингард, скакавший рядом, молчал, не в силах решить, задремал ли Брюньольв или задумался. Было тихо и очень спокойно, и Гейр чуть было не последовал примеру херсира. Но спустя минуту сквозь дремоту до него долетели какие-то громкие звуки, и Ингард, встрепенувшись, остановил коня и повернул его назад, к источнику шума.

Гейр увидел молоденькую девушку...

Там он увидел викингов, сбившихся в кучу вокруг чего-то, по-видимому, весьма интересного. Подъехав и протолкавшись вперед, Гейр увидел молоденькую финскую девушку, уронившую вязанку хвороста на землю и с испугом озирающуюся вокруг, на обступивших её со всех сторон воинов.

– Что здесь происходит? – раздался сзади мощный голос Брюньольва. Ингард повернулся в его сторону.

– Кажется, где-то рядом находится деревня лопарей³¹. Здесь девушка оттуда.

– Так спросите, как туда проехать, – проворчал херсир, недовольный, что его из-за такой мелочи оторвали от его размышлений. Ингард спешил и подошёл к напрягшейся и понурившей голову девушке.

– Не бойся, – мягко заговорил он, – тебе не причинят вреда. Ты здешняя?

Девушка кивнула, всё ещё не решаясь поднять на него глаза.

– Покажешь дорогу в свою деревню?

Она снова кивнула, но уже более уверенно. Подхватив её хворост, Гейр положил его поперёк седла своего коня, и, взобравшись наверх, помог девушке сесть позади себя.

– Как тебя зовут?

– Гунхильд, – проворковала девушка и сцепила руки вокруг торса Ингарда. Тот почувствовал приятную и волнующую теплоту её тела, и, расплывшись в улыбке, весело гикнул и дёрнул поводья, послав коня в галоп. За ним, понимающе перемигиваясь, тронулись все остальные, но Гейру сейчас было просто не до них. Гунхильд, уже полностью освоившаяся, положила подбородок ему на плечо и изредка давала советы, куда ехать. Вскоре деревня впереди расступилась, и отряд викингов выехал на неширокую опушку, заканчивающуюся довольно крутым спуском в низину, где находились с дюжину маленьких деревянных домиков.

– Вот моя деревня, – негромко сказала Гунхильд, щекотно дыша в ухо Гейру. Тот невольно тряхнул головой и спросил:

– Здесь есть где-нибудь место, где могут проехать повозки?

– Да, левее.

Ингард повернул своего коня, и викинги последовали за ним. Вскоре крутой склон действительно перешёл в более пологий, на котором виднелось некое подобие дороги, и Гейр направил коня вниз. Ещё через пять минут они въезжали в деревню, и финны с опаской провожали их отряд испуганными взглядами из низких оконцев.

Пока Брюньольв договаривался с выскочившим им навстречу годи³² о размере дани, Ингард узнал, в каком доме живёт Гунхильд и, отвезя ее туда, помог занести хворост.

Дверь была очень низка, и Гейру пришлось согнуться пополам, чтобы пройти внутрь. И, начав выпрямляться, он столкнулся взглядом с горящими глазами немолодого, но и совсем ещё не старого финна.

Такой ненависти Ингард не видел ещё никогда в жизни, и она ошеломила его. Дико закричав, финн схватил ухват и бросился на гостя. Не теряя времени и не размышляя, чем вызвана такая ярость, Гейр швырнул вязанку хвороста в нападавшего и выхватил Хрунтинг, приготовившись зарубить этого безумца, как только он приблизится на достаточное расстояние.

Следом за Ингардом в дом вошла Гунхильд. Увидев меч, девушка всем телом повисла на руке Гейра, тоже что-то истошно вопя. Разозлившись, Ингард отшвырнул её в сторону и схватил левой рукой ухват, нацеленный ему в живот. Отведя его вверх и влево, Гейр дёрнул ухват на себя и от всей души врезал гардой меча по лицу ошеломлённого финна. Клацнув зубами и лишь чудом не откусив себе язык, тот разжал ослабевшие пальцы и вытянулся на полу, разом утратив свой воинственный пыл. Девушка, про которую Ингард успел забыть,

³¹ Лопари – финны

³² Годи – племенной жрец

кинулась к нему, заслонив его своим телом от разгневанного викинга. Подумав, тот вложил меч в ножны и, пройдя в светлицу, уселся на скамью, поставив ухват между ног и опираясь на него, как на посох. Когда Гунхильд наконец-то подняла на него глаза, он хмуро спросил, всем своим видом показывая, что шутить не намерен:

– Ну, и что всё это значит?

– За неделю до вас сюда приехали колбяги³³. Они стали грабить всё, что попадалось им под руки, а когда Хильдигунн попыталась воспрепятствовать этому, они её убили.

– Кто это, Хильдигунн? – смягчившись, спросил Гейр.

– Моя мать, – тихо произнесла Гунхильд, опустив голову.

Когда Ингард вернулся на площадь, спор между годи и Брюньольвом относительно дани был закончен, и началась торговля. Протолкнувшись сквозь толпу лопарей, пялившихся на повозки с различными товарами, которые Брюньольв захватил с собой из Аурланда именно для этих целей, и приценивающихся к понравившимся вещам, Гейр приблизился к херсиру.

На его удачу, Брюньольв только что получил от жреца пятнадцать марок серебра и связку шкурки, что положительно повлияло на его настроение.

– Извини, что отвлекаю, херсир, – почтительно начал Ингард, – но у меня к тебе есть одно важное дело.

– Говори, – кивнул Брюньольв, продолжая любоваться переливами меха, который держал в руках.

– Что бы ты сказал, если бы получил всё, что тебе причитается?

– Не понимаю, – нахмурился херсир, оторвавшись, наконец, от своего занятия. Гейр заговорил ещё более вкрадчиво:

– Я говорю, что ты получил далеко не всё. До нас здесь похозяйничали колбяги, и они взяли себе гораздо большую долю.

– Где они? – просипел Брюньольв, уперев горящий взгляд в опешившего жреца и стиснув забытую шкурку в своём огромном кулаке так, словно намеревался вбить её ему в глотку. Годи судорожно сглотнул, прежде чем ответить.

– Отсюда они пошли на север.

– Собрать людей, – бросил херсир через плечо Гейру, и его глаза зло сощурились, не предвещая перешедшим ему дорогу колбягам ничего хорошего...

...Отряд викингов в пятьдесят человек – остальные остались охранять обоз – стоял с оружием наизготовку под прикрытием разлапистых елей. Впереди слышались осторожные шаги, и на поляну вышел финн. Оглядевшись, он направился к Брюньольву и что-то ему зашептал. Не дослушав до конца, херсир ударил мечом по щиту.

– Отлично!

Затем, обращаясь к своим людям, сказал:

– Колбяги сейчас находятся в селении в часе езды отсюда. Они ничего не подозревают.

Викинги радостно завопили, загремев оружием. Финн, один из тех, кого херсир отправил следом за грабителями, чтобы выследить их, что-то добавил. Брюньольв кивнул и снова повернулся к отряду.

– Он говорит, что их там всего тридцать человек. Колбяги нашли эль, так что справиться с ними будет легко.

Викинги вновь завопили, и херсир сделал знак следовать за ним.

К деревне выехали в сумерках. Здесь строений было больше, чем в родной деревне Гунхильд, и они выглядели побогаче. Финн указал на крайний дом слева.

– А где их добро? – приглушённым голосом спросил херсир.

³³ Колбяги – норвежцы, торговавшие с финнами

– В сарае, там три охранника, но они тоже уже пьяны.

– А хозяева?

– Либо в доме, либо колбяги их выгнали.

– А, впрочем, это без разницы. Я не намерен терять своих людей, – заявил Брюньольв, когда викинги въехали в деревню. Окружив указанный дом, норвежцы спешили. Как финн и сказал, охрана едва стояла на ногах и не смогла оказать настоящее сопротивление. Лишь один из колбяг попытался заорать и поднять тревогу, но Гейр одним ударом снёс ему голову, не позволив издать ни звука.

Трупы оттащили подальше, и Брюньольв вошёл в сарай. Здесь были четыре повозки, тяжело гружённые мехами, едой и каким-то скарбом. Выйдя на двор, херсир махнул рукой:

– Поджигайте.

Викинги засуетились, и вскоре под бревенчатой стеной дома выросла гора сена. Один из норвежцев притащил бревно и приставил его к двери.

Запылал огонь.

Дерево, сухое от мороза, звонко стреляло, повалил дым. Гейр отошёл туда, где жар не мог его достать, и молча наблюдал. Огонь перекинулся на соломенную крышу и, наконец, проник внутрь. Отуманенные хмелем мозги колбягов не сразу осознали этот факт, а затем поднялся невообразимый гвалт. Люди метались по горящему дому в поисках выхода, вопили первые обожжённые. Дверь затрещала от мощных ударов, но бревно было установлено крепко. А пламя всё набирало силу, и вскоре этот огромный костёр достиг апогея: языки огня взлетали высоко в небо, вечер исчез, будто его и не было. Из окрестных домов выбегали люди узнать, что происходит, но увидев вооружённых норвежцев, быстро прятались обратно. Рёв пламени заглушил все звуки, и крики гибнущих утонули в нём. Через минуту покорёженные брёвна, утратившие связь друг с другом, с грохотом развалились. Огонь опал, но отдельные языки пламени всё ещё гуляли по пепелищу, разгоняя тьму над этой братской могилой.

Брюньольв приказал трогаться в обратный путь. Из стойла вывели лошадей колбягов и впрягли их в повозки. Отряд потянулся прочь, увозя богатую добычу, доставшуюся ему без боя. Херсир, ехавший рядом с Гейром, буквально лучился весельем, чего давно с ним не было.

– Что ж, – сказал он, повернув голову к Ингарду, – твои слова принесли мне большое богатство, поэтому десятая часть от него по праву принадлежит тебе. И теперь можешь попросить ещё, что пожелаешь.

Приложив правую ладонь к сердцу, Гейр благодарно поклонился.

– У меня к тебе только одна просьба, херсир. Дай мне неделю для личного дела.

– Это легко сделать, – улыбнулся Брюньольв. – Когда всё устроишь, направляйся прямо в Аурланд; теперь, – он указал на скрипящие позади отряда повозки, – нам здесь делать больше нечего...

7. Форсети³⁴

...Сумерки сгущались быстро, и вскоре повалили крупные хлопья мокрого снега. Ближился к концу первый день с их отъезда из отряда, и Гейр начал было подумывать, не повернуть ли обратно. Он не признавался в этом даже самому себе, но он успел соскучиться по родной земле, родному морю и пусть не родным, но знакомым лицам. Однако до селения Гунхильд оставался всего час езды, а Гейр не привык бросать начатые дела на полдороги.

Громкий треск подломившейся ветки заставил его вздрогнуть. Остановив Свадильфари, Ингард привстал в стременах и огляделся. В лесу было тихо, лишь снег с едва слышным шёпотом опускался на землю, закрывая дальний обзор словно покрывалом. Гейр чуть тронул поводья, заставив идти коня медленным шагом, и его рука легла на оружие.

Где-то поблизости крикнул потревоженный ворон и забил крыльями, не решаясь взлететь в такую непогоду. Внимательный взгляд Ингарда скользил по чёрным стволам деревьев и не замечал ничего необычного, но это спокойствие давило Гейру на нервы, заставляя его сердце колотиться в ускоренном ритме. Норвежец доверял своим предчувствиям, а сейчас они буквально кричали о том, что над ним нависла серьёзная, может быть, даже смертельная опасность. И Ингард не собирался отмахиваться от этого предупреждения только потому, что его глаза оказались слабее его интуиции.

Викинги появились неожиданно, будто выпрыгнув прямо из деревьев. Их было человек двадцать, и половина из них, помимо топоров и копий, была вооружена ещё и луками. Гейр резко натянул поводья, заставив Свадильфари протестующе заржать и подняться на дыбы, и выхватил Хрунтинг. Ингард понимал, что при таком численном перевесе враги просто задавят его, но и сдаваться без боя он тоже не собирался.

– Ну, кто первый? – рявкнул он, воздев меч над головой. Растволкав преграждавших ему дорогу воинов, вперёд вышел викинг в дорогом кюртеле и, демонстративно сложив руки на груди, с непонятной усмешкой уставился на Гейра снизу вверх.

– Так вот ты каков, Гейр Ингард, – сказал он, и его усмешка стала шире.

– Ты знаешь меня? – опешив от неожиданности, спросил Ингард и даже опустил Хрунтинг, всматриваясь в незнакомца. И хотя он видел этого человека впервые, Гейр уловил в чертах его лица что-то знакомое, от чего непонятный холодок пробежал по его спине.

– Ты убил моего отца, – спокойно ответил викинг и столь же буднично добавил: – За это я убью тебя.

– Отца? – переспросил Ингард, начиная смутно догадываться. И понял, что не ошибся, когда викинг пояснил:

– Я Сумарлиди. Сын Рагнавальда.

Он небрежно шевельнул пальцем, и десять его воинов тут же подняли и взвели свои луки, нацелив жала стрел в грудь Гейра.

– Оружие трусов, – процедил сквозь зубы Ингард, побледнев.

– А ты надеялся попасть в Вальгаллу? – захохотал Сумарлиди. – Не выйдет! Я отправлю тебя в самую глубокую пучину Нифльхейма, где Нидхёгг³⁵ будет вечно грызть твои кости – это единственная участь, которой ты достоин!

– Ты отправишься туда вместе со мной! – яростно закричал Гейр и занёс Хрунтинг, чтобы обрушить его на голову врага. Но осуществить задуманное ему не дали. Сумарлиди, готовый к такому повороту событий, поспешно махнул рукой – и десять стрел сорвались в неудержимый полёт, с грозным гулом разорвав морозный воздух. Мир в глазах Гейра перевернулся, и он ещё

³⁴ Форсети – бог справедливости и правосудия, наставник богов

³⁵ Нидхёгг – дракон, лежащий в колодеце Хвергельмир в Нифльхейме и грызущий один из корней Иггдрасила

успел удивиться этому, прежде чем его голова взорвалась огненной болью. И свет для него погас, уступив место непроглядной тьме...

* * *

– Ты уже можешь открыть глаза, – раздался за его спиной голос, полный старческих, ломких обертонов. – Здесь это вполне безопасно.

Гейр вздрогнул и последовал данному неизвестно кем совету. Он увидел просторную поляну, пестревшую яркими цветами, чей одуряющий аромат висел в воздухе подобно туманному флеру, лес, окружавший её непроходимой стеной, над которой вздымались величественные, излучавшие покой и силу горы, и хрустально чистый ручеёк, тихо журчавший прямо у его ног.

– Нравится? – с нескрываемой гордостью спросил тот же голос, и Гейр, обернувшись, посмотрел на его обладателя. Им оказался древний старик, согбенный неисчислимыми годами, пронёсшимися над его головой. За эту бездну времени его волосы и борода, ниспадающая широкой волной ему на грудь, стали кипенно-белыми, как свежеснеженный снег, и совершенно невесомыми, словно лебяжий пух. Одет старик был в длинную, до пят, серую мантию и войлочную шляпу с высокой конической тульей и широкими, чуть провисшими полями. В своих иссохшихся руках, сплошь перевитых коричневыми венами, похожими на полированные деревянные корни, он держал длинный, возвышавшийся над ним на целых две головы, посох, покрытый великолепной резьбой, с навершием из огромного кристалла мориона³⁶.

– Ко мне в Глитнир³⁷ уже много веков не заглядывали гости, – продолжил старик, когда изучение его Гейром закончилось. – Собственно, я и ушёл сюда, чтобы побыть в одиночестве и предаться размышлениям, ни на что не отвлекаясь...

– Я... умер? – не слушая его, спросил Ингард, с легко объяснимой тревогой ожидая ответа.

– Пока ещё нет, – едва заметно усмехнулся старик. – Однако мне пришлось постараться, чтобы вытащить тебя до этого печального события, да и то я успел только в самый последний момент.

– Зачем? – удивлённо вскинул бровь Ингард. И тут же, не дожидаясь ответа, задал второй вопрос, интересовавший его куда больше первого:

– И кто ты?

– Можешь звать меня Форсети, – едва заметно усмехнулся старик. – А зачем мне потребовалось встречаться с тобой...

Он на минуту смолк, а потом заговорил медленно и внятно, словно вколачивая свои слова в память Ингарда.

Навечно...

...Валаскьяльв, дворец Одина, где он принимает решения, изменяющие судьбы мира, занимает в Асгарде почетное место, хоть и остаётся большую часть времени пустым. Эти палаты находятся неподалеку от Гладсхейма, холма, на котором высится Вальгалла, где день и ночь пируют эйнхерии – павшие в битвах на земле воины. И чаще всего Один бывает именно там, в Вальгалле, предаваясь мирским удовольствиям и наслаждаясь шумными пирами, на которых гостям прислуживают крылатые девы – валькирии.

Однако сейчас ему было не до пиров. Величайшая опасность нависла над лучезарным Асгардом, и Один вернулся в Валаскьяльв, где уже собрались все другие эзиры³⁸: и красавица Фригг; и рыжебородый Тор; и Ньёрд со своей женой Скади, покровительницей охоты; и Фрейя,

³⁶ Морион – чёрный кварц

³⁷ Глитнир – вотчина Форсети

³⁸ Эзиры – боги скандинавского пантеона; чаще употребляется имя Асы

богиня войны, со своим братом, богом лета Фрейром; и Хеймдалль, светлый эзир, оставивший по такому случаю свой пост у Биврёста, моста, ведущего в Асгард. Собрались также и непривычно серьёзный Браги, бог поэтов и скальдов, и привычно молчаливый Видар, и могучий Тюр, и Вали, и Улль. Прибыл даже Форсети, наставник всех богов, удалившийся в Глитнир неисчислимое количество лет назад, чтобы предаваться там размышлениям в одиночестве. Все были в сборе, чего не случалось уже давно, так давно, что сами боги забыли об этом.

Один восседал на своём троне...

Один восседал на своем троне Хлидскьяльве, остальные разместились за огромным столом, схожем с тем, что стоит в Вальгалле. Все молчали, не решаясь первыми заговорить о том, что их всех волновало, и что, собственно, и собрало их здесь. Окинув всех внимательным взглядом и поняв всё, Один сказал:

– Рагнарок.

И словно легкий ветерок пролетел по залу, всколыхнув застывшие фигуры эзиров, пролетел – и умчался прочь. Однако Один заставил его вернуться, повторив:

– Рагнарок. Нам угрожает Рагнарок, и вы это знаете. Если бы не знали, не собрались бы сегодня здесь. Локи вырвался на свободу. Он ещё слишком слаб, чтобы угрожать нам, но если его старший брат Бюлейст-Сурт присоединится к нему, Рагнарок станет неизбежен. Мидгард рухнет, скованный льдом Фимбулветра, и орды чудовищ захлестнут Асгард – и нас вместе с ним.

В этот момент Хугин, сидевший на правом плече Одина, громко и пронзительно каркнул, словно проскрипел ножом по стеклу, и этот звук в наступившей тишине был столь резок и неожиданен, что многие эзиры вздрогнули. Невозмутим остался один только Тор, продолжавший спокойно поигрывать Мьёлльниром, своим боевым молотом, который не мог поднять никто больше из эзиров.

Прикрыв на мгновение глаза, Один продолжил:

– Чем это грозит нам, вы знаете. Исчезнет мир, а вместе с ним исчезнем и мы. Всё изменится, и нам не будет там места.

– Так что же делать? – подал голос Браги. Один устало покачал головой.

– Не знаю.

И вновь воцарилось молчание, долгое и глубокое, как сама Вечность. Ничто не смело нарушить его, и даже дыхание смолкло, растворившись в нём.

Форсети, до этого пребывающий в отвлечённом состоянии духа, вдруг прокашлялся и распрямил сгорбленную спину. Все эзиры устремили на него взгляды, в которых читалось уважение, даже преклонение, и искорка разгорающейся надежды.

Форсети был самым старым из них и самым мудрым. Он помогал им встать на ноги в юности и поддерживал советом в зрелости, когда эзиры оказывались в безвыходном – для них – положении. Сейчас, похоже, сложилась именно такая ситуация.

Форсети кашлял долго, старость даже для богов не самый лучший возраст, особенно когда они бессмертны. Наконец он заговорил:

– Огонь не имеет формы. Но его содержание всегда остаётся неизменным. Так и Локи. Он старше всех вас, придя из таких бездн Времени, по сравнению с которыми даже мой возраст – что песчинка перед горой. Он хитрее вас, не раз доказывая это на деле и оставляя вас в дураках, благо опыт его столь же беспределен, как и его жизнь. И поэтому он опаснее всех вас, вместе взятых. Даже Тор, сильнейший из вас, не является для него достойным соперником.

– Однажды мы уже победили его, – с трудом сдержав вскипевшее в его душе раздражение, процедил Один.

– Ценою жизни Бальдра и Хёда? – вскинув свои кустистые брови, со странной смесью иронии и сочувствия уточнил Форсети и печально вздохнул. – Слишком дорого, вам не кажется? А могло стоить и дороже, если бы Локи сам – сам! – не позволил вам победить его.

– Так что же ты хочешь от нас? – тяжело посмотрел на него Один, который не мог не признать правоту своего наставника. Однако такая правота была для него как кость в горле, и Один почти что инстинктивно отвергал её, давно уже отвыкнув от смирения и забыв, что такое неизбежность. Форсети кивнул, будто и не ждал ничего другого. Его глаза, некогда голубые, а теперь выцветшие, почти белые, и совершенно прозрачные, упёрлись в Тора.

– Ты, что постоянно, каждый день проходишь мимо него, должен был первым указать на него остальным. Но это не твоя вина, что сила в тебе преобладает над другими способностями. Но ты, – взгляд наставника переметнулся к Фрейе, – знающая людские судьбы, могла бы найти это решение сама.

– Люди?! – почти в один голос воскликнули все собравшиеся эзиры, не веря своим ушам. Форсети хладнокровно кивнул.

– Да, люди.

– Но почему именно они? – изумилась Фригг. – Что могут смертные против огненного эзира, чьей мощи даже в худшие для него времена было достаточно, чтобы испепелить целую страну одним только вздохом?

– Локи – не эзир! – громыхнул Форсети, и его глаза гневно сверкнули. – И даже не ван³⁹, и ваше оружие для него не более чем дубинка для кита: щекотно, но и только. Чтобы сражаться с ним, необходим тот, кто сам не является эзиром или ваном, тот, кто способен призвать Смерть в любой момент, не боясь потерять при этом своё бессмертие.

– Где же мы найдём такого безумца? – растерянно переглянулись боги, ёжась от внезапно пробравшего их холода, по сравнению с которым даже стужа Фимбулветра была всего лишь бодрящим морозцем.

³⁹ Ваны – духи, противники Эзиров-Асов, с которыми было заключено перемирие

– Помнишь ли ты, Хрофт⁴⁰, что обещал один конунг по имени Вемунд, когда родился его сын?

– Он посвятил ребенка мне. И что? – Один всё ещё не понимал, к чему тот клонит. Чуть заметно усмехнувшись, Форсети продолжал:

– Насколько мне известно, тот ребёнок давно вырос и стал достойным мужем. Он...

– Вижу! – внезапно перебила его Фрейя. – Да, ты прав, учитель, как всегда, прав! Это действительно то, что мы искали, и Локи едва ли при всём его высокомерии до самого конца поверит в то, что такое ничтожество, как человек, может всерьёз угрожать ему.

– К сожалению, он этого и не может, – вздохнул Форсети. – Однако биться с чудовищами является вашим делом, задача же смертного совсем другая: не допустить воссоединения Локи с Суртом⁴¹, заперев последнего в Муспелльхейме⁴²... хотя бы до тех пор, пока вы не будете готовы встретить его во всеоружии.

– Как?! – всё ещё не убеждённый, воскликнул Один. – Как он сумеет это сделать? Ведь он всего лишь... смертный!

– Ты забыл о главном, – укоризненно покачал головой Форсети, и Один смущённо потупился, ощутив себя нерадивым учеником, не выполнившим домашнего задания. – Мидгард не зря назван Срединным миром, он – перекрёсток, на котором сходятся все пути, ведущие из одних пространств в другие. И чтобы попасть в Йотунхейм⁴³ к своему брату, Сурт должен будет пройти через этот перекрёсток, ибо иной дороги просто не существует. А теперь должен ли я напомнить вам о том, что происходит с такими, как мы, в Мидгарде?

– Мы теряем там большую часть своей силы, – с натугой, словно нёс неподъёмную тяжесть, произнёс Тор, опустив взор на свои судорожно сжавшиеся кулаки.

– Именно, – наконец-то удовлетворённо кивнул Форсети, и его улыбка стала шире. – И этот закон Мидгарда, подобным образом влияющий на нас, точно так же повлияет и на Сурта, сделав его слабее.

– Но даже это не позволит смертному справиться с ним, – возразил Один, прикрыв свой единственный глаз. – У Сурта всё равно останется достаточно сил, чтобы сокрушить любого напавшего на него человека.

– Верно. Но есть один способ сделать этого человека хотя бы на время равным нам, богам.

– Ты говоришь о... – тихо прошептал побелевшими от ужаса губами ван Ньёрд и умолк, не в силах вымолвить ставшие запретными более двух тысяч лет назад слова.

– Да, – вполне понимая охватившие его чувства, склонил в согласии голову Форсети. – Я действительно говорю об Одрёрире⁴⁴.

– Но он же в... – Ньёрд снова не договорил, побледнев ещё сильнее, хотя это и казалось уже невозможным. Форсети усмехнулся.

– Кому, как не тебе, знать, что ничто в этом мире не может исчезнуть из него бесследно. Тем более такая вещь, как Одрёрир.

– Он уже дважды возвращался в Мидгард, и нам стоило огромных усилий погасить последствия этих возвращений, – холодно произнёс Один.

– Значит, пришло время вернуть Одрёрир в Мидгард в третий раз, – легко, словно о чём-то незначительном, сказал Форсети и развёл руками. – Если, конечно, у вас нет других предложений.

⁴⁰ Хрофт – одно из имён Одина

⁴¹ Сурт – дословно Чёрный, прозвище брата Локи Бюлейста, огненного великана

⁴² Муспелльхейм – мир огненных великанов – муспеллей

⁴³ Йотунхейм – мир инеистых великанов – йотунов

⁴⁴ Одрёрир – чаша, из которой Один выпил мёд мудрости

Все потрясённо молчали, переваривая услышанное, пытаясь найти хоть какую-нибудь зацепку, какой-нибудь изъян, чтобы отвергнуть это неприемлемое для них в моральном плане решение. Но зацепки не находилось, и поняв, что больше тянуть невозможно, Один медленно, через силу произнёс:

– Что ж, это единственное, что нам остаётся. Поэтому своей властью, дарованной мне вами, объявляю... – он замолчал, ища в лицах своих братьев хоть тень поддержки. Но все были угрюмы и зажаты, словно объявляли их смертный приговор. Взгляд Одина, метавшийся в отчаянии по залу, наткнулся на глаза старого наставника, и Форсети чуть заметно кивнул. Почувствовав огромное облегчение, Один закончил:

– Да будет так.

И тихо, так, что его никто не услышал, добавил:

– Теперь осталось только убедить в этом норн...

... – Сразиться... с Суртом?! – ошарашенно переспросил Гейр, решив, что он ослышался. – Но как я смогу победить его? Рассмешить до смерти?!

– Боги не ждут, что ты отправишься на эту борьбу совершенно безоружным, – улыбнулся Форсети. – Ты получишь чашу Одрёрир, которая дарует тебе мудрость и силу, доступные одним только богам.

– Это слишком хорошо, чтобы быть правдой, – буркнул Гейр, привыкший не доверять чересчур заманчивым обещаниям.

– Тем не менее это правда, – ответил, глядя ему прямо в глаза, Форсети. – К сожалению, чаша сейчас находится в другом месте, и чтобы взять её, тебе придётся отправиться за нею туда.

– Куда «туда»? – осторожно поинтересовался Ингард, почувствовав подвох. И он понял, что не ошибся, когда Форсети с лёгкостью, как о чём-то само собой разумеющемся, воскликнул:

– В Нифльхейм, конечно!..

8. Хель

Торд, изнывавший от безделья и нетерпения на борту драккара, резко встал и, приложив ладонь козырьком ко лбу, посмотрел в сторону холмов. Узнав среди направлявшихся к бухте воинов своего племянника, он расплылся в довольной улыбке, но тут же насторожился, увидев хмурые и даже какие-то растерянные лица викингов, совсем не похожие на лица победителей.

– Что произошло? – спросил он, едва Сумарлиди оказался в пределах слышимости. – Ты его не нашёл?

– Уж лучше бы это, – процедил Сумарлиди и в сердцах плюнул. – Этот пёсий выкормыш ушёл от меня, ускользнул, как вода сквозь пальцы...

– Колдовство... – прошептал один из викингов, однако Сумарлиди его услышал.

– Пусть так! – разъярившись, закричал сын Рагнавальда и потряс над головой сжатым кулаком. – Но даже колдовство не спасёт его в следующий раз. Я вам это обещаю!

– Да что случилось, Сурт вас поберит?! – не выдержал ничего не понимающий Торд.

– Он просто растворился в воздухе, исчез, словно был не человеком, а духом, – потеряв вдруг весь свой запал, устало произнёс Сумарлиди. – Однако будь он даже призраком, я заставлю его заплатить за смерть моего отца. Я поклялся в этом – и не отступлюсь от своей клятвы!

– Что ты задумал? – с тревогой посмотрел на него Торд, уже догадываясь, какой ответ он услышит – и гоня эту догадку прочь.

– Найти тех, кто не боится никакой магии, потому что они сами – магия, – ответил Сумарлиди, и огонь безумства в его глазах стал ярче. – И я знаю, где их искать.

– Ты говоришь о... – помертвевшими губами выдохнул Торд и смолк, не в силах произнести это имя. Но Сумарлиди его понял.

– Да, дядя, – кивнул он, обнажив зубы в хищном оскале. – О троллях⁴⁵. Я направляюсь в Рикнесс, и не вздумай меня отговаривать.

Викинги попятились прочь от своих предводителей, с испугом переводя взгляд с одного на другого. Торд, вполне разделявший их чувства, слотнул и поднял руки ладонями вперёд.

– Это твой выбор. Поступай, как считаешь нужным.

– Именно это я и намерен делать, – ухмыльнулся Сумарлиди и, рывком развернув коня, дал ему шпор, заставив птицей взлететь на ближайший холм и скрыться за его вершиной. Проводив его долгим взглядом, в котором ужас мешался с восхищением, Торд тихо прошептал:

– Да будут милостивы к тебе эзиры.

И, повернувшись к стоявшим вокруг него воинам, уже нормальным голосом скомандовал:

– Ну, что замерли? Грузитесь на драккар – мы возвращаемся.

Вздых облегчения был ему ответом – и гул попутного ветра, внезапно наполнившего паруса, словно даже он одобрял принятое Тордом решение.

* * *

«Что ж, Сумарлиди может быть доволен, – подумал Гейр, нервно озираясь вокруг. – Я всё-таки оказался там, куда он так стремился меня отправить».

Здесь царила ночь, ледяная суровая ночь без конца и края. В небесах не было ни единой звездочки, вокруг – ни единого лучика света, и Ингард с содроганием подумал, что ночь в Нифльхейме – вечна.

Однако вскоре глаза норвежца обвыклись с тьмой, и он с облегчением осознал, что даже здесь, в стране мёртвых, которой правила великанша Хель, дочь самого Локи, чернота ночи

⁴⁵ Тролли – дословно «волшебные», горные сверхъестественные существа

не была абсолютной. Постепенно Гейр начал различать далёкие массивы гор, у подножия которых лежало странное образование, обнесённое гигантской стеной. И стена эта составляла чересчур ровный круг, чтобы быть просто игрой природы. Ингард понял, что видит легендарную Фалланду Форад, окружавшую дворец Хель Эльвиднир, и ощутил, как нервная дрожь ледяными иглами проскользнула вдоль его позвоночника.

Прямо у него из-под ног брала своё начало хорошо утоптанная тропа, змеёй скользившая между холмами, теряясь во мраке. Но Гейр знал, что дорога Хельверг бежит напрямик к Нагринд, вратам Эльвиднира, и, вздохнув, зашагал по ней со всей решимостью, какая у него ещё оставалась.

Горы приблизились как-то сразу, скачком, словно и не маячили только что у самого горизонта. Голые, лишённые и намёка на растительность уступы и мглистые заледеневшие кряжи обступали норвежца со всех сторон, заслонив перспективу. А впереди, на расстоянии броска камня, чернел вход в огромную, давящуюся непроглядным мраком пещеру, обойти которую не представлялось никакой возможности. Тем более, что Хельверг вела именно в неё, просто не оставляя иного выбора.

К пещере Гейр подходил крайне осторожно, заранее зная, что ждёт его внутри. И раскатистое, полное неприкрытой угрозы рычание, встретившее его на пороге, не застало его врасплох, хотя Ингард и был бы рад ошибиться.

– Тихо, Гарм, – раздался из темноты женский голос, и при звуках его Гейр покрылся ледяным потом и дрожащими пальцами стиснул рукоять Хрунтинга, хотя и знал, что меч ему здесь не поможет. А голос между тем продолжал, и в нём теперь явственно слышалась насмешка:

– Не надо пугать наших гостей... заранее.

Глухое ворчание было ей ответом. Ворчание – и лязг цепи, достаточно большой, чтобы удерживать слона.

– Ну, что же ты, путник? – чуть громче сказала невидимая в пещерном мраке женщина. – Заходи, не бойся – пёсик тебя не тронет.

«Пёсик», – не сдержавшись, фыркнул Гейр. И, оставив Хрунтинг в покое, шагнул вперёд.

И сразу остановился, словно натолкнувшись на стену, ибо перед ним стояла, заинтересованно глядя на него сверху вниз, настоящая йотунша. Света – или того, что в Нифльхейме можно было назвать светом – едва хватало, чтобы видеть её; тем не менее Ингард сумел рассмотреть её действительно женскую, хоть и несколько коренастую, фигуру, вполне человеческое, даже миловидное лицо и две длинных, тяжёлых косы, переброшенных на высокую грудь. Одетая великанша была в обычное платье, какие носили все девушки в Норвегии и Исландии, и только её рост, более чем вдвое превосходящий рост норвежца, заставлял вспомнить о том, что она – не человек. А из-под её руки с голодным блеском в слабо фосфоресцирующих глазах на Гейра взирала огромная собака, по сравнению с которой даже самый матерый бык выглядел бы молочным теленком.

– Так-так, кто у нас тут? – почти нежно проворковала великанша, наклоняясь, чтобы лучше видеть. Но внезапно отпрянула, будто обжегшись, и с удивлением, почти испуганно, воскликнула:

– Ты... живой?!

Не зная, что ответить на это, Гейр лишь развёл руками.

– Действительно, живой, – недоверчиво качая головой, повторила йотунша, словно пробуя это непривычное для нее слово на вкус. – Давненько к нам в Гнипахеллир не залетала такая птица...

И вдруг она всплеснула руками, с негодованием воскликнув:

– Нет, Гарм, это Сурт знает что такое! Воистину, близятся последние времена, если по Нифльхейму, словно у себя дома, начинают бродить живые!

– Еда, – неожиданно распахнув свою невероятную пасть, вполне отчетливо заявил пёс. И сделал шаг вперёд, недвусмысленно облизываясь.

– Умерь свой пыл, Гарм, – остановила его великанша. – Я думаю, у него есть веская причина заявиться сюда, и было бы невежливым хотя бы не выслушать его.

И она испытующе посмотрела на Ингарда, ожидая ответа.

– Спасибо, Модгуд, – нисколько не кривя душой, совершенно искренне произнёс тот, склонив перед великаншей голову.

– Ты знаешь моё имя? – немного опешив, спросила она, и даже Гарм впервые посмотрел на викинга не только с гастрономическим интересом.

– Мне сказал его Форсети, – честно признался Гейр, не видя смысла лукавить.

– Так это он прислал тебя сюда? – неопределённо хмыкнула Модгуд и переглянулась с собакой. – И что же потребовалось этому старому мошеннику?

– Чаша Одрёрира.

– Тебе... нужен... Одрёрир? – севшим вдруг голосом уточнила великанша, глядя на викинга округлившимися от неподдельного ужаса глазами.

– Да.

– Ну, что ж... – хмуро произнесла Модгуд, вновь бросив на Гарма короткий взгляд. И Гейр готов был поклясться, что пёс кивнул в ответ, настолько осознанным выглядело движение его головы. Йотунша же, получив этот знак одобрения, лишь тяжело вздохнула и медленно, через силу, сказала:

– Иди. Чашу хранит моя госпожа, она и решит, отдавать её тебе или нет.

Модгуд посторонилась, освобождая дорогу, и Гарм последовал за нею, глядя на норвежца с необъяснимой жалостью.

– Никуда не сворачивай, если не хочешь остаться здесь навсегда, – уже в спину напутствовал Ингарда пёс, чей силуэт едва угадывался на пепельном фоне входа. – В Гнипахеллире живём не только мы с Модгуд, и с прочими её обитателями тебе, пожалуй, лучше не встречаться.

– Спасибо, – обернувшись, крикнул Ингард, но разговаривал он уже с пустотой: Гарм и его хозяйка канули в непроглядном мраке без следа, словно их никогда здесь и не было.

...Пещера Гнипахеллир была огромна, её свод терялся в тени где-то высоко над головой. Из этой мглы выступали лишь остроносые сталактиты, порой бывшие столь огромными, что достигали пола, являя собой колоссальные известняковые колонны, похожие на оплывшие свечи. Ингард медленно брёл от одного нагромождения свалившихся с потолка камней к другому, замирая при каждом шорохе. А шорохов здесь было более чем достаточно, и неслись они едва ли не из каждой трещины в стенах, достаточно большой, чтобы скрывать в своих недрах целую армию неведомых чудовищ. «И это называют Страной Мёртвых», – сокрушённо подумал Гейр, пережидая очередной треск и скрежет, словно гигантская многоножка проскребла панцирем по камням. Судя по продолжительности скрежета, в этой многоножке было не менее двадцати метров. На счастье норвежца, она осталась в облюбованном ею проходе, и Гейр в который уже раз мысленно поблагодарил Гарма за совет никуда не сходить с тропы.

Внезапно глаза норвежца, привыкшие к непроглядной тьме, различили впереди слабый, еле теплящийся свет, казавшийся разлитой в воздухе прозрачной дымкой. Однако с каждым шагом этот свет ширился и набирал силу, и Ингард понял, что видит выход, до которого уже не чаял добраться. И он бегом устремился к нему, расшибая ноги в кровь об острые обломки камней и даже не замечая этого, настолько велика была радость, охватившая его.

Ингард увидел Эльвиднир...

А потом Ингард увидел Эльвиднир, и радость угасла, как задутая ветром свеча.

Вблизи дворец Хель производил гораздо более внушительное впечатление, чем издали. Чтобы увидеть верхушку окружавшей его Фалланды Форад, Гейру приходилось до предела запрокидывать голову, но сам Эльвиднир возносился ещё выше, подпирая собой небеса. И терялся в них, растворяясь в беззвездной тьме.

Потирая затёкшую шею, Ингард опустил глаза и посмотрел на лежавший перед ним мост Гьялларбру, под которым бешено неслась река Гйолль. И хотя сумрак вокруг не стал реже, в мягком, почти тёплом сиянии, изливаемом выкованным из чистейшего золота мостом, Гейр различил в кровавых водах Гйолль мертвенно бледные тела вайтов – умертвий, не заслуживших ни забвения, ни кары и обречённых вечно плыть к берегу без малейшей надежды когда-нибудь достичь его.

Гьялларбру был не более тридцати шагов длиной, но этот путь показался Ингарду поистине бесконечным. Стоны и жалобы вайтов были отчётливо слышны даже сквозь глухой рокот, с которым Гйолль разбивалась об опоры золотого моста. Они многоголосым хором зывали о пощаде, давя физически ощутимым грузом, и викинг чувствовал себя натянутой струной, готовой вот-вот лопнуть. Он уже не знал, чего ему хочется сейчас больше всего – то ли убежать без оглядки, то ли рвануться вперёд, навстречу своей судьбе. Но что-то – быть может, остатки самоуважения – удержало его от этого выбора, и Гейр просто шёл вперёд, стискивая зубы и стараясь ни на что не обращать внимания. И когда он узрел впереди врата Нагринд, Ингард скользнул в их распахнутые настежь створки с чувством непритворного облегчения – и счастья, что этот путь неизбывной скорби, наконец, закончился.

Свет, и без того являвшийся лишь призраком самого себя, угас окончательно, и даже тьма Гнипахеллира по сравнению с этим вселенским мраком показалась норвежцу ярким солнечным днем. Он остановился, ничего не видя вокруг и даже не представляя, что перед ним находится – просторный зал или бездонная пропасть. «Об этом Форсети меня не предупре-

ждал», – подумал Ингард, беспомощно озираясь по сторонам, хотя с таким же успехом он мог бы и просто закрыть глаза, и даже выколоть их себе вовсе.

– Пришёл... – тихо, как ветер, прошелестел вдруг бестелесный голос, и мрак исчез, растворившись, словно туман. И Гейр ощутил внезапный озноб, узнав этот голос, хотя никогда в жизни и не слышал его. Голос, принадлежащий повелительнице Нифльхейма, старшей дочери злокозненного Локи и великанши Ангрбоды. И хотя он считал себя готовым к личной встрече с нею, Ингард побледнел, увидев её воочию.

Древние легенды не лгали. Хель действительно была огромной, впятеро превосходя самого рослого человека, и даже сидя на троне из почерневших от времени черепов, она, казалось, подпирала своей головой своды гигантского зала. Левая половина её лица и туловища была красной, как сырое мясо, а правая – иссиня-чёрной, как беззвёздное небо страны вечной ночи.

– Все вы рано или поздно приходите ко мне, – продолжала между тем Хель, и её сухие, будто пергаментные губы раздвинулись в неприятной, вызывавшей невольную и неудержимую дрожь ухмылке. – Ищите то, что считаете величайшим счастьем, а находите лишь гибель. Но, не считаясь ни с чем, продолжаете лезть, карабкаться вверх по скале жизни, срывая ногти, раздирая грудь в кровь. И так будет вечно, покуда жив ваш мир... Ну, а что же ищешь ты?

Хель вперила в Ингарда испытующий взгляд, и викинг вздрогнул, ощутив пронзительную боль, словно в него ткнули раскалённым железом. Но Гейр совладал с этой болью и, твёрдо глядя в глаза Хель, повторил то, что уже говорил Модгуд:

– Чашу Одрёрира.

Дочь Локи с сожалением покачала головой и отвела глаза, позволив человеку снова дышать свободно. Затем сказала:

– Что ж... Она твоя.

Хель взмахнула рукой, и воздух перед норвежцем вдруг раскололся, как стекло, явив его взору стоявший на мраморном постаменте кубок. На золотых боках этого кубка серебром были выписаны руны истинного языка, забытого тысячелетия назад, чью искусную вязь прерывали крупные рубины, казалось, светившиеся собственным внутренним светом, настолько яркое и чистое было их цвет.

– Возьми же её, – произнесла Хель, внимательно следившая за Ингардом, как кошка – за мышкой. И с нескрываемым злорадством добавила: – Если сможешь.

Уловивший в её словах подвох Гейр, уже протянувший было руку за вожаемым кубком, настороженно замер – и тут же отпрянул назад, схватившись за Хрунтинг. Прямо перед ним внезапно возник, заслонив от его взора Чашу, высокий и очень худой человек... или то, что было некогда человеком. Его гнилая плоть расползалась, как ветхое платье, обнажая кости и сухожилия, и Гейр с содроганием понял, что судьба – и Хель – столкнула его с вайтом. Умертвие выпятило в жутком оскале свои почерневшие, наполовину выкрошившиеся зубы и произнесло глухим, слегка картавящим голосом:

– Здравствуй, Гейр.

Судьба столкнула его с вайтом...

Лицо вайта неувлимым образом изменилось, приняв до боли знакомые, бережно хранимые с детства черты.

– Отец!? – почти теряя сознание от внезапно нахлынувшей слабости, выдохнул Ингард, и его пальцы, сжимавшие рукоять меча, разжались сами собой.

– Да, сынок.

– Но... почему ты здесь, а не в Вальгалле?

Лик Вемунда посуровел.

– Потому что Рагнавальд сжѐг меня, словно лисицу в норе, а лишь павшие в бою становятся эйнхериями. Но моя госпожа Хель добра. Она приняла меня, не дав бесследно сгинуть во мраке Нифльхейма. И теперь мы будем вместе – ты, я и Сигрид. Навсегда.

– Я... должен... взять... чашу... – еле ворочая отяжелевшим вдруг языком, прошептал норвежец, уже почти сдавшийся и готовый на всё – даже на смерть.

– Зачем? – пожал плечами Вемунд. – Разве это твоя война? Её начали эзиры, так пусть они её и заканчивают.

– Но... мир... погибнет...

– Всё рано или поздно погибает – и приходит к Хель. И это не так уж плохо, как думают люди. Иди же ко мне, и ты сам поймѐшь это.

Вайт раскрыл свой рот, и в прорези полуразложившихся губ мелькнул раздвоенный язык змеи. Шипя, умертвие стало медленно клониться вперѐд, всё больше и больше приближаясь к обнажѐнной шее норвежца. И Ингард покорно ждал его укуса, безразличный абсолютно ко всему...

И вдруг в его голове гулко, как в пустой бочке, зазвучал голос Форсети. «Бери Чашу!» – откуда-то из страшного далека крикнул старик, и незримая сила обрушилась на вайта, отшвырнув его прочь от норвежца. Ингард встряхнулся, сбрасывая морок – и, не рассуждая, прыгнул вперѐд и схватил кубок, стиснув на нём пальцы так, что даже смерть не смогла бы разжать их.

В ту же секунду пол под ним раскололся, и Гейр зажмурился, ослеплённый неожиданно вспыхнувшим солнцем, никогда доселе не посещавшим чертоги Эльвиднира. Лучи света, взметнувшиеся к самому небу, казались физически ощутимыми, твёрдыми, и один из них с силой проткнул норвежца насквозь. Запрокинув от удара голову назад и лишь крепче сжав Одрёрир, Ингард раскрыл рот в безмолвном крике. Но сейчас же в его сознании вспыхнул нестерпимо белый цветок и затопил его всего, без остатка. И Гейра не стало...

9. Рикнесс⁴⁶

Гул.

Глухой и далекий, словно порождённый гигантским водопадом на самом краю света.
...Света?

Вокруг было темно, как в погребу, и лишь нескончаемый гул, заполнявший всю вселенную, говорил в пользу того, что он ещё не умер.

...Не умер?

Тьма, бесконечная и всеохватывающая тьма вокруг. Кто знает, может, именно это и есть смерть? Гул и тьма вокруг?

Ингард попытался шевельнуться, и где-то на другом конце необъятного космоса невнятным эхом отозвалась какая-то часть его тела. Или, быть может, он превратился в бестелесного духа, свободно плавающего в эфире небесных сфер и улавливающего далекое эхо чужих мыслей, желаний и порывов?

Прошла Вечность, прежде чем к Гейру вернулось ощущение собственного тела. Пальцы на руках и ногах, хоть и с трудом, но подчинялись его желаниям, и лишь теперь норвежец уверовал, что Смерть и на этот раз обошла его стороной. Может, и заглянула ему в глаза, но всё же обошла. Хотя Ингард готов был поклясться, что сейчас она посмотрела на него очень пристально...

Гул мешал сосредоточиться, и Гейр принялся лениво и бесшумно, про себя, поругивать его, пока не понял, что это всего лишь отзвук движения крови по его собственным венам и артериям. Тогда он успокоился и позволил своему многострадальному телу просто лежать, наслаждаясь тишиной и неподвижностью. Но подобное состояние не могло длиться вечно, и на смену покою пришло ощущение какого-то неудобства. Это странное, почти неуловимое чувство теребило душу норвежца, не давая ему погрузиться в безвозвратную тьму. Тьму Нифльхейма. Он попытался отмахнуться от него, как от надоедливой мухи, но оно увернулось и стало въедаться с удвоенной силой. Наконец Ингард не выдержал, и с него слетели последние остатки благодущия. И едва он впал в ярость, как тьму разорвала затяжная вспышка. И стал свет...

– Наконец-то, – прозвучал над ним удивительно знакомый голос, и Гейр, помешкав, рискнул открыть глаза. Склонившись над ним, стоял, держа в руке Одрёрир, Форсети. А за его спиной простирались, блистая чистотой красок, бескрайние просторы Глитнира, показавшиеся Гейру после мрака Нифльхейма просто ослепительными.

– А то я уж подумал, что ты решил остаться в гостях у Хели навсегда, – продолжил старик, пока Ингард тёр внезапно заслезившиеся глаза.

– И долго я... гостил у неё? – прервав свое занятие, с беспокойством спросил Гейр.

– Четыре дня. И потому, мне кажется, ты сейчас хотел бы занять свой рот чем-нибудь посущественней пустых слов.

Старик указал взглядом на появившийся невесть откуда стол, на котором стояло нечто, покрытое суконным полотенцем. Едва Ингард осознал значение его слов, как его рот наполнился густой слюной, а в животе громко забурчало.

– Красноречивый ответ, – ухмыльнулся старик и, приблизившись, снял полотенце. Под ним стояли высокая глиняная чашка и глиняный же кувшин. Гейр сделал попытку встать, но с таким же успехом он мог бы попытаться сдвинуть с места остров Гулу или даже всю Норвегию. Заметив это, Форсети перенёс еду на лежанку, за что Гейр был искренне ему признателен. А потом все мысли просто исчезли из его головы, уступив место совсем другим – и весьма

⁴⁶ Рикнесс – империя троллей

приятным, надо сказать – ощущениям. Когда же еда перестала доставлять ему удовольствие, Ингард снова уснул, но на этот раз обычным сном здорового, но смертельно уставшего человека...

Этот вечер Сумарлиди встретил на вершине. А до этого был загнанный конь – и три дня пешего пути с котомкой за плечами. Он шёл по пещерам, тёмным и пугающе звонким, многократным эхом повторяющим каждый его шаг; милою за милей карабкался вверх по узким тропинкам, где его окружали безумие и пустота. Вверх, туда, где он нашёл металлические поручни и голые ступени, вырубленные прямо в скале и не ведущие ровным счетом никуда.

Посмотрев на ступени пустым, ничего не выражающим взглядом, Сумарлиди скинул котомку и устало опустился прямо на голый камень. Через несколько минут он шевельнулся и, подтянув котомку поближе, принялся копать в её заметно исхудавшем за неделю нутре. Наконец он достал лепешку кнекброта – последнюю остававшуюся у него еду – и равнодушно сжевал её, не обращая внимания на вкус, а вернее, на полное отсутствие такового. Затем Сумарлиди соорудил из пустой котомки некое подобие подушки, завернулся поплотнее в плащ и крепко заснул...

...Посреди ночи Сумарлиди открыл глаза и увидел яркие звёзды, далёкими кострами пылавшие в чёрных небесах. Он лежал неподвижно, таращась в темноту и напряжённо прислушиваясь. Сумарлиди готов был поклясться, что за секунду до пробуждения он слышал какой-то посторонний звук, но сейчас вокруг всё было тихо, и эта тишина нарушалась лишь его собственным неровным, сдерживаемым дыханием. Сумарлиди облегчённо вздохнул и повернулся на другой бок. Уже закрывая глаза, он подумал, как странно эти вершины выглядят в темноте... Вершины? Сумарлиди был уверен, что днём этих вершин здесь не было. Он вздрогнул и широко распахнул глаза. Одна из тёмных фигур пошевелилась и, сделав один шаг вперёд, нагнулась к замершему исландцу. В лицо Сумарлиди ударило холодное зловоние, исходившее из пасти этого существа, а в его глаза уставились ярко светящиеся глаза тролля.

– Добро пожаловать в Рикнесс, – прошипело чудовище и громко засмеялось, сочтя это удачной шуткой. Но потешалось оно недолго.

– Мне приглашения не требуются, – спокойно заявил троллю Сумарлиди – и вонзил свой меч ему в брюхо, заставив его поперхнуться хохотом. А через секунду исландец смерчем обрушился на трёх оставшихся чудовищ, пока первое ещё стояло, не веря, что оно уже мертво.

В два прыжка покрыл Сумарлиди разделявшее его и троллей расстояние. И съёс голову тому, что оказался к нему ближе всего. В ту же секунду кто-то схватил его сзади, пытаясь прижать его руки к телу. Но исландец ужом выскользнул из захвата и, развернувшись, рубанул нападавшего снизу вверх. Троль тоненько взвизгнул и сложился пополам, запоздало прикрывая руками рассечённый до самого пупка пах. Сумарлиди посмотрел на его затылок, услужливо подставленный ему – и опустил на него свой меч, с наслаждением ощутив на своем лице капли брызнувшей во все стороны крови.

– Повелитель, – услышал он вдруг за своей спиной. Облизав ставшие солеными губы, исландец повернулся к единственному оставшемуся в живых троллю и недоверчиво посмотрел на его коленапреклоненную фигуру, выражавшую смирение и покорность.

– Что ты сказал? – хрипло выдохнул Сумарлиди, медленно отходя от горячки боя.

– Ты убил Иллреде, нашего короля, – пояснил тролль, указав рукой на обезглавленный труп, все ещё содрогавшийся в последних конвульсиях. – А значит, теперь ты – наш король.

– Король... троллей? – уточнил Сумарлиди, начавший понимать.

– Именно, повелитель, – сказал тролль и склонился до самой земли, уперевшись в нее лбом.

– А знаешь... – протянул Сумарлиди, глядя на него сверху вниз. – Мне это нравится.

И его смех разнёсся далеко окрест над ночными горами, подхваченный многоголосым эхом...

Нагли – так звали тролля – препроводил Сумарлиди в пещеру, утаённую глубоко под землёй, в самых недрах Рикнесса. Исландец шёл, невольно пригибая голову, ощущая незримое давление миллионов тонн горного камня, нависшего над ним.

К его удивлению, пещера была ярко освещена. Посредине её стоял длинный деревянный стол, а в центре противоположной входу стены пылал громадный очаг, над которым целиком жарилась туша огромного быка.

Здесь ели, орали какие-то немелодичные песни, пили кислый эль десятки троллей. Заметив среди себя человека, они смолкали, провожая проходящего мимо них Сумарлиди удивлёнными взглядами, и вскоре в пещере установилась абсолютная тишина, полная напряжения и угрозы. Однако сын Рагнавальда, забывший само слово «страх», даже не замедлил шаг, и взор его, устремлённый вперед, был столь яростным и непримиримым, что многие тролли поспешно отводили глаза в сторону, не вынеся пылавшего в нём огня. Нагли посмотрел на исландца с искренним уважением – и трепетом, невольно закравшимся в его давно огрубевшую душу. Ведь испугать троллей, привыкших наводить ужас на других, могло только истинное чудовище.

– Кого это ты привёл сюда, Нагли? – внезапно загородил им дорогу поднявшийся из-за стола тролль, на целых две головы превосходящий ростом не только Сумарлиди, но и всех своих собратьев. Его широченные плечи, покрытые длинной коричневой шерстью, бугрились чудовищными мускулами, а руки, толщиной с торс среднего человека, могли, казалось, дробить в пыль гранитные валуны.

– Нового короля Рикнесса, Бигли, – ответил Нагли, незаметно отступив за спину исландца. – Он убил Иллреде в честном поединке, а значит, имеет право занять его место.

Вздых пронёсся под сводами пещеры, и вновь наступила тишина. Бигли недоверчиво посмотрел на стоявшего перед ним человека.

– Ты хочешь трон Рикнесса? Ты?!.. – и он громко расхохотался. Ему вторили три или четыре жидких смешка, но присутствие угрюмого, источающего какую-то мрачную мощь Сумарлиди не располагало к веселью, и они быстро завяли, как сорванные цветы под жарким солнцем. Почувствовав это, Бигли смолк, но сдаваться просто так он не собирался.

– Ты получишь его только после моей смерти!

– Меня это устраивает, – спокойно ответил Сумарлиди, глядя на тролля в упор, и в его руку словно сам собой скользнул его меч. Бигли выхватил из-за пояса огромный, под стать ему, топор. И тут же сорвался с места, словно выпущенная из лука стрела.

Бигли выхватил из-за пояса топор...

Меч и топор с лязгом скрестились, рассыпав дождь искр. Сумарлиди едва не вывихнул себе пальцы, отводя этот удар, и с содроганием понял, что его противник невероятно, просто чудовищно силен. Меч выскользнул из его мгновенно онемевшей руки и с печальным звоном упал на пол, отлетев куда-то под стол. Бигли широко ухмыльнулся и занёс топор высоко над головой, намереваясь покончить с исландцем одним ударом.

Повинуясь внезапному порыву, Сумарлиди бросился вперёд, прямо под опускающийся топор, пропуская его над собой. И, стиснув кулак, впечатал его в открытый живот своего противника, вложив в удар все свои силы...

И едва не сломал себе кисть!

Пресс тролля казался сделанным из камня. Воспользовавшись замешательством исландца, тот вскинул свой левый локоть и ударил им сверху вниз, метя в темечко. Сумарлиди отклонился, и удар пришёлся по лопатке. Это было всё равно, как если бы на него обрушился потолок! Сумарлиди свалился на колени, но тут же, движимый клокотавшей в его душе яростью, схватил Бигли за ноги и резко рванул их вверх. Удивлённый вскрик – и глухой удар от падения тролля потряс пещеру, топор отлетел в сторону. Заметив это, Сумарлиди бросился за ним... и попал в тиски захвата! Троль, этот житель подземелий, находился ближе к дикому зверю, чем к человеку, к тому же, он был гораздо сильнее и тяжелее исландца, так что мог вполне справиться с ним и без оружия. И они сплелись в рукопашной, превратившись в разъярённых животных, которым была неведома такая вещь, как разум – ими двигали лишь инстинкты, над которыми преобладал один, самый главный – выжить любой ценой.

...Очувтившись на полу, Сумарлиди извернулся и свободной ногой пнул Бигли в подбородок. Тот откинулся назад, ослабив захват, и Сумарлиди тут же оказался на ногах, снова устремившись к топору. Но Бигли каким-то образом опередил его, и косматая, похожая на медвежью фигура неожиданно выросла на пути исландца. Сумарлиди замер, вскинув сжатые кулаки к подбородку и приняв оборонительную стойку. Троль, знакомый с правилами кулачного боя

не хуже него, тоже развернулся к исландцу боком и закрылся согнутыми в локтях руками. Кажется, прошла целая вечность, хотя минуло всего несколько секунд, в течение которых тишину нарушало лишь хриплое дыхание противников. А затем оба одновременно скользнули друг к другу и стремительно, как ветер, завертелись в бурном танце. Танце смерти.

Бигли нанёс молниеносный удар правой, и Сумарлиди, отклонив голову, вскинул руку для блока. И едва не закричал от боли, пронзившей его предплечье, как будто оно соприкоснулось не с живым существом, а со стальной балкой, обретшей вдруг свободу передвижения. Его рука сразу же потеряла подвижность и онемела, так что для защиты и нападения в распоряжении Сумарлиди осталась лишь одна левая.

Пока он осознавал этот факт, тролль, не медля, нанёс сокрушительный удар слева. Лишь в последний момент Сумарлиди успел немного повернуться, и кулак Бигли вместо того, чтобы проломить исландцу грудную клетку, лишь скользнул по ней, задев правое плечо. Но этого было достаточно, чтобы отбросить его, как щепку, к стене.

Сумарлиди крепко приложился затылком, и перед глазами у него поплыло. Но всё же он нашел в себе силы пригнуться от летевшего ему прямо в лицо огромного кулака.

На удар стена пещеры отозвалась глухим гулом, и на головы собравшихся посыпалась каменная пыль. Но Бигли даже не заметил этого, снова замахнувшись, и Сумарлиди понял, что на этот раз он не промахнётся.

Исландец затравленно посмотрел по сторонам, и его взгляд упал на мирно потрескивающий факел, пылавший в каком-то шаге от него.

На размышления не оставалось времени. И, выхватив факел из крепившего его к стене кольца, Сумарлиди со злостью ткнул им тролля в лицо. Бигли взвыл от боли и отшатнулся, прижав ладони к обожжённым глазам, а исландец, выронив ненужный уже факел, прыгнул к топору и поднял его в тот момент, когда полуослепленный тролль вновь бросился в атаку.

На какую-то долю секунды Сумарлиди показалось, что невероятные мышцы тролля послужат ему щитом даже от остро заточенной стали. Но они всё же поддались, и топор с хрустом вошёл в плечо Бигли, разрубив ему ключицу.

Словно конь, поражённый на бегу в грудь, тролль замер, и его ярко блестящие на чёрном лице глаза широко раскрылись. Собрав все свои силы, Бигли схватил топор обеими руками и вырвал его из своего тела. Станный клокочущий звук исторгся из необъятной груди тролля, и у него горлом хлынула кровь. С грохотом упал на пол топор, а через секунду к нему присоединился и его владелец. Борясь с накаывающей темнотой, Бигли попытался дотянуться до застывшего над ним Сумарлиди, но это усилие оказалось для него чрезмерным. Дыхание тролля пресеклось, он дёрнулся в последний раз и замер, лежа в стремительно увеличивающейся луже тёмной, почти чёрной крови.

Сумарлиди, стоя над распростёртым телом, огляделся. В зале царило напряжённое молчание, каждый из присутствующих боялся пошевелиться, чтобы не нарушить это шаткое состояние; все лишь беспомощно озирались, ища поддержки в соседях и не находя её.

– Больше нет желающих? Тем лучше, – Сумарлиди благосклонно кивнул и, неторопливо пройдя к почетному сиденью во главе стола, опустился на него.

– Принесите мне мой меч, – тоном, не терпящим отказа, приказал он и, чуть подумав, добавил: – И эля. А эту падаль, – Сумарлиди небрежным жестом указал на недвижимого Бигли, – отдайте воронам – им ведь тоже надо что-то есть!..

10. Мотсогнир

Утром, едва Гейр открыл глаза, он увидел у своей лежанки Форсети, в нетерпении терзавшего свою бороду.

– Наконец-то! – с явным облегчением воскликнул старик, оставив бороду в покое. – Я уж решил, что ты будешь спать до самого Рагнарока!

– Что-то случилось? – спросил Ингард, рывком поднимаясь.

– «Что-то»! – передразнил его Форсети, возмущённо фыркнув. – Конец света на носу, а ты дрыхнешь, как будто тебя это совершенно не касается!

– А что мне ещё делать? – развёл руками Гейр, действительно не понимая, чем вызвал гнев спакона.

– Собираться! – окончательно выведенный из себя, рявкнул Форсети. – И, не теряя времени, отправляться к своим союзникам в предстоящей битве!

– И где же я их найду? – недоверчиво хмыкнул Гейр, которому и самому-то совсем не хотелось идти на эту битву. Форсети в сердцах грохнул посохом о пол.

– В Льесальвхейме⁴⁷, разумеется! Где же ещё?..

Взгляд Сумарлиди блуждал где-то очень далеко от этой пещеры в сердце Рикнесса, не замечая ничего вокруг. Глаза исландца были пусты и холодны, как зимний лес, покинутый зверьем: Сумарлиди сейчас был отрешён от всего земного, его сознание, затуманенное безумием, перешло на какой-то новый уровень, на котором перед ним открывались знания и перспективы, доселе неведомые исландцу.

Тролли, находившиеся сейчас в зале, ходили и разговаривали крайне осторожно, чтобы не потревожить дум нового короля. Этот человек, развалившийся на почетном сиденье, внушал троллям истинный ужас, и они боялись даже повысить голос, чтобы не попасть под его горячую руку. Один только Нагли не отходил от Сумарлиди ни на шаг, и исландец привык к его постоянному присутствию у себя за спиной, словно тролль стал его второй тенью.

Вспомнив о Нагли, Сумарлиди шевельнулся, и его глаза приняли осмысленное выражение.

– Есть какие-нибудь новости от лазутчиков? – не поворачивая головы, спросил он.

– Пока никаких, – склонившись над его плечом, тут же отозвался Нагли. Сумарлиди недовольно поморщился. Ещё накануне он послал часть троллей на поиски его кровного врага, убившего Рагнавальда, и хотя умом исландец понимал, что результатов ждать рано, его сердце сгорало от нетерпения. Словно подслушав его мысли, Нагли вкрадчиво продолжил:

– Однако поиски можно ускорить, если Ваше величество соизволит...

– Соизволит что? – поторопил умолкшего вдруг на полуслове тролля Сумарлиди, едва сдерживаясь, чтобы не вскочить и не вытрясти ответ силой. Нагли смущённо потупился.

– Обратиться к Мотсогниру, королю чёрных альвов. В Мидгарде нет спакона⁴⁸ искуснее его, и с помощью своей магии он наверняка отыщет этого норвежца быстрее всех троллей, вместе взятых.

– Магии? – с невольной дрожью в голосе повторил Сумарлиди, воспитанный в страхе перед этой недоступной простым смертным мощью. Однако жажда мести была у него сильнее

⁴⁷ Льесальвхейм – страна светлых альвов. Альвы – нестареющая, обладающая магией, прекрасная раса, живущая как и люди, либо на Земле, либо в мире альвов-эльфов. Альвы разделялись на светлых и чёрных, которых чаще называли цвергами

⁴⁸ Спакон – колдун, чародей

любого страха, и, мгновенно взяв себя в руки, исландец решительно кивнул. Резко извернувшись, он до боли сжал руку Нагли и горячо прошептал:

– Ты отведёшь меня к нему?

– Как будет угодно, владыка, – покорно склонился в поклоне тролль, но под его полуопущенными веками полыхнул злорадный огонек, не замеченный Сумарлиди.

Резкий ветер, кинжально пронзающий одежду путников, срывался с перевала и со свирепым воем уносился в долину. Мелкие острые крупинки снега, швыряемые ветром прямо в лицо, нещадно секли кожу и ослепляли, выжимая из глаз слёзы, мгновенно замерзающие на веках. Они стояли на голой вершине скалы, а вокруг них простирались угрюмые кряжи, чёрные глубокие ущелья, серый лед и сверкающий в лучах закатного солнца снег.

– Пришли, – спокойно сказал Форсети, с непонятной гордостью оглядываясь вокруг.

– Пришли... – повторил чуть слышно Гейр, с трудом приоткрыв один глаз и тут же закрывший его снова. – Вопрос только – куда?

– А ты уже забыл всё, что я тебе говорил? – недовольно буркнул Форсети. – Мы – в Льесальвхейме, стране светлых альвов.

– Это – Льесальвхейм? – даже не пытаясь скрыть своего разочарования, скривился от очередного удара ветра Ингард.

– Ты не так смотришь, – улыбнулся Форсети. Его сухая, иссечённая морщинами ладонь легла на глаза норвежца, а когда старик убрал её, Гейр пошатнулся от рухнувшего на него великолепия. С него словно сняли мешковину, через которую он всё это время взирал на мир, и теперь Ингард жадно ловил краски и образы, доселе ему неведомые.

Всё вокруг преобразилось, словно умывшись из источника, бьющего в корнях мирового ясеня Иггдрассиль. С окружающих просторов слетела мрачность и серость, и они засверкали первозданными цветами, чьи жалкие отблески можно найти в радуге. Горы омылись чистой синью и теперь сияли, как огромнейшие бриллианты. Ущелья лучились изумрудом, а на их дне Гейр мог различить ленточки рек, отдающие ярчайшей бирюзой. А прямо перед застывшим в изумлении норвежцем, сияя золотом, возносило к чистому и глубокому небу свои стены и купола самое прекрасное сооружение, когда-либо виденное Ингардом в этом мире – чертог Синдри, дворец короля Льесальвхейма!..

Сумарлиди шёл в толпе троллей по тайным тропам, выбитым в скалах совсем не человеческими стопами. На его плече покоился огромный боевой топор – Чёрный Убийца, наследие Бигли. Он и в самом деле был чёрным: от рукоятки из морёного дуба до металла, из которого было сделано его широкое лезвие.

– Здесь, – каркнул Нагли, и тролли остановились.

– Ну, и где эти ваши Тёмные? – спросил, недоумённо посмотрев по сторонам, Сумарлиди. Нагли предостерегающе вскинул руку.

– Имейте терпение, владыка. Мотсогнир уже прибыл.

– Куда? – недоумённо пожал плечами Сумарлиди. Плато Скагастренде было совершенно безжизненным и просматривалось на многие мили вокруг, и на всём этом пространстве не было заметно ни единого движения. Однако откуда бы ни должны были появиться тёмные альвы, тролли ждали их имен-но сейчас, и исландец продолжал внимательно смотреть вокруг и даже несколько раз бросил взгляд на темнеющее небо. Поэтому-то он и узнал точное время появления низовиков: оно совпало с моментом, когда в небесах зажглась первая звезда.

Едва Сумарлиди опустил глаза, как один из каменных обломков, коими было усеяно всё плато, зашевелился и начал плавно уходить в сторону. Сумарлиди напрягся, его пальцы выбивали нервную дробь на рукояти Чёрного Убийцы. В это время вздрогнул и пришёл в движение

второй валун, ещё один и ещё... Вскоре стало казаться, что всё плато зашевелилось, словно кожа каменного великана, покрывшаяся мурашками. При виде этого зрелища тролли исторгли из своих глоток восторженный рёв. Сумарлиди же затравленно озирался по сторонам, решая, не конец ли света начинается прямо на его глазах.

Но вот первый из каменных обломков, обретших вдруг свободу передвижения, остановился, и в сгущающихся сумерках исландцу почудилось, что мрак под ним вдруг начал подниматься, расти... Дрожь охватила Сумарлиди, но, скованный ужасом, он стоял на месте, не в силах пошевелиться. Ему хотелось закрыть глаза, но и это было выше его возможностей, он был буквально парализован. А чёрные фигуры продолжали подниматься по всему плато, словно персты заключённого в чреве Земли чудовища, решившего выбраться на поверхность, и через небольшой промежуток времени всё Скагастренде было сплошь утыкано ими.

На несколько секунд над плато повисло молчание, пронизанное терпеливым ожиданием, но длилось оно недолго. Одна из чёрных фигур пришла в движение и стала приближаться к застывшим троллям. Сумарлиди вздрогнул, когда заметил на её голове – или на том, что было у неё вместо головы – матово отсвечивающую медную корону с огромным алмазом, пылающим зловещим кровавым светом.

Остановившись в нескольких шагах от Нагли, это исчадие Мрака вскинуло в приветственном жесте руку ладонью вперёд и прошипело голосом, похожим на скрежетание одного точильного камня о другой:

– Приветствую тебя, советник. Ты нас позвал.

– Не я, Ваше величество, – лязгнул Нагли, и его глаза вспыхнули таким же пламенем, что и камень в короне его собеседника. – Он.

Троль кивнул на стоявшего чуть позади него Сумарлиди.

– Смертный! – поражённо воскликнул Мотсогнир, разглядев, с кем он имеет дело, и даже попятился от неожиданности.

– Он убил Иллреде, – словно оправдываясь, отозвался Нагли. – И отныне он – наш король.

Тёмный альв дёрнулся, как от удара, но тут же взял себя в руки и примирительно сказал:

– Закон есть закон. Что ж, Ваше... величество, насколько я понял, вам потребовалась моя помощь?

Сумарлиди скрипнул зубами, отметив эту неприкрытую издевку, но обуздал свой гнев и как мог спокойно ответил:

– Мне нужно отыскать одного человека.

– Эта задача мне по силам, – склонив голову к плечу, осклабился в хищной усмешке Мотсогнир. – Но что я получу взамен?

– Всё, что пожелаете, – не медля ни секунды, отозвался Сумарлиди. И понял, что не ошибся в выборе цены, когда король Тёмных альвов, забыв об ухмылках, выдохнул, подбравшись, как перед прыжком:

– Армию Рикнесса.

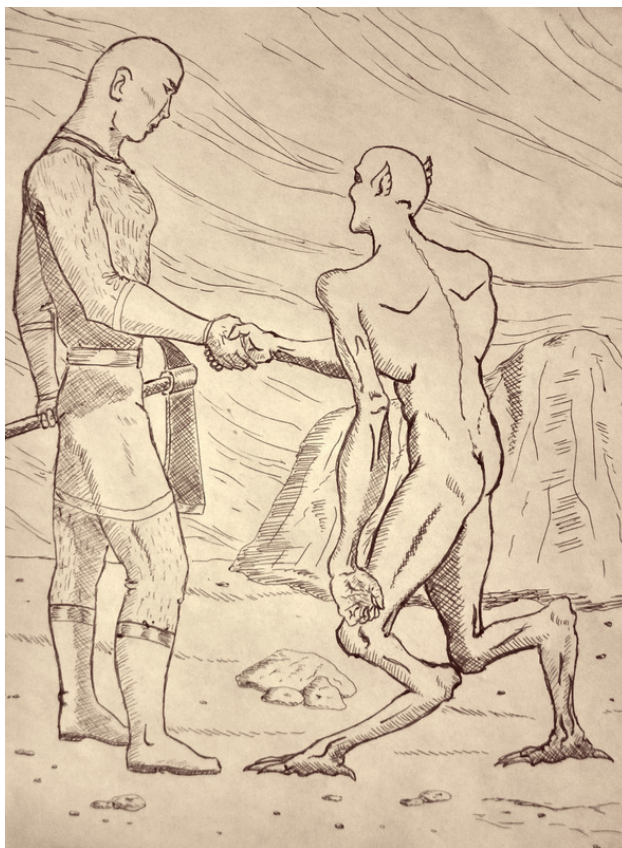
Теперь пришла очередь усмехаться Сумарлиди.

– Ваше... величество задумал покорить весь Мидгард?

– Нет, не весь, – не приняв шутивого тона, совершенно серьёзно ответил Мотсогнир. – Только Льесальвхейм.

Сумарлиди задумчиво почесал бороду, однако ему в голову не приходило никаких веских возражений против плана Мотсогнира. И исландец, решившись, махнул рукой.

– Согласен!

Сумарлиди пожал его ладонь...

Король Тёмных альвов, которых более трех тысяч лет назад в совсем другой стране прозывали хтоническими мстителями или тельхинами – детьми подземных богов, хлопнул в ладоши, и его окутало голубовато-белое сияние, совершенно преобразившее его. Мотсогнир перестал быть щедрым и уродливым карликом, но начал расти и шириться, словно его изнутри распирала неведомая сила, приобретая свой истинный облик, не уступающий размерами самому рослому из йотунов. Из его пальцев ударили ослепительные молнии – и охватили его подобно пожару, заключив в сверкающую клетку. Низовик остановил свой рост и взглянул сверху вниз на съёжившегося в страхе Сумарлиди пылающими адским пламенем глазами. Удар грома потряс плато Скагастренде до основания, так что вздрогнули горы, а низовики и тролли, заполнявшие его, в ужасе попадали на землю, зажимая уши руками. А Мотсогнир, исчадие самых мрачных глубин Нифльхейма, куда не забиралась даже чёрная Хель, простёр длань свою над головой Сумарлиди и коснулся ладонью его лба. И словно смахнули полог, с такой отчётливостью исландец увидел прошлое и будущее, далёкое и близкое, тайное и явное. Сумарлиди пошатнулся, как от удара, черты его лица исказились, а глаза вспыхнули неистовым огнём, будто позаимствованным у Мотсогнира. От острой боли он перегнулся пополам, сквозь стиснутые зубы раздался приглушённый стон. Но боль ушла, исчезла так же неожиданно, как и появилась, и исландец выпрямился.

– Теперь... я... знаю, – голосом, похожим на лязг металла, произнёс он, и Мотсогнир довольно улыбнулся.

– Ты получишь мою армию, альв, – уже нормально продолжил исландец, постепенно приходивший в себя. – Но поведу её я сам. Ибо мой враг, Гейр Ингард, находится сейчас там же, куда стремишься и ты – в Льесальвхейме. А значит, я тоже должен оказаться там.

– Меня это устраивает, – кивнул Мотсогнир. И Сумарлиди без трепета пожал его сухую и неожиданно горячую, почти обжигающую ладонь...

11. Синдри

Ингард вошёл в главный зал Синдри, ведомый ставшим вдруг торжественным Форсети. Вокруг было пусто, и каждый шаг порождал в грандиозной колоннаде, возносившейся в какую-то невероятную высь, долгое дробное эхо. Но, несмотря на это, норвежец всем своим существом ощущал, что за ними ведётся пристальное наблюдение. И Гейр шёл за спаконом, напряжённый, как тетива лука, оглядываясь по сторонам в поисках неведомой, но от этого ни чуть не менее грозной опасности. И всё же он прозевал момент появления перед ними человека, бесшумно выросшего, казалось, прямо из пола.

Впрочем, человека ли? Его лицо являло собой образец истинного совершенства, как будто его изваял поистине гениальный скульптор. Оно было по-настоящему красиво, но какой-то нечеловеческой, неземной красотой, слишком холодное и отстранённое, чтобы быть привлекательным. Губы альва – тонкие, чётко очерченные – казались чересчур жёсткими, даже жестокими, и норвежец не мог представить себе, чтобы они когда-нибудь улыбались.

– Добро пожаловать в Синдри, господа, – сказал между тем альв, слегка поклонившись. – Мой повелитель, Велунд, светлый король Льесальвхейма, ждёт вас.

Гейр содрогнулся, увидев его острые звериные клыки, при каждом слове выглядывавшие из-под верхней губы. Словно только что заметив его, альв наконец-то соизволил взглянуть прямо на Ингарда – и, не скрывая презрения, усмехнулся, продемонстрировав свои устрашающие клыки во всей их пугающей красе.

– Следуйте за мной, – едва ли не приказал он и, развернувшись, пошёл куда-то вглубь дворца. Форсети сделал знак Гейру не отставать и не задавать вопросов. И Гейр с радостью подчинился, слишком потрясённый, чтобы что-либо спрашивать, и всерьёз опасаясь заблудиться и остаться с обитателями чертогов Синдри один-на-один.

Альв привёл их в другой зал, такой же большой, как и первый, но без колонн. Напротив входа, на небольшом возвышении, был установлен изящный трон из неизвестного Ингарду голубого минерала, на котором восседал сухопарый, с орлиным носом на костистом лице и пронзительным взглядом зелёных глаз мужчина. «Альв», – тут же мысленно поправил себя Гейр, вслед за Форсети склоняясь в глубоком поклоне.

– Вы опоздали, – вместо приветствия резко сказал Велунд, и на Ингард ощутил в его голосе такую силу и власть, которым нельзя было не подчиниться. Однако Форсети только усмехнулся в ответ и развёл руками.

– Дорога в Нифльхейм и обратно отнимает слишком много сил даже у Извечных. Что же говорить о простом смертном? Но он здесь, и Чаша тоже здесь, поэтому не будем тратить времени ещё больше на пустые упрёки.

– Ты прав, старый друг, – вздохнул король альвов, смягчаясь. – Слишком много проблем свалилось на Льесальвхейм в последнее время, чтобы множить их нашими пустыми спорами. Низовики активизировались, и наше противостояние всё больше становится похоже на настоящую войну. Их передовые отряды всё чаще пересекают границу, прощупывая нашу оборону, и с каждым разом нам становится всё труднее отбросить их обратно. Если так будет продолжаться, Льесальвхейм падёт ещё до начала весны... которая, вполне может стать, уже никогда и не наступит. Наши силы тают, и ждать помощи нам неоткуда.

– Ты ошибаешься, мой друг, – улыбнулся Форсети. – Эта помощь уже здесь. Он, – спакон кивнул на Гейра, – и есть эта помощь.

– Один смертный? – раздался в тронном зале новый голос, и из-за трона Велунда вышел второй альв, похожий на короля, как две капли воды. Вот только его глаза были не зелёными, а отливали стальной синевой. И глаза эти смотрели на Гейра с откровенной насмешкой.

– Почему один? – удивившись самому себе, ответил Ингард, в душе которого вдруг вспыхнула злость на этих заносчивых созданий. – А другие люди?

– И что же эти однодневки могут сделать в борьбе Извечных? – ухмылка альва стала ещё шире.

– Очень многое, – процедил сквозь стиснутые зубы Гейр. – Например, свернуть Извечным шею и посмотреть, настолько ли они бессмертны на самом деле.

Альв со свистом втянул в себя воздух, и ухмылка исчезла с его лица.

– Ты... – он задохнулся от душившего его гнева и едва справился с внезапно осипшим голосом. – Ты смеешь угрожать мне, повелителю восточных и северных земель от Скагастренда до Эскифьердура?!

– Да. Смею, – прорычал викинг, и они застыли напротив друг друга, испепеляя противника непримиримыми взглядами. Альв не выдержал первым и, моргнув, отступил на шаг. Но тут же взял себя в руки и в ярости сорвал со своих плеч укутывавший их дорогой плащ.

– Поединок! – вскричал он, потрясая кулаками.

– Поединок! – ответил Гейр и, отстегнув ремень с ножнами, передал его неодобрительно качавшему головой Форсети. – Добрый господин, – насмешливо поклонился Гейр альву, и губы норвежца растянулись в улыбке, больше похожей на оскал, – может, мы начнём наш танец?

Альв взвился, как от пощёчины, и бросился вперёд. Он был огромен – почти на голову выше викинга и чуть ли не вдвое шире его в плечах, – и двигался с поразительной ловкостью и проворством, выдававшими в нём опасного противника. Он шёл на Ингарда с невероятной для такой громады скоростью, его голова была наклонена вперёд, готовая встретить любой удар. Альв намеревался обхватить Гейра и сдавить его в своих медвежьих объятьях, ломая ему хребет.

Ингард резко присел и бросился ему в ноги. Не успев остановиться, альв перелетел через спину норвежца и тяжело рухнул на каменный пол. Подхватив его, Гейр выпрямился и поворотом туловища швырнул альва прочь от себя, вложив в этот бросок все силы и всю злость, клекотавшую сейчас в его сердце.

Альв полетел как камень, пущенный из пращи, и приземлился на голову и плечи, сильно ударившись о мраморные плиты. Такое падение оглушило бы любого человека, но когда Гейр повернулся, то увидел, что альв легко вскочил на ноги. И только сейчас норвежец вспомнил, что его противником был не человек. Но азарт схватки уже захватил его, и Ингард не собирался уступать, даже если бы против него сражался сам Один.

Они вновь сошлись грудь в грудь. Гейр перенёс правую руку через левое плечо альва, а левую подsunул под его правой подмышкой. И, соединив руки в «замок», прогнул спину, напрягая все мускулы до предела. Ноги альва оторвались от пола, и он повис в воздухе. На какую-то страшно долгую долю секунды они застыли в шатком равновесии, а затем Гейр начал валиться на спину. В последний момент норвежец скруглил спину и упёрся ногой в живот альва. Когда его поясница коснулась камней, он распрямил ногу и перебросил противника через себя. Через секунду тяжёлый удар подтвердил, что приём Ингарда достиг своей цели.

Альв вновь поднялся, но на этот раз уже не так быстро.

– Добрый господин доволен, или он по-прежнему думает, что смертные ни на что не годятся? – спросил Гейр с язвительной улыбкой. Альв дёрнулся, но тут вмешался Велунд.

– Ты сам виноват, Ахарн. И хватит ссор. Мы на пороге войны, и раз уж вам так хочется подраться, то деритесь с низовиками, а не друг с другом.

Альв, тяжело дыша, исподлобья взглянул на норвежца и нехотя, через силу, кивнул. А потом подобрал свой плащ и, не оглядываясь, покинул зал, чуть заметно хромяя.

К Гейру подошёл Форсети и отдал ему его пояс.

– Зря ты это затеял, – тихо сказал ему спакон. – Ахарн родной брат короля, и портить с ним отношения – не лучший способ добиться расположения Велунда.

– Так они братья... – протянул задумчиво Гейр, словно не слыша последних слов Форсети, и его взгляд устремился вслед удалившемуся Ахарну. И во взгляде этом стыл лёд не оформившегося ещё подозрения.

Велунд вздохнул.

– Я прошу прощения за графа Ахарна – он всегда был не сдержан в своих эмоциях... Что ж, я принимаю ваше предложение. Сегодня же ночью —кони альвов не выносят солнечного света – вы сможете отправиться в путь.

Форсети согласно поклонился. И Гейр последовал его примеру, хотя его мысли были далеки от триумфа. Он забыл даже об Ахарне, сосредоточившись на том, как уговорить людей помочь альвам в их войне. И чем больше он думал над этим, тем очевиднее становилась вся неподъёмность задачи, сгоряча возложенной им на себя. Ведь помогать тем, кого боишься и вообще почти не веришь в их существование, согласится далеко не каждый.

На выходе из тронного зала их поджидал тот же альв, что привёл их сюда.

– Я провожу вас в ваши покои, – с ещё большей холодностью, чем прежде, сказал он, и Гейр понял, что весть о поражении Ахарна уже разнеслась по всему дворцу. Вот и ещё одна причина для беспокойства, как будто их было мало у него. Ибо трудно положиться на союзников, которые тебя ненавидят.

Однако комната, которую предоставили норвежцу, слегка развеяла его мрачность. Ни один человеческий дворец не мог похвастаться такой роскошью и удобством, как Синдри. Здесь всё было словно пронизано светом и лёгкостью, а кровать напоминала небесное облако и манила своей мягкостью и воздушностью. Не в силах удержаться, Гейр лёг – и буквально застонал от наслаждения, объявшего его. Но нежиться ему пришлось недолго. В дверь тихонько, но настойчиво постучали, и разлепив начавшие уже слипаться глаза, Ингард отправился открывать.

Он был уверен, что это Форсети, и потому совсем не подготовился к тому, что ждало его на самом деле за дверью. А точнее – к тому, кто ждал его там. Открыв рот, Гейр тупо пялился на стоявшую перед ним девушку, прекраснее которой он не видел никого в своей жизни. И только её ярко-сиреневые глаза, которых не бывает у земных девушек, и кокетливо выглядывавшие из-под верхней губы клыки напомнили ему, где он, кто он и кто перед ним.

– Идём, – нежным мелодичным голосом, от которого сердце Ингарда превратилось в расплавленный воск, позвала его альфара. – Королева Глориана хочет видеть тебя...

Королева ждала его в саду Синдри. Деревья были здесь низкорослые, но с густой кроной, отливающей красным золотом.

– Тебе нравится? – спросила Глориана норвежца, нежно прикоснувшись кончиками пальцев к затрепетавшему листу. – Эти деревья из священной рощи Гласир, что простирается у стен Асгарда, города богов.

Гейр промолчал, не в силах найти подходящих слов. Если посланница королевы была нечеловечески красива, то сама королева была просто прекрасна, и в её присутствии если и хотелось говорить, то только стихами, уподобляясь скальдам:

Белая лебедь, гордая птица...
Лебёдушка нежная ночью мне снится.
Летит она, гордая, горя не зная,
Словно луч солнца, пространство пронзая.
И нет ей преграды, нет срока и плена,
Лебёдушка белая, ты – выше тлена!

Словно не замечая замешательства гостя, Глориана опустила голову, сосредоточенно обдумывая что-то, что ей было трудно высказать. Ингард терпеливо ждал, и готов был ждать хоть до скончания веков.

Наконец она решилась.

– У тебя был сегодня поединок с графом Ахарном.

– Да, – кивнул норвежец, не понимая, к чему она клонит.

– Схватка – это плохо само по себе, но хуже всего то, что она закончилась не в его пользу.

– Я победил честно! – резко воскликнул Гейр. Глориана слабо улыбнулась.

– Ахарн самолюбив, и он не забудет поражения. Хоть они с моим мужем и братья, между ними идёт давнишняя вражда из-за королевского трона. Видишь ли, они близнецы, и появились на свет в один и тот же час. Ни о каком старшинстве не может быть и речи, но Ахерон, отец Ахарна и Велунда, отдал предпочтение моему мужу. Ахарн не был с этим согласен, но воля отца для любого альва – закон, и граф смирился. Однако Ахерон погиб в схватке с Мотсогниром, королём чёрных альвов... – Глориана печально вздохнула, и Гейру почудилось, что на солнце набежала туча. А королева продолжала:

– Вражда между братьями сразу обострилась, хоть и не заметна непосвящённому. Ахарн хранит верность, но это всего лишь видимость. Малейшая слабость Велунда может спровоцировать его на открытое неповиновение, а сейчас, из-за угрозы со стороны Свартальвхейма, страны чёрных альвов – низовиков, это будет настоящей катастрофой.

– Льесальвхейм, раздробленный и ослабленный, падёт под их натиском, и наступит Рагнарок, – шёпотом закончил её мысль Ингард. Глориана кивнула.

– Именно. По этой причине ваше с Ахарном противоборство и вызвало такую холодную реакцию у альвов. Никто не хочет приближать свою гибель, тем более – из-за подобной детской выходки.

Пристыженный, Гейр был готов провалиться сквозь землю. Заметив это, Глориана успокаивающе погладила его по плечу.

– Скажи, ты уверен, что люди помогут нам?

– Я сделаю для этого всё, от меня зависящее! – горячо воскликнул Ингард. Королева кивнула, словно и не ждала другого ответа.

– Спасибо. Я надеюсь на тебя... Весь Мидгард и Асгард надеются на тебя. Прими же от меня в подарок этот тарнкаппе. Он спасёт тебя от непогоды, в нём ты сможешь согреться в самые лютые холода. И кроме того, он позволяет владельцу делаться невидимым и защищает его от магии. А это не так уж мало, когда имеешь дело с чёрными альвами.

Глориана извлекла из складок своего одеяния нечто невесомое, похожее на облачко серебристого тумана, переливающееся нежным сиянием. Она развернула его, и вниз дождём брызнули каскады колющих глаз огоньков. Королева держала в руках тарнкаппе – волшебный плащ альвов.

Гейр опустился на одно колено и с поклоном принял этот драгоценный дар, ибо никто, кроме самих альвов, не владел доселе альфарским плащом.

– Ступай, воин, и да пребудет с тобой милость асов, – прозвенел на прощание голос Глорианы, и королева исчезла среди золотых деревьев из рощи Гласир. А Гейр остался, держа на ладонях серебрищийся дымок плаща. Её подарок...

12. Побратимы

Альфарские скакуны действительно оказались колдовскими. Их бег скорее напоминал полёт, чем скачку, так легко, словно играючи, они перепрыгивали самые широкие пропасти и взбирались на самые недостижимые кручи. Судорожно вцепившись в поводья, чтобы не вылететь из седла при очередном прыжке, Гейр едва сдерживался, чтобы не зажмуриться от страха. Но одновременно в его душе с этим чувством соединялся и пьянящий, шальной восторг, от которого хотелось орать во всю глотку – и хохотать, как сумасшедший. Ветер сёк ему лицо, как стальным ножом, на глаза наворачивались слёзы – и всё же ничего лучше этого волшебного полёта Ингард не испытывал ещё никогда в своей жизни.

За какие-то считанные минуты они с Форсети спустились с вершины, на которой стоял Синдри, и очутились в предгорьях. А альфарские кони даже не запыхались и лишь увеличили свою скорость, одним махом покрывая милю за милей. Земля стонала под ударами их копыт, звёзды тряслись в ночном небе и готовы были вот-вот рухнуть вниз. Леса и реки они просто не замечали, стрелой рассекая пространство перед собой – и пространство благо разумно расступалось, пропуская их. Подобно Аскерейе, Дикой Охоте Одина, мчались они над тёмными просторами, и видевшие их припозднившиеся путники падали ниц, охваченные ужасом. Только соетрольд, водяной дух, резвившийся в озере в виде прекрасной белой лошади, подружески кивнул им, как старым знакомым, да взвыли им вслед два усебьёрна-обортня, желая удачи.

Когда впереди показались знакомые берега Согнефьорда, Ингард искренне пожалел, что всё закончилось. Спешившись, он нехотя передал поводья своего скакуна Форсети и вздохнул.

– Не печалься, – улыбнулся ему спакон. – Ты ещё не раз взвнуздаешь альфарских коней. Мне открыто будущее, и я вижу это совершенно ясно.

– Надеюсь, что так, – отозвался Гейр, но в голосе его не было особой веры. Однако он понимал, что оставить волшебного коня себе ему не удастся, и отогнал прочь пустые сожаления.

– Здесь мы простимся, – сказал ему Форсети, посерьёзнев. – Не след мне появляться среди смертных, да и надо вернуть наших скакунов их истинным владельцам. Через неделю Велунд со своей армией будет ждать тебя в долине Урнеса, не подведи его.

– Не подведу, – тряхнул головой Ингард и, махнув на прощание рукой, направился в Аурланд. Форсети, проводив его долгим взглядом, чуть тронул поводья – и растворился в предрассветной мгле, оставив только взвихрённую копытами коней снежную пыль.

Подойдя к воротам города, когда небо на востоке только-только начало светлеть, Гейр что было сил ударил кулаком в створку и закричал во всю мощь своих лёгких:

– Эй, караульные! Хватит спать – Вальгаллу проспите! Открывайте!

– Кого там Сурт принёс? – над воротами показалась всклокоченная голова хирдмана. – Иди, куда шёл, бродяга, и не тревожь добрых людей, пока они не стали злыми.

– Быстро же ты забываешь своих друзей, Торкель, сын Хравна. Да ещё и записываешь их в бродяги, хоть я и не давал вроде тебе повода для этого, – ответил Гейр, чуть отступив.

– Разрази меня Тор, если это не Гейр! – рявкнул Торкель, поспешно спрыгивая вниз и поспешно отворяя воротину. – Бродяга ты и есть! Брюньольв уже все глаза проглядел, тебя ожидаючи, да и мне стало как-то скучновато в Аурланде без тебя!

Он хлопнул Гейра по плечу, радостно улыбаясь, и заключил его в медвежьи объятия, от которых Гейр только охнул.

– Где же ты пропадал, дружище? Херсир будет очень недоволен твоей задержкой.

– Может, ты меня всё-такипустишь в город? – кривовато улыбаясь и исподволь проверяя, все ли рёбра у него целы, поинтересовался Ингард. – Или мы так и будем стоять тут, пока Гуллинкамби⁴⁹ не закукарекает?

Торкель захохотал во всё горло и так хлопнул Гейра по плечу, что тот пошатнулся.

– Конечно, входи, дружище! Эй, Бродди! Подмени-ка меня! – крикнул он второму каральному и чуть ли не силком поволок Гейра за собой в хижину, где ночевали неженатые хирдманы.

– Тебе придётся многое мне рассказать, – затащив Ингарда в свободный угол, сказал Торкель и заговорщицки подмигнул. – Я слышал, эта лопарка – красивая девчонка!

– Да, мне действительно надо тебе многое рассказать, Торкель, – вздохнул Гейр, не принимая шутливого тона. – Но о Гунхильд я поведаю как-нибудь в другой раз.

Торкель удивлённо вскинул брови, поражённый серьёзностью своего друга. А Гейр снял с плеча свой мешок и, развязав его, выставил на стол Одрёрир.

– Потому что есть кое-что поважнее Гунхильд... к сожалению.

И, чуть помедлив, собираясь с духом, Гейр начал говорить, повторяя Торкелю всё, что узнал от Форсети и альвов за последние дни.

– Я верю тебе, дружище, – после долгого молчания произнёс Торкель, когда Ингард, наконец, завершил свой рассказ, и в его голосе не было и тени насмешки. – Верю, хотя видит всемудрая Вер⁵⁰, твои слова больше похожи на бред безумца.

Он протянул руку к Одрёриру, но тут же отдёрнул её, словно опасался обжечься.

– Ты сможешь мне убедить херсира? – глядя на него в упор, спросил Ингард. Торкель покачал головой.

– В этом тебе не поможет даже Локи со всем его хитроумием. Брюньольв, даже если и поверит тебе, как я, никогда не поведёт свой хирд на битву с нечестью – он хороший вождь, а хороший вождь бережёт своих людей, как собственных детей. И не отправит их в пасть чудовищу, даже если от этого будет зависеть судьба мира.

– Если погибнет мир, то и люди погибнут тоже! – горячо воскликнул Гейр, но Торкель остановил его, подняв ладонь.

– Не трать свой пыл понапрасну, меня ты уже убедил. А вот чтобы убедить Брюньольва, потребуется нечто большее, чем твои слова и... это, – Чёрный кивнул на чашу, и в его глазах Ингард прочёл нескрываемый страх. Но через секунду страх исчез, уступив место хитровой усмешке. – Однако я знаю человека, которого херсир может и послушать. Бьярн молод и горяч и не откажется от такой возможности заслужить славу и почёт, каких не достаивался ещё ни один человек. К тому же он должен тебе за твою помощь в набеге на Гаулар, а Бьярн – человек чести и всегда возвращает свои долги. Брюньольв же сейчас так озабочен поисками путей примирения с сыном, что не откажет ему ни в чём. Даже в походе на чёрных альвов.

– Тогда почему же Брюньольв не разрешит ему жениться на Торе? – посмотрел на него Гейр. Торкель развёл руками.

– Это будет кровная обида для Торира, а на такое Брюньольв пойти не может.

– Тогда мне нечего предложить Бьярну за его помощь, – вздохнул Гейр.

– Посмотрим, – усмехнулся Торкель. – А пока идём к Бьярну, и ты всё ему расскажешь, как мне. А там пусть норны решают, чему быть.

Поднятый с постели, Бьярн сонно устался на вошедших и, послав их к Сурту, развернулся было на другой бок. Но Торкель сдёрнул с него медвежью шкуру, служившую Бьярну одеялом, и без лишних церемоний стащил сына херсира за ногу на пол.

⁴⁹ Гуллинкамби – «золотой гребешок», петух в Асгарде, своим криком возвестит начало Рагнарока

⁵⁰ Вер – богиня знания

– Да будете вы добычей троллей! – взревел раненым туром Бьярн. – Не давать выспаться свободному человеку – это подлость!

– В Вальгалле отоспишься, свободный человек, – спокойно заявил ему Торкель. – А это может случиться куда раньше, чем ты предполагаешь, если не выслушаешь Гейра.

Бьярн тряхнул головой, и в его глазах появился огонёк мысли.

– Я помню тебя, – смерив Ингарда внимательным взглядом, заявил он. – Ты – хирдман моего отца, но ты помог мне увезти Тору от её брата. Так что же ты хочешь мне сказать?

Гейр повторил свой рассказ. Второй раз за утро Одрёрир покинул его заплечный мешок, и во второй раз Ингард увидел страх в глазах слушавшего его человека. Но Бьярн в отличие от Торкеля взял-таки чашу в руки и тщательно её осмотрел, прежде чем вернуть Гейру.

– Твои слова похожи на речи эльфвильде – сведённого с ума альвами... Но это как раз подтверждает твою правдивость, – хмыкнул Бьярн, запустив пятерню в и без того растрёпанные волосы. – Ведь чтобы альвы могли кого-то свести с ума, они должны быть по крайней мере реальны. К тому же я не вижу выгоды, которую ты мог бы получить своим рассказом, а это, по-моему, единственная причина для вранья.

– Выгода есть, – стараясь, чтобы его голос не дрогнул, ответил Ингард. – Спасение Мидгарда, по-моему, весьма значительная выгода.

– И что же тебе нужно для этого? – с интересом воззрился на него Бьярн.

– Хирд. И не только хирд твоего отца, но и всех окрестных фюльков, какие только отзовутся на его призыв.

– Немало, – усмехнулся Бьярн. – И ты хочешь, чтобы я помог тебе в этом? Какая же здесь выгода для меня?

– Хочешь увидеться с Торой? – вмешался Торкель. – Брюньольв стережёт её как зеницу ока и никого к ней не допускает, кроме женщин. Но одна из этих женщин давно уже склоняет меня к замужеству, и ради такого дела я мог бы принять её предложение.

При упоминании имени любимой Бьярн побледнел, но тут же взял себя в руки.

– Что ж, это стоит обдумать... Но мой отец и слышать не захочет об альвах, цвергах и прочей нечисти. И уж тем более не даст на такое дело ни одного человека, не говоря уж о целом хирде.

– А зачем нам говорить ему о... нечисти? – пожал плечами Торкель. – Разве у Норвегии мало врагов и без неё? Мало ли кто может высадиться на побережье с целью грабежа? Англы, например, или пикты⁵¹?

– Пикты? – задумчиво потёр подбородок Бьярн. – А ведь это может сработать, хотя пикты уже лет сто как не ходили на нас войной.

– Ничто не вечно, и уж тем более мир, – фыркнул Торкель.

– Ты прав – ничто не вечно, – кивнул, соглашаясь, Бьярн и встал. – Так не будем же терять время – его нам отпущено норнами не так уж и много: всего лишь одна жизнь!..

– Явился, наконец, – буркнул Брюньольв, когда Гейр в сопровождении Бьярна и Торкеля вошёл в скали. – Впрочем, я не в обиде: твои сведения принесли мне значительное богатство, да и девчонка, как мне известно, была очень даже симпатичная.

Херсир улыбнулся и молодецки пригладил усы.

– К сожалению, до Гунхильд я так и не добрался, – искренне вздохнул Ингард. – И коня своего я потерял; теперь он, скорее всего, скачет под седлом какого-нибудь пикта.

– Пикта? – удивлённо воззрился на него Брюньольв. – Что пикты делали в Финнмарке?

– Наверно, то же самое, что и мы – искали добычу, – развёл руками Гейр. – Когда я натолкнулся на них, они напали на меня как бешеные волки и едва не прикончили. От раны

⁵¹ Пикты – древний народ в Шотландии

я потерял сознание, и это спасло мне жизнь. Похоже, они посчитали меня мёртвым и бросили в лесу, и если бы не ведьма-лопарка, подбравшая и выходявшая меня, мы бы с тобой сейчас не разговаривали, вождь.

– И где же сейчас эти пикты? – стиснув кулаки так, что побелели костяшки пальцев, с натугой спросил Брюньольв.

– Варгамор⁵² сказала, что они разбили свой лагерь в долине Урнеса.

– Странно, – протянул херсир, и его глаза неприятно сощурились, словно брали стоявшего перед ним Гейра в прицел натянутого лука. – Вчера сюда приехал Трюгви из Сундаля, и ни о каких пиктах в Урнесе он и слухом не слыхивал.

– Я не лгу, – не отводя взгляда, процедил Ингард.

– Отец! – выступил вперёд Бьярн. – Если ты не веришь своему хирдману, то, надеюсь, поверишь своему сыну.

– Тебя там не было, – упрямо заявил Брюньольв. – А этот человек мне не сын!

– А если он станет твоим сыном, ты ему поверишь?

– Сыном?! – потрясённо воскликнул Брюньольв и откинулся на сиденье назад, чтобы лучше видеть обоих. – Ты хочешь...

– Да! – гневно оборвал херсира Бьярн и, повернувшись, отдал короткое приказание стоявшему у него за спиной Торкелю. – Да, отец! – когда Торкель, поклонившись, вышел, молодой норвежец снова повернулся к Брюньольву. – Я этого хочу! И сделаю это!

Гейр промолчал, продолжая спокойно стоять на месте. Он не собирался мешать Бьярну в его затее, понимая, что в предстоящей битве важен каждый человек. А каким способом он получит этого человека, было неважно...

Обряд был подготовлен по всем правилам. Во дворе от снега был очищен значительный участок, и двадцать землекопов начали упорно вгрызаться в мёрзлую землю. Им предстояло сделать шестиметровую траншею в рост человека так, чтобы сверху осталась полоска дёрна. Это была трудная работа, но совместными усилиями постоянно сменяющихся землекопов она была выполнена за день. Ингард знал, что Бьярн намерен делать дальше: издревле обряд прохождения под полоской дёрна совершался при заключении побратимства. Когда они с Бьярном выйдут с другой стороны траншеи, а дёрн при этом не обвалится, они будут считаться названными братьями, и тогда Гейр на полных правах войдёт в семью Брюньольва.

Утро следующего дня выдалось тихим и солнечным. Бьярн посчитал это хорошим предзнаменованием и ходил, довольно улыбаясь. Гейр был совершенно спокоен: его совершенно не волновало это испытание, их и без него в его жизни было предостаточно.

Наконец, настал назначенный час. Зрители собрались на выбранном месте, их круг стоял на достаточном удалении от траншеи, чтобы дёрн не обрушился от случайного сотрясения. Место обряда было окружено вехами из орешника, чтобы исключить воздействие злых духов. Теперь всё зависело только от чистоты намерений тех, кто решился совершить этот обряд.

Потянулись томительные минуты ожидания. Напряжение уже достигло предела, когда появились Гейр и Бьярн. Сын Брюньольва был излишне нервозен, и постепенно его волнение передалось и Ингарду. Подходя к спуску в траншею, он с удивлением обнаружил, что его руки начали слегка подрагивать. Спокойствие улетучилось, как дым, и Гейр вновь ощутил себя просто юношей, которому предстоит совершить нечто действительно важное, от чего зависит его судьба.

Бьярн робко коснулся его руки, и Гейр, ни секунды не колеблясь, крепко стиснул его ладонь. Благодарно кивнув, Бьярн задержал дыхание, как перед прыжком в ледяную воду, и они одновременно шагнули на покатый скат.

⁵² Варгамор – лесная ведьма, знахарка

Этот путь – всего в шесть метров длиной! – показался Ингарду бесконечным. Свет померк, и возникло ощущение, что он уже никогда не зажжётся снова. Лишь светлое пятно впереди не давало им утратить нить реальности, и оно было единственной целью здесь, в Без-времяе.

Они шли вперёд, шаг за шагом приближаясь к выходу, и впервые Гейр осознал всю значимость совершаемого обряда. Здесь, под тонким слоем дёрна, когда над головой нависают комья земли, сквозь которые пролезали белые, как могильные черви, корни, присутствие рядом с собой живого человека было решающим фактором, не дававшим утратить присутствие духа и удариться в слепую и бестолковую панику. Здесь действительно совершалось побратимство, не телесное или кровное, а гораздо более весомое – духовное. И когда Ингард с Бьярном вышли, наконец, на свежий воздух, норвежец долго ещё ощущал какую-то звенящую струну, связавшую его душу с душой Бьярна. Это было как очищение и даже больше – как второе рождение, и траншея играла в нём роль материнского лона.

Брюньольв приблизился к ним, и выражение его лица было невероятно серьёзным. Он посмотрел прямо в глаза Гейра и негромко сказал:

– Ты знаешь, что лгать родственникам – грех ещё больший, чем убийство. Поэтому подумай и скажи: твой рассказ – правда?

– Да, – выдержав его испытующий взгляд, твёрдо ответил Ингард.

– Хорошо, – кивнул Брюньольв, и Гейру показалось, что сделал он это с огромным облегчением. – Я дам на ваше дело пятнадцать больших сотен и отправлю ратную стрелу в ближайшие фюльки, чтобы и они присоединились к вашему походу. Надеюсь, мне не придётся жалеть об этом.

Гейр чуть заметно улыбнулся. Теперь ему будет с чем идти в Урнес, на встречу с воинством короля альвов.

13. День мечей

Хутор догорал, бросая кровавые отсветы на истоптанный снег и взметая в ночные небеса столб густого чёрного дыма. Обычный, ничем не примечательный хутор, каких десятки раскиданы у фьордов и в долинах Фенноскандии. Сумарлиди не раз и не два проезжал за свою жизнь мимо таких же, обращая на них внимания не больше, чем на кротовые норы или муравейники – то есть никакого. И не знал, что часть, и немалая часть, этих хуторов принадлежит совсем не людям, а бонды, проживающие в них – никто иные, как альвы, о которых он слышал разве что в сказках.

Сумарлиди ещё раз взглянул на распростёртую у его ног женщину, уже переставшую плакать и теперь безучастно глядевшую пустыми глазами в тёмное небо, и поразился, насколько всё-таки она похожа на человека. Вот только заострённые кончики ушей да выступающие из-под верхней губы клыки – практически незаметные, если не присматриваться – выдавали в ней альфару. В остальном же – Сумарлиди плотоядно улыбнулся – она была точным подобием человеческой женщины. И вела себя точно также.

– Мотсогнир будет недоволен, – приблизившись, негромко сказал ему Нагли. – Теперь альвы узнают о нашем походе и успеют подготовиться.

– Пусть готовятся, – равнодушно пожал плечами Сумарлиди. – Я должен был убедиться, что всё, что ты мне рассказал об альвах – правда. И что они также смертны, как и тролли.

Глаза Нагли вспыхнули злобным огнём, но тролль тут же опустил их, спрятав своё негодование под косматыми бровями. Ничего не заметивший Сумарлиди не торопясь вынул из ножен свой меч и спокойно воткнул его в обнажённый живот альфаре. Та выгнулась дугой, очнувшись от забытья, и взвыла от нестерпимой боли. С удовольствием полюбовавшись её агонией несколько секунд, Сумарлиди резко повернул меч в ране, обрывая страдания своей жертвы. И, хрипло рассмеявшись, отправился прочь от пожарища, провожаемый хмурыми взглядами своих необычных подданных, молча расступавшихся перед ним. Теперь он действительно знал, что альвов можно убить, причём достаточно легко, и знание это наделяло его уверенностью в своих силах. А потому недовольство короля тёмных альвов беспокоило его меньше всего на свете. Если отныне кому-то и стоило беспокоиться, так это самому Мотсогниру.

Войско Ингарда уверенно шло через холмы, и норвежец, сидя на гнедом жеребце, оглядывал его с удовольствием и гордостью. Многие фюльки отозвались на призыв Брюньольва, и теперь за Гейром следовало почти семь тысяч воинов из различных родов, что вдвое превышало самые смелые надежды норвежца. Неделя, данная Гейру Форсети, ещё не подошла к концу, а он уже был на подходе к условленному месту встречи – и с армией, которая не уступала по численности армии Льесальвхейма. А возможно, и превосходила её.

Огибая скальные выступы гор, окружавших долину Урнес, войско викингов сначала повернуло на восток, а потом, после пары часов пути, снова на север. И к вечеру вышло к ущелью, являвшемуся воротами Урнеса: ещё какой-то час отделял его от места назначения, и все вздохнули с явным облегчением.

Однако сам вид ущелья, которое до краёв было заполнено невероятно плотным серым туманом, Гейру решительно не понравился. Туман не был сплошным и неподвижным; он тёл, то становясь совершенно непроницаемым, а то расступаясь, на миг открывая скрывавшиеся за ним скалы, словно дышал, как живое существо. Его волокна, возносившиеся на головоломную высоту, закрывали последние лучи закатного солнца, и в ущелье царил сумрак, как будто в нём уже наступила ночь. Гнедой Ингарда громко фыркал, глядя на эту серую стену перед собой полным недоверия и даже испуга взглядом, и Гейр полностью разделял его чувства. Норвежец ощущал заключённую в тумане неясную, но очевидную опасность, и совсем

не горел желанием идти ей навстречу. Вот только выбора у него оставалось. Обход занял бы не менее двух недель, а как раз их-то у Гейра и не было. И викинг, сделав глубокий вздох, тронул поводья, вынудив коня войти в ущелье первым. Чуть помедлив, за ним последовало и остальное войско. И туман тут же сомкнулся вокруг них, как хищник, дождавшийся, наконец, свою добычу.

Ингард полностью положился на инстинкты своего коня. Туман уплотнился так, что ничего не стало видно уже за пару шагов. Поход продолжался почти вслепую. Никто не мог с уверенностью сказать, что окружает их — скалы, пропасти или лес. В этой мгле могли скрываться целые орды врагов, и норвежцы не заметили бы их, пока те не свалились бы им на головы.

Эта мысль заставила Ингарда положить руку на меч, но вокруг было тихо. А через полчаса стены ущелья раздвинулись, и туман начал таять, поднимаясь серыми нитями в быстро темнеющее небо, на котором уже несмело блестели первые звёзды.

Гейр облегчённо вздохнул и оглянулся на своё воинство, вышедшее из ущелья по его следам. И, вздрогнув от неожиданности, вновь схватился за меч, прежде чем понял всю абсурдность своего порыва. Ибо вокруг них, гордо восседая не на своих колдовских, а на самых обычных конях, ехали светлые альвы... Тысячи альвов!

Забряцало оружие, слышались испуганные и угрожающие возгласы викингов, готовых вот-вот броситься на невесть откуда взявшегося врага.

– Тихо! – вскинул руку, призывая к спокойствию, Ингард. – Это армия конунга Велунда, она на нашей стороне!

Колонна викингов всколыхнулась, и неясный шум прокатился над нею: из начала в конец передавали слова норвежца.

– Откуда они взялись? – тихо спросил подъехавший к Ингарду Торкель. – Готов поклясться, что до ущелья не видел ни одного человека, а ущелье было столь узким, что укрыться там целой армии было просто негде. Да и о конунге Велунде я никогда не слышал.

Он вперил в Ингарда вопрошающий взгляд, но тот лишь пожал плечами в ответ. Появление альвов было для него такой же неожиданностью, как и для остальных.

К ним подъехал Велунд, его точёное, словно вырезанное из мрамора лицо было сурово. Мельком взглянув на сторававшего от любопытства Торкеля, король светлых альвов сказал:

– Противник перешёл к решительным действиям. Наши передовые отряды уничтожены, многие хутора сожжены, их жители зверски убиты. Сейчас Мотсогнир движется сюда. И он не один – к нему присоединилась армия из Рикнесса.

– Вы тоже их встретите не в одиночестве, – отозвался Гейр, кивнув на свой отряд. – Тот бакке⁵³, мне кажется, очень подходит для нашего лагеря.

Ингард указал на невысокий холм, зажатый, как в тисках, двумя скалами, перекрывавшими долину Урнес с востока, с обширной сэтерой⁵⁴ перед ним на западе. Велунд оценивающе прищурился.

– Да, – медленно проговорил он, – я понимаю твой выбор. Трудно атаковать такую позицию, но и покинуть её будет нелегко – крепость и ловушка одновременно.

– Тем лучше, – ответил Гейр, твёрдо глядя в глаза альва. – У нас тогда остаётся только один выбор – победить.

К полуночи объединённая армия Ингарда и Велунда достигла намеченной цели. Выбранная норвежцем позиция действительно была сильная: бакке походил на бутылочную пробку, наглухо забившую узкую горловину, с боков и сзади его надёжно прикрывали отвесные скалы,

⁵³ Бакке – холм

⁵⁴ Сэтеры – травянистые луга в горах Норвегии

по которым не смогли бы спуститься даже чёрные альвы и их союзники-тролли. Теперь оставалось только ждать – и две армии, утомлённые долгим переходом, уснули.

Не спали только Гейр и Велунд, обсуждая планы предстоящего сражения. Уже близилось утро, когда в их шатёр ворвался запыхавшийся Бьярн.

– Предательство! – срывающимся от волнения и гнева голосом выкрикнул сын Брюньольва. – Граф Ахарн поднял свой отряд и покинул лагерь!

– Грязный пёс! – в сердцах грохнул кулаком по столу Велунд. – Уйти, когда решается судьба его родины!.. Сколько он увёл?

Взгляд короля альвов, пылавший неистовым огнём, заставил Бьярна попятиться.

– Две-три тысячи... – тихо ответил тот и, словно оправдываясь, добавил: – В темноте было сложно сосчитать.

Велунд посмотрел на задумчиво потиравшего свой висок Гейра.

– Никто не должен знать о предательстве моего брата, иначе в армии начнётся разброд.

– Я согласен с тобой, – кивнул Ингард и посмотрел на Бьярна. – Ты должен молчать о том, что было этой ночью. Пусть все думают, что отряд Ахарна отправился в разведку.

– Хорошо, – вздохнул Бьярн. – Я помолчу. Но когда этот граф мне попадётся, я разорву его собственными руками.

Он круто развернулся и вышел. Гейр и Велунд переглянулись.

– Дела... – протянул норвежец, и в шатре надолго установилось тягостное молчание.

– Мне кажется, сейчас самое время достать Одрёрир, – произнёс, не глядя на Гейра, Велунд.

– Нет, – обдумав это предложение, покачал головой Ингард. – Для начала попытаемся справиться своими силами, не призывая без нужды силу богов. Одрёрир я использую, только если у меня не останется другого выхода.

– Как пожелаешь, – отозвался альв, внезапно улыбнувшись, и Гейр готов был поклясться, что в его голосе прозвучало искреннее облегчение.

– Нам надо хоть немного отдохнуть, – подымаясь, сказал король альвов и направился к выходу из шатра. – Завтра нас ждёт трудный день.

– Спасибо! – воскликнул ему вдогонку Ингард, сам точно не зная, за что именно он благодарит: за совет или за понимание. Велунд на миг задержался.

– Не за что. Я только надеюсь, что ты примешь правильное решение, когда придёт время. Сейчас оно, похоже, ещё не пришло.

Он вышел. А Гейр остался сидеть, глядя на задёрнувшийся полог, и в его голове не было ничего, кроме звенящей пустоты.

«А я надеюсь, что это время не придёт никогда», – пробормотал он себе под нос. Гейр не понимал, почему его так отвращала сама мысль об использовании чаши Одина, ради обладания которой ему пришлось пройти весь Нифльхейм. Но в его ушах всё ещё стоял смех Хель, когда она отдавала ему эту чашу, и в душе норвежца зрела уверенность, что Форсети ему сказал далеко не всё об Одрёрире. К тому же Гейр и так всегда знал, что боги ничего не дают задаром, и плата за их помощь намного превышает полученную выгоду. А значит, пусть лучше боги будут должны ему, чем наоборот.

Рассвет был серым и холодным. Гейр был уже на ногах и обходил позиции. Увидев значительную брешь в прежней расстановке сил, норвежец почувствовал, как болезненно жалось сердце. Надо было торопиться, чтобы перераспределить войска – альфарские разведчики, вернувшиеся ещё до утра, донесли, что армия троллей и тёмных альвов уже на подходе.

Весть о том, что Ахарн со своим отрядом ушёл в разведку, уже распространилась по армии, и люди без удивления встретили приказ перестроиться. Сомкнув ряды, войско Ингарда превратилось в неприступный бастион, защищённый щитами и оцетинившийся

копьями. Гейр объехал вокруг него на своём гнедом и остался доволен, подумав, что большего не сумел бы сделать и сам Тор. Теперь оставалось только ждать...

К полудню напряжение достигло своего пика, и словно это послужило сигналом, до слуха людей и альвов донёлся неясный ещё гул. Он звучал, казалось, отовсюду, и в такт ему подрагивал сам воздух. Шум нарастал, усиливаясь с каждой секундой, но долина Урнес оставалась пустынной. Люди заволновались, их ряды всколыхнулись, словно камыш под первым порывом ветра. Гейр и сам почувствовал, как вспотели его ладони, и, привстав на стременах, взгляделся в серую заснеженную даль, пытаясь высмотреть там их противника. И в этот момент хриплый рваный звук привлёк его внимание. Над ними, распластав крылья по воздуху и лишь изредка шевеля ими, кружили два ворона, похожие на далёкие чёрные кресты. Ингард облегчённо рассмеялся.

– Смотрите! – закричал он так, что его услышали и в самых дальних рядах. – Это Хугин и Муни⁵⁵ несут нам добрый знак! Один с нами!

Радостный вздох прошелестел над долиной Урнеса, и все подняли лица вверх, пытаясь увидеть мудрых птиц повелителя эзиров. А когда они снова посмотрели на равнину, то она была уже черна от огромного воинства, заполнившего её от края до края. Тяжёлые серые тучи, цеплявшиеся за вершины гор, что окружали Урнес неприступной стеной, нехотя разошлись в стороны, открыв блеклое, низкое, зимнее небо. Сквозь разрыв в их пелене проглянуло солнце и залило каким-то пронзительным светом, какой бывает только перед бурей, и горы, и долину, и замершие на ней войска. И буря разразилась.

Обе рати всколыхнулись и двинулись навстречу друг другу, постепенно набирая скорость, пока не перешли на стремительный бег, полный ярости и жажды крови. Армии людей и троллей быстро сближались, и вскоре уже можно было различить не безликую слитную толпу, а отдельных воинов, составляющих её. Торкель, скакавший рядом с Гейром, выразительно при- свистнул.

– Знаешь, будь у меня выбор, я предпочёл бы сразиться всё-таки с настоящими пик- тами, – сказал он, косясь на Гейра.

– Я бы тоже, – вздохнул Ингард. – Вот только выбора у нас как раз и нет.

И, перехватив Хрунтинг поудобнее, он на всём скаку врубился в первые ряды троллей.

⁵⁵ Хугин и Муни – вороны Одина

Сшибка разнеслась оглушительным треском...

Эта сшибка разнеслась окрест оглушительным треском и лязгом. Вздыбив коня, Гейр толкнул его на врагов, заставляя копытами дробить их черепа. Его меч не отставал, мелькая подобно молнии то справа, то слева, и от его ударов не спасали ни щиты, ни доспехи. Ингард, казалось, был вездесущ: он успевал и наносить удары, и отражать удары врагов, он вертелся на своём гнедом жеребце, подобно обезумевшему берсерку, и, подобно берсерку, тупил мечи противников, даже не осознавая этого, так что те даже не могли пробить его кожаный панцирь. Когда под ним пал конь, пронзённый копьём какого-то тролля, Ингард спрыгнул с него и с неослабевающей энергией устремился вперёд. Его побелевшие, лишившиеся радужки глаза казались слепыми, но Гейр успевал отклониться от рассекавшего со свистом воздух топора тролля – и тут же безошибочно вонзить Хрунтинг тому в грудь или горло. Он превратился в боевую машину, одержимую одной лишь страстью: жаждой убивать. Для него перестали существовать прошлое и будущее, лишь «здесь» и «сейчас» имели значение. Только сеча, разразившаяся здесь, на просторах Урнеса, доставляла ему радость, и только кровь, пролившаяся сейчас, приносила счастье. Захваченный шальной злостью, Гейр нёсся вперёд, словно несомый порывом ветра осенний лист, и никто не в силах был задержать этот полёт. И лишь крик Торкеля сумел пробиться сквозь этот морок берсерка и достучаться до сознания Ингарда.

– Один! Они в западне!

Приостановив свой бег, Гейр взгляделся туда, куда указывал викинг, и почувствовал, как захолонуло его сердце. Торкель не ошибся: светлые альвы, оторвавшиеся от своих союзников-людей, были окружены плотным кольцом троллей и тёмных. И кольцо это неуклонно сжималось.

– Вперёд! – завопил Ингард и остервенело махнул Хрунтингом, снеся голову какому-то неосторожному низовику. Но и он, и окружающие его люди прекрасно видели, что они не успеют на помощь, как бы им этого не хотелось – слишком большое расстояние отделяло их от альвов, и слишком много было между ними врагов.

И в этот момент, когда, казалось, всё было кончено, с тыла на ревуших в предвкушении победы тёмных альвов обрушилась конная лавина и разметала их, как булыжник, попавший в лужу, расплёскивает её воду. Гейр замер с открытым ртом: во всаднике, возглавлявшем спасительную атаку, он узнал Ахарна, не так давно причисленного норвежцем в презренный разряд предателей.

– Вовремя, – утирая пот со лба, выдохнул Торкель.

– Не расслабляйся, – буркнул в ответ Ингард, всё ещё ощущавший в глубине души неприязнь к заносчивому графу. – Мы ещё не победили.

И так зло махнул мечом, что рассёк выскочившего на него тролля практически пополам.

– Теперь это лишь вопрос времени, – ухмыльнулся Торкель. И скупым, но точным движением пронзил своим копьём горло подошедшему слишком близко низовику.

Сумарлиди яростно выругался. Его лицо было покрыто брызгами крови, топор по самую рукоять напитался ею, но всё оказалось бесполезным. Манёвр светлых, взявших армию тёмных альвов в клещи, оказался столь внезапным, что низовики даже не успели перестроиться для отражения атаки и были смяты в какие-то минуты. Да что там минуты? Секунды хватило, чтобы победа, казавшаяся уже столь близкой, ускользнула между пальцев юрким угрём.

Но даже не это терзало сейчас душу сына Рагнавальда раскалёнными клещами палача. Судьба в очередной раз посмеялась над ним, не дав исполнить задуманное. А ведь враг, которого Сумарлиди так мечтал убить, был на расстоянии броска камня, когда водоворот схватки разделил их, разнеся в разные стороны. И как Сумарлиди не стремился найти Гейра вновь, ему это так и не удалось, а теперь, похоже, и не удастся вовсе.

Норвежец зло посмотрел туда, где конница светлых альвов крушила армию своих извечных противников – низовиков, и зашипел сквозь стиснутые до боли зубы, подобно раздавленной гадюке. Всё его естество стремилось в бой, чтобы унять клекотавшую в нём ярость, но рассудок ещё не окончательно оставил Сумарлиди. И, с невероятным трудом обуздав свой порыв, он рывкнул сражавшемуся рядом с ним Нагли:

– Отступаем!

– Но король Мотсогнир... – начал было тролль, однако Сумарлиди с ненавистью оборвал его:

– Мотсогнир мне не указ, я сам – король! Отступаем, я сказал!

14. Ночь магии

Тролли всё дальше уходили от Урнеса, и всё чаще Сумарлиди ловил на себе их косые взгляды. Норвежец по праву сильного занял трон Рикнесса, но сейчас он проиграл, и страх троллей перед ним ослаб: вождь, утративший везение, терял и власть. Сумарлиди знал это как никто другой, но сколько он не думал над тем, как исправить положение, ничего путного в голову ему не приходило. Небо над долиной темнело, обещая скорую ночь, и так же темно было на сердце викинга. И темнота эта становилась с каждым его шагом всё гуще и гуще, грозя затопить его без остатка.

Когда перед ним невесть откуда возник Мотсогнир, Сумарлиди даже не удивился. С усталым равнодушием смотрел норвежец на короля тёмных, и спокойно ждал, что тот скажет. Сумарлиди не удивился бы, вызови Мотсогнир его на поединок за то, что норвежец бросил его войско в самый разгар сражения, но король низовиков сказал совсем другое:

– Удача сегодня отвернулась от нас. Но битва – это не вся война, и у нас есть шанс всё исправить.

– Как? – напрягшись, как гончая, почуявшая запах добычи, спросил Сумарлиди.

– Забрать то, что помогло смертным и светлым нас сокрушить, – ответил Мотсогнир. Норвежец горько усмехнулся.

– И что же это? Расположение эзиров?

– Ты почти угадал, – улыбнулся тёмный альв. – В лагере смертных находится чаша Одрёрир, из которой сам Один пил когда-то мёд истины. Именно она даёт владеющему ею власть и силу, недоступные никому, кроме разве что эзиров. Именно эта чаша позволила сегодня Льесальвхейму уцелеть.

– И ты хочешь выкрасть её? – прищурился Сумарлиди, обдумывая, зачем Мотсогнир говорит о чаше ему.

– Не выкрасть! – оскорблённый таким предположением, рявкнул король. – Эту чашу изготовили тёмные альвы Фьялар и Галар, и она по праву принадлежит нам, а не эзирам! Принадлежит мне! – взяв себя в руки, убеждённо закончил Мотсогнир.

– Тогда для чего тебе я? – пожал плечами Сумарлиди. – Раз она твоя, так иди и возьми её. Мотсогнир разом сник.

– Я не могу. Велунд сразу распознает любого тёмного, что посмеет приблизиться к чаше. Но смертный в лагере смертных растворится, как капля воды в озере, и сможет незамеченным найти Одрёрир и спокойно вынести его.

– Спокойно? – саркастически фыркнул Сумарлиди. – Сомневаюсь, что люди этого... Ингарда будут столь беспечны, чтобы не выставить постов. А те непременно заинтересуются незнакомцем, шныряющим среди их палаток.

– Это я беру на себя, – беспечно махнул рукой Мотсогнир. – Мои альвы отвлекут все посты на себя, и никто не помешает тебе найти Одрёрир.

– Перерыв весь лагерь? – усмешка норвежца стала шире. – Не думаю, что это получится... в разумные сроки, во всяком случае.

– Этого и не потребуется, – улыбнулся в свою очередь Мотсогнир. – Одрёрир сам приведёт тебя к себе.

Глаза слипались сами собой, и как Торкель не боролся со сном, промежутки забытья становились всё длиннее. Окружающее сливалось в сплошной водоворот неясных образов и размытых очертаний, разобраться в которых усталый мозг викинга был уже не в состоянии. В таком состоянии мимо него могла преспокойно промаршировать целая армия, и Торкель даже не пошевелился бы, чтобы поднять тревогу.

Он вздохнул и, зажав копьё под мышкой, яростно потёр лицо обеими ладонями. Это помогло, но лишь на несколько минут. Торкель удручённо вздохнул. После целого дня тяжёлого сражения никто не смог бы стоять на часах – и не испытывать желания свалиться прямо на землю и заснуть. Торкель был не исключением, но сила воли, помноженная на упрямство, заставляла его до конца исполнить свой долг. И викинг продолжал упорно таращить глаза на расстилавшуюся перед ним долину, хотя не мог даже различить, где проходила граница между небом и землёй.

Тихий шорох заставил его встрепетаться и настороженно замереть. Вокруг, насколько он мог судить, ничего не изменилось, но чувство постороннего присутствия набатом застучало у него в висках. Забыв о сне, Торкель поднял копьё, готовый пронзить любого, появившегося из тьмы. И в этот момент копьё в его руке странно зашевелилось, словно обрело свободу движений, и, круто изогнувшись, метнулось – но не во врага, которого всё не было, а в самого Торкеля. Опешив от неожиданности, викинг всё-таки рефлекторно уклонился от удара и отшвырнул копьё прочь, словно ядовитую гадину. А копьё, упавшее в нескольких шагах от него, действительно как змея развернулось – и поползло к норвежцу, стремительно сокращая разделявшее их расстояние. Судорожно сглотнув, Торкель отпрыгнул в сторону и выхватил кинжал. Но и тот решил предать его. И вонзил в ладонь Торкеля острые как иглы зубы, неведь откуда взявшиеся на его рукояти.

Дико заорав, викинг выронил взбесившееся оружие из вмиг ослабевших пальцев. И едва успел увернуться от выпада подползшего слишком близко копьё, про которое он едва не забыл. «Я схожу с ума!» – обречённо подумал Торкель, но острая боль в левой ноге тут же убедила его в реальности происходящего – кинжал, воспользовавшись его невнимательностью, остервенело впился ему в сапог и начал рвать его, как пёс, легко прокусив дублёную кожу и добравшись до живой плоти.

«Хорошо ещё, сухожилие не повредил», – зло подумал Торкель, пытаясь стряхнуть с себя кинжал и одновременно следя за манёврами ползающего вокруг него копьё. Всё это в полной мере напоминало бред сумасшедшего, и норвежец никак не мог заставить себя позвать на помощь, опасаясь, что прибежавшие найдут его спятившим – и сражающимся с собственным оружием, которое окажется вполне нормальным.

«Ну, уж нет!» – процедил Торкель Чёрный, уворачиваясь от очередного копеечного выпада. – «Моё оружие – мне с ним и разбираться». И, подхватив с земли увесистый булыжник, что было сил шархнул им по кинжалу, расколов его лезвие на несколько кусков. Торкель готов был поклясться, что при этом слышал не звон лопнувшего металла, а стон смертельно раненого существа, но задумываться над этим ему было некогда – копьё, разъярённое гибелью своего «напарника», перешло в решительное наступление. И викингу пришлось приложить всё своё умение, чтобы избежать его стремительных ударов – и остаться в живых.

Сумарлиди с группой низовиков подкрался к лагерю людей совсем близко, пользуясь ночной тьмой и каждым выступом, каждым камешком, способным скрыть их продвижение. И замерли, вглядываясь в открывшуюся перед ними картину. Глаза Сумарлиди горели нечеловеческим жёлтым огнём и легко пронзали мрак, различая не только палатки, костры и гревшихся возле них караульных, но и всё, что находилось в самих палатках, до мельчайших подробностей. В его ушах ещё гремел голос Мотсогнира, певшего гальдры⁵⁶, и его тело ещё помнило все метаморфозы, происходившие с ним во время этого пения. И магическое зрение было наименьшей из этих метаморфоз.

– Пора, – шёпотом сказал Сумарлиди старший из чёрных альвов, и низовики бесплотными тенями растворились во тьме. Сумарлиди не двинулся с места, ожидая сигнала. Его

⁵⁶ Гальдр – заклинание, магическая песня

сердце билось уверено и ровно, хотя от нетерпения и бурлившей в его жилах энергии норвежцу хотелось чесаться и кричать, словно ему под кожу запустили огненных муравьёв: Мотсогнир не обманул, и Сумарлиди явственно ощущал зов Одрёрира, находившегося в каких-то ста шагах от него. Но викинг сдерживал себя из последних сил, понимая, что от этого зависит успех всего их дела. А он не хотел потерять ещё один шанс расквитаться со своим кровным врагом из-за собственной спешки.

Он знал, что должно произойти, и всё-таки вопль ужаса, исторгнутый караульным, едва не застал его врасплох. Крик тут же оборвался, но его было достаточно, чтобы в лагере зашевелились, и из палаток начали выскакивать сонные, но готовые к отражению внезапной атаки люди. Сумарлиди удовлетворённо кивнул, и в этот момент крик повторился. Воины тут же бросились туда, где кричали, и норвежец ужом скользнул к оставленной без присмотра границе лагеря: тёмные альвы выполнили свою задачу и расчистили ему дорогу к цели. Теперь всё зависело только от него.

Ингард оказался ближе всех к месту происшествия и прибежал туда первым. И остановился, удивлённо глядя на Торкеля, безумным козлом скакавшего по камням. Во мраке было трудно разобрать, что происходит, и казалось, что Торкель просто решил согреться – или сошёл с ума, вообразив себя великим танцором, которому не требовалась музыка Хардангерфеле для его плясок. И только спустя почти минуту Гейр рассмотрел, от чего отпрыгивает его друг, и волосы зашевелились у него на голове: Торкеля преследовало его собственное копьё, норовя пронзить его, как куропатку. Ингард выхватил Хрунтинг, но ещё миг не двигался, не решаясь вмешаться в сверхъестественную битву человека и ожившего оружия. А потом отбросил прочь все сомнения и ринулся вперёд, пытаясь мечом достать увёртливое копьё – и отсечь ему его стальное жало.

Копьё, почувшшее нового врага, тут же развернулось в его сторону и без колебаний бросилось в атаку. А Торкель Чёрный без сил опустился прямо в истоптанный его прыжками снег, прижав ладонь к кровоточащему боку – один из выпадов его ожившего оружия достиг-таки цели. Но Гейру сейчас было не до него – он сам теперь был вынужден скакать и уворачиваться от взбесившегося копьё, не ощущавшего ни усталости, ни страха.

Внезапно его ладонь перестала чувствовать привычную твёрдость рукояти Хрунтинга, и Гейр с ужасом обнаружил, что держит не меч, а огромную, злобно шипящую змею, готовую вот-вот ужалить его. Отшвырнув мерзкую тварь, Ингард снова повернулся к копьё, но опоздал: своим обрётшим гибкость древком оно захлестнуло ему ноги и резким рывком бросило его на землю. И изогнулось, намереваясь пронзить норвежцу горло. «Конец!» – мелькнуло в голове Гейра, и он поднял руку в тщетной попытке остановить смертельный удар.

– Лауказ Ургандиз! – раздался вдруг над ним знакомый голос, и копьё, разом утратив подвижность, вытянулось и простой деревяшкой упало в снег. Тяжело дыша, Гейр посмотрел снизу вверх на говорившего и улыбнулся.

– Ты вовремя. Как никогда! – сказал он стоявшему над ним Форсети. И потерял сознание.

Сумарлиди всё дальше уходил от линии передовых постов. И с каждым шагом чувствовал себя всё увереннее. Он шёл, совершенно не скрываясь, влекомый зовом Одрёрира, которому было невозможно сопротивляться. Да Сумарлиди и не хотел сопротивляться, он летел к чаше, словно на крыльях, как юноша летит к своей возлюбленной.

Сумарлиди приблизился к палатке, к которой его вёл призыв Одрёрира, и на миг остановился, бросив настороженный взгляд по сторонам. Всё вокруг было тихо, и викинг откинул полог, намереваясь войти.

– Стой! – хлестнул по его напряжённым нервам властный окрик, и Сумарлиди стремительно оглянулся. Перед ним стоял, держа копьё наперевес, охранник.

– Кто ты и что тут делаешь?

Не отвечая, Сумарлиди метнулся к воину серой тенью, размазавшейся в полёте, и сжал стальными пальцами его затылок и подбородок. Рывок – и обмякший стражник осел на землю бездыханным трупом. Затолкав тело под стоявшую рядом телегу, Сумарлиди отёр покрывшийся бисеринками пота лоб и негромко, но с чувством выругался. И бросился в палатку, пока не появился ещё кто-нибудь.

Внутри было темно, но глаза норвежца, горевшие жёлтым магическим огнём, видели в этом кромешном мраке каждую вещь в мельчайших подробностях. Сумарлиди остановился посреди палатки и прислушался к себе. Сейчас же какая-то необоримая сила словно схватила его за шкирку и поволокла к лежанке, установленной у дальней стены. И Сумарлиди охотно подчинился этой силе – его и её желания сейчас полностью совпадали.

Норвежец упёрся коленями в край лежанки и остановился. Вытянув руку, он нагнулся, и его пальцы нащупали грубую ткань заплечного мешка. Сумарлиди вытащил его и принялся лихорадочно развязывать. Сунул руку внутрь – и издал торжествующий возглас. Медленно, как нечто очень хрупкое и непередаваемо дорогое, он извлёк из мешка Одрёрир, и палатка озарилась мягким жемчужным сиянием. Затаив дыхание, Сумарлиди смотрел на чашу – и не мог насмотреться, забыв, где он находится.

– Гейр, ты zde... – начал было влетевший в палатку раскрасневшийся Бьярн и осёкся, глядя на стоявшего с чашей в руках Сумарлиди с удивлением и гневом.

– Его здесь нет, к сожалению, – криво усмехнулся тот и сунул Одрёрир за пазуху. – И тебя здесь тоже быть не должно.

Его рука легла на рукоять Чёрного Убийцы, и усмешка стала шире. Бьярн нахмурился.

– Но я тут. И ты с этим уже ничего не поделаешь.

– Посмотрим, – хмыкнул Сумарлиди, и его топор словно сам собой выскользнул из-за пояса и со свистом крутанулся, рассекая воздух. – С дороги, пёс, или ты сдохнешь за имущество своего хозяина!

– Посмотрим, – ответил его же словами Бьярн и стремительно вытащил свой меч, пригнувшись в оборонительной стойке. Сумарлиди радостно рассмеялся – и берсерком ринулся на него. И топор превратился в чёрную молнию в его руках.

Они сошлись грудь в грудь, и с грохотом и звоном сшиблось их оружие. Бьярн был гибок и умел, но Сумарлиди брал своим безумным напором и ужасающими по силе ударами, и он шаг за шагом теснил своего противника к выходу, за которым его ждала свобода.

Бьярн разгадал его манёвр, но ничего не мог поделать. Он едва успевал обороняться – и продолжал пятиться, уступая бешеному натиску. Топор Сумарлиди расплывался перед глазами Бьярна в прозрачную кисею, окутывавшую фигуру его врага, и невозможно было предугадать, откуда последует удар. Только скорость реакции да ещё, пожалуй, удача спасали ещё сына Брюньольва от гибели; о том же, чтобы нанести ответный удар, он забыл уже и думать. С таким противником Бьярну ещё не доводилось сталкиваться, и в душе он молился, чтобы не довелось столкнуться и впредь. Если, конечно, он умудрится уцелеть в этом бою. А на это надежды оставалось всё меньше и меньше.

Вдруг он услышал знакомые голоса, и, угасшая уже было совсем, надежда с новой силой вспыхнула в его сердце. Но их же услышал и Сумарлиди – и понял, что если бой продлится ещё хотя бы полминуты, то ему уже не удастся скрыться. И, глухо зарывчав, он взмахнул Чёрным Убийцей – и со всей силы обрушил его на голову Бьярна. Тот успел закрыться, но сталь не выдержала и с печальным звоном разлетелась на куски. Даже не вскрикнув, Бьярн завалился на бок и затих. Сумарлиди переступил через него и осторожно выглянул из палатки. Путь на его счастье был ещё свободен, и норвежец выскользнул наружу и тенью растворился во мраке. А всего через несколько секунд к палатке подошли хромающий Гейр и Форсети, бережно придерживающий его под локоть.

– Это была магия, магия тёмных, и вы не были к ней готовы, – говорил спакон, успокаивающе улыбаясь. – Но, несмотря на это, вы неплохо держались, а на такое способен далеко не каждый смертный.

– Держались, – с горечью повторил Ингард. – Если бы не ты, мы с Торкелем были бы уже мертвы: всё-таки сражаться с собственным оружием – это как-то... не по-человечески.

Он покосился на Хрунтинг, спокойно качавшийся в ножнах на поясе, и поёжился. Воспоминания о предательстве своего меча были ещё так свежи, что Гейр всерьёз сомневался, что сможет в ближайшем будущем забыть об этом – и пользоваться Хрунтингом, как прежде: доверяя ему свою жизнь.

– Что произошло? – встрял в их разговор новый голос, отвлекая Ингарда от его невесёлых раздумий. Оглянувшись, Гейр увидел подходящих к ним Велунда и Ахарна.

– На передовые посты было совершено нападение, но мы отбили его, – скупко ответил викинг, всё ещё относившийся к брату короля светлых альвов с заметной прохладцей. Но Ахарн на сей раз решил не замечать этого и, напрягшись, спросил:

– Это были тролли?

Норвежец посмотрел на него испытующим взглядом, чувствуя, как рождённый этим вопросом холод тяжёлым грузом опускается ему в желудок.

– Нет, не тролли. Другие, – отозвался за него Форсети. Велунд и Ахарн переглянулись.

– Чёрные... – медленно произнёс король. Потом бросил на Ингарда взгляд, который тому очень не понравился. – И ты говоришь, что вы отбили их атаку?

– Да нечего было отбивать, – покачал головой Гейр. – Никто так и появился, вот только наше оружие решило повоевать с нами. Если бы не Форсети, нам пришлось бы туго.

– Они использовали спакрафт⁵⁷, – ответил на немой вопрос Велунда Форсети.

– И всё-таки отступили, – с упором произнёс Ахарн, играя желваками, и снова обменялся с Велундом быстрым взглядом. – Зачем же им это понадобилось?

Словно в ответ на его вопрос, из палатки донёсся протяжный стон. Гейр, не раздумывая, подбежал к ней и рывком откинул полог. У его ног лежал в луже начавшей густеть крови Бьярн.

– Он... ушёл, – чуть слышно выдохнул сын Брюньольва. На большее его не хватило, но и этого было вполне достаточно. Страшная догадка заставила Ингарда похолодеть, и он стремительно бросился к лежанке, забыв о своих ранах. Упаву перед нею на колени, Гейр принялся лихорадочно перетрясать её, прежде чем нашёл свой мешок. Он сунул руку внутрь, и дрожь пробежала по его спине. Медленно, как столетний старик, выпрямившись, Ингард повернулся и встретил встревоженный взгляд Форсети.

– Одрёрир... – беспомощно произнёс Гейр, опуская глаза. – Он... похищен.

И мёртвая, абсолютная тишина была ему ответом.

⁵⁷ Спакрафт – магия, колдовство

15. Погоня

...Движение вперёд было медленным и плавным, он плыл по течению, отдавшись на волю волн. Они щекотали ему кожу своими бархатными теплыми губами, ненавязчиво подталкивали снизу, вздымая все выше и выше, к звёздам... А затем движение останавливалось, волны пол ним разверзались, и он, судорожно дёрнувшись, начинал падать в чёрную бездну. Но где-то глубоко в непроглядном мраке его вновь принимали в свои объятия нежные складки неведомой поверхности и начинали распухать, вынося его наверх, к свету и теплу...

...Гейр проснулся на третьем взмахе этих странных качелей, и долгое время лежал, бездумно таращась в сумрак над головой. А затем повернулся на бок и осмотрел обстановку своей походной палатки. Завтра союзные армии покидают долину Урнес и возвращаются каждая к себе: люди в Аурланд, альвы – в Льесальвхейм, где ждёт их сверкающий чертог Синдри. Этот необычайный союз смертных и вечных распадется, и едва ли ещё когда-нибудь он станет возможен. Теперь, когда основные силы Тролльхейма и Свартальвхейма⁵⁸ разгромлены, светлые альвы сумеют и сами справиться с остатками троллей и низовиками Мотсогнира. Если только...

Ингард резко спустил ноги на пол и сел. Завтра армии разойдутся и больше люди не понадобятся в этой битве, если только не вмешается сила гораздо более мощная, чем даже власть альвов, йотунов и эзиров. Сила, которую дарует смертным Одрёрир.

Гейр встал и прошёлся по шатру, томимый мрачными мыслями. Затем ударил себя кулаком по бедру и принялся быстро собираться. Как бы там ни было, именно из-за него чёрным альвам удалось похитить чашу, и он сам должен был исправить свою ошибку.

Сложив в мешок свои немудрёные пожитки, викинг потуже затянул ремешок и закинул котомку на плечо. Меч оттягивал своей тяжестью пояс, в мешке был недельный запас еды, фляга, хлопавшая по бедру, была полна. И, конечно же, с ним был тарнкаппе, волшебный подарок королевы Глорианы. Больше Ингарду ничего не было нужно и, вздохнув, он вышел из палатки.

– Решил пойти против троллей в одиночку? Ну-ну, – достал его в спину, словно брошенный камень, вопрос. Вздвогнув от неожиданности, Гейр обернулся и встретился с насмешливым взглядом Форсети.

– Да я... – оправдываясь, произнёс викинг, разведя руки. Спакон укоризненно покачал головой.

– Твоё решение – простейший способ самоубийства, впрочем, если тебе наскучили поля Мидгарда, давай, иди.

– Я должен это сделать, – угрюмо и упрямо произнёс Ингард. – По моей вине чаша пропала, и я сам должен её вернуть.

– Хорошо, – вздохнул, смиряясь, Форсети. – Если ты решил это твёрдо, я не стану тебя отговаривать. Вот это, – спакон протянул Гейру похожую на хюсас-норту подвеску на кожаном шнурке, – приведёт тебя к Одрёриру, где бы он ни был. А теперь ступай. И удачи тебе.

– Прощай, – кивнул норвежец и, не оглядываясь, зашагал прочь от палатки. А Форсети остался стоять, провожая его долгим взглядом. Лишь когда силуэт викинга окончательно растаял в утренней мгле, спакон зашевелился и произнёс тихое заклинание. Через секунду в небо над лагерем взмыла серая чайка, возвестив о себе пронзительным скрипучим криком. А там, где только что стоял Форсети, не осталось ничего, кроме пары серых перьев, трепещущих на ветру...

⁵⁸ Свартальвхейм – мир чёрных альвов

Сумарлиди быстро шёл, почти бежал по ночным горам, и сердце его бешено колотилось. Его согревало колдовским жаром невиданное сокровище – Ордёрир. Оно жгло раскалённым железом, но норвежец не доставал его из-под рубашки, боясь вновь подпасть под его чары. И Сумарлиди продолжал бежать всё дальше в ночь, не сознавая, куда и зачем он идёт. И только звериные инстинкты не позволяли ему сбиться с дороги. Так минула тьма и начал постепенно разгораться день. А Сумарлиди всё шёл и шёл, не ощущая ни голода, ни жажды, ни усталости. Он едва ли хоть что-то замечал вокруг себя, его голова была забита совсем другими мыслями, и лихорадка нетерпения била его крупной дрожью.

Серый рассвет застал его уже далеко от Урнеса. Инград шёл размашисто и неторопливо, и в таком темпе он мог идти ещё хоть два дня, не останавливаясь на ночлег. Он был вынослив и знал это. Именно на свою выносливость Гейр и рассчитывал в погоне за похитителями, он собирался гнать их, как диких зверей, гнать без остановки. Время от времени норвежец слышал у себя над головой протяжный и скрипучий крик чайки и, подняв глаза, следил за её полётом, с удивлением размышляя, откуда она взялась так далеко от побережья. Но чайка была всего лишь птицей, и Гейр вскоре забыл о ней, поглощённый раздумьями о цели своего похода.

Ближе к полудню он устроил небольшой привал. Не разводя костра, норвежец позавтракал сушёной олениной и лепёшкой кнедброда, запив эту трапезу ломящей зубы водой из бегущего поблизости ручья. Дав себе полчаса отдыха, Инград прилёг на расстеленный плащ, глядя в пасмурное низкое небо. С востока шли тяжёлые чёрные тучи, обещавшие снегопад. Вдохнув, Гейр поднялся и тронулся дальше, спеша как можно больше пройти до непогоды.

Снегопад начался под вечер. Первые снежинки падали медленно, словно не были уверены в том, лететь ли им вниз или всё же вернуться обратно. Ветра не было, и это падение происходило в полнейшей тишине, нарушаемой лишь поскрипыванием снега под подошвами сапог Ингарда. Затем снежинки стали падать гуще, и вскоре уже ничего нельзя было разглядеть из-за огромных снежных хлопьев, сплошным белым занавесом опускавшихся на спящую землю. Гейр вынужден был прекратить преследование и искать себе укрытие на ночь.

Он устроился в корнях старого дуба, между которыми образовалась естественная пещерка. Здесь было тесно, но тепло и уютно, тихий шелест валившего снега навевал дремоту, и Гейр незаметно для себя погрузился в сон...

Ущелья Рамскелла были глубоки и мрачны, солнечные лучи и в полдень не достигали их дна. В эти ущелья боялись заходить даже волки, и всё же Сумарлиди вздохнул с облегчением, когда добрался сюда. Он шёл и днём и ночью без сна и отдыха, не позволяя себе остановиться хоть на час. За всё это время он не съел ни крошки хлеба, лишь иногда норвежец закидывал в рот горсть снега, чтобы убавить мучившую его жажду. Это был сумасшедший переход, и только безумец мог отважиться на него. Впрочем, Сумарлиди и был безумцем. Он привык к жару, излучаемому чашей, и уже не мыслил себе жизни без него. Казалось, отними у него Одрёрир – и отнимешь саму жизнь, настолько норвежец сроднился с волшебным сосудом. И теперь, обладая им, Сумарлиди совсем не собирался отдавать его Мотсогниру, на что рассчитывал король чёрных альвов.

Открыв глаза, Ингард с удивлением воззрелся на белую стену, застилавшую обзор. Лишь через несколько секунд он сообразил, что это обыкновенный снег: снегопад, продолжавшийся всю ночь, полностью закрыл вход в пещерку. Выругавшись, Гейр принялся пробиваться сквозь завал, обжигая руки о корку наста.

Наконец в глаза ему ударили яркие лучи утреннего солнца, и викинг полной грудью вдохнул свежий морозный воздух. Небо над его головой было чистым и прозрачным, где-то стучал дятел, стрекотала сорока. Но все эти звуки вдруг перекрыл хриплый крик морской чайки,

донёсшийся с вышины. Вскинув голову, Ингард успел заметить серую тень, промчавшуюся над верхушками деревьев.

– А, старая знакомая, – усмехнулся он. Тут же забыв о настырной птице, Гейр достал подарок Форсети, ища утерянное вечером направление своего пути. Магическая хюсас-норта, извлечённая из мешка, резво крутанулась на шнурке и, дрожа, словно в нетерпении, устала свой заострённый конец на северо-восток. Определившись, Ингард потянулся, расправляя затёкшие члены, и тронулся в дорогу, по колено утопая в свежевывавшем снегу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.